

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 01-06-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 01-06-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diabls Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарава, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет , Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diabes Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovsky str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Besspalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremetyeva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатом можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

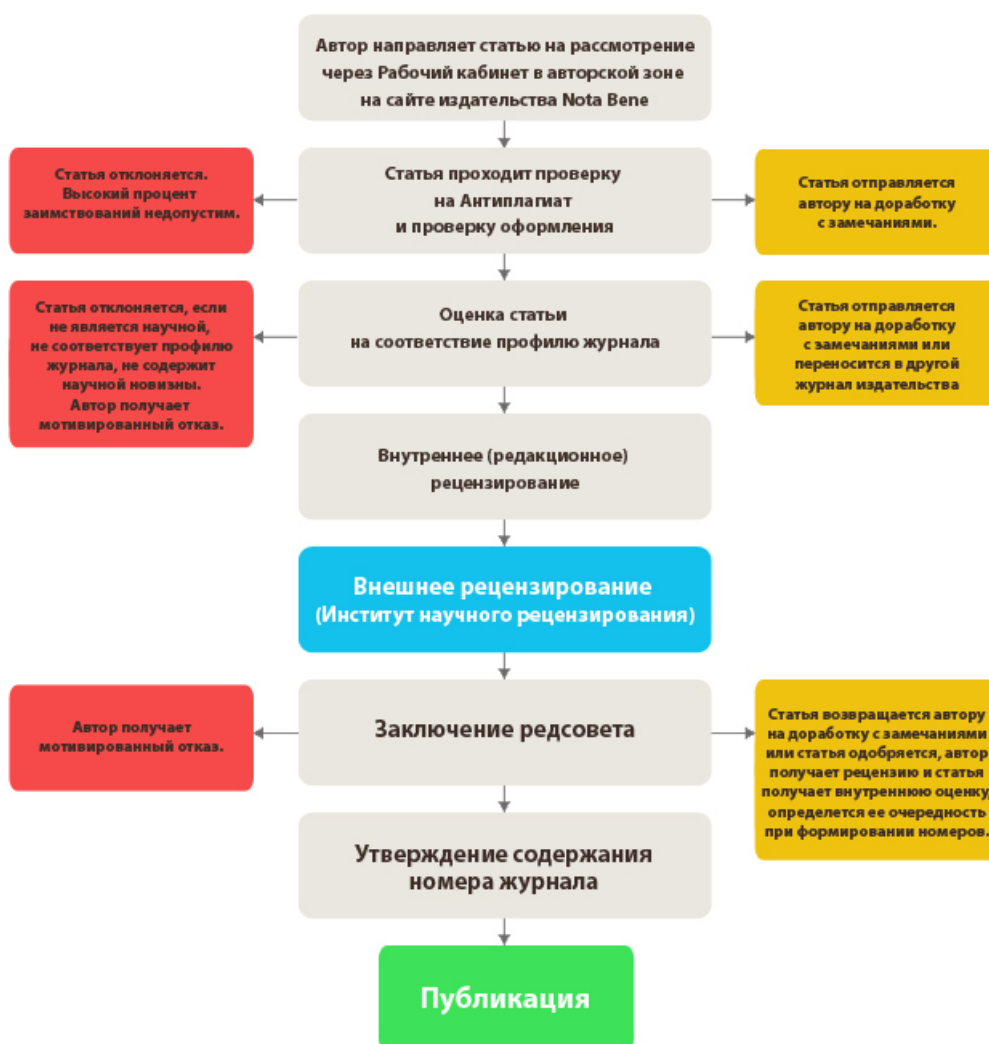
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Куличева Е.В. Наименования образовательных учреждений в педагогическом дискурсе Ф. А. Вигдоровой (на материале произведений 1950-1960 гг.)	1
Тодосиенко З.В., Брылева Р.Ф., Воробьёва О.В. Метафорический образ "звезда" и его разнообразная концептуальная интерпретация (на материале русского и французского языков)	11
Давтянц И.И. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в свете проявления национального коммуникативного стиля (на материале СМИ Мексики и США)	22
Матвеева Г.Г., Мясичева М.А., Беланова Ф.М., Аляева М.Ю. Прагмалингвистический характер грамматической унификации лексико-семантических групп	34
Рогалева О.С. Региональный новостной медиадискурс: опыт коммуникативно-прагматического анализа текстовых цепей	44
Серегина М.А. Особенности функционирования макаронизмов в свете языковой интеграции (на материале немецких публицистических текстов)	56
Цзя Ц. Сравнение слов со значением «вкус» в эмоциональной образе-схеме в русском, китайском и английском языках	68
Кашкарева А.П., Сафонова Н.Н. Этносемиотика цветообозначений в творчестве хантыйского поэта В. С. Волдина	75
Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Транспозиция субстантивных словоформ в разряд наречий совокупности: ступени, признаки, предел	87
Юрковская Е.А. Дискурсивная стратегия иррационализации восприятия англоязычной статьи, выражающей мнение	103
Англоязычные метаданные	114

Contents

Kulicheva E.V. The name of educational institutions in the pedagogical discourse of F. A. Vigdorova (based on the works of 1950-1960)	1
Todosienko Z.V., Bryleva R.F., Vorob'yova O.V. Metaphorical image "star" and its varied conceptual interpretation (based on the material of the Russian and French languages)	11
Davtyants I.I. Lexical pragmatic indicators of conflictogenicity in the light of the manifestation of national communication style (based on Mexican and US mass media)	22
Matveeva G.G., Myasischeva M.A., Belanova F.M., Alyaeva M.Y. The pragmalinguistic nature of the grammatical unification of lexico-semantic groups	34
Rogaleva O.S. Regional news media discourse: the experience of communicative and pragmatic analysis of text chains	44
Seregina M.A. Peculiarities of Functioning of Macaronisms in the Light of Language Integration (on the Example of German Publicistic Texts)	56
Jia J. Comparing words with the meaning of "taste" in an emotional image-scheme in Russian, Chinese and English	68
Kashkareva A.P., Safonova N.N. Ethnosemiotics of color meanings in the work of the Khanty poet V. S. Voldin	75
Shigurov V.V., Shigurova T.A. Transposition of substantive word forms into the category of adverbs of a collection: steps, signs, limits	87
Iurkovskaia E.A. The discourse strategy of irrationalizing the perception of an English-language opinion article	103
Metadata in english	114

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Куличева Е.В. Наименования образовательных учреждений в педагогическом дискурсе Ф. А. Вигдоровой (на материале произведений 1950-1960 гг.) // Филология: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70113 EDN: VQBRXN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70113

Наименования образовательных учреждений в педагогическом дискурсе Ф. А. Вигдоровой (на материале произведений 1950-1960 гг.)

Куличева Евгения Вячеславовна

кандидат филологических наук

Государственный университет просвещения

141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

✉ evgeniyao_86@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.5.70113

EDN:

VQBRXN

Дата направления статьи в редакцию:

12-03-2024

Дата публикации:

15-05-2024

Аннотация: Объектом лингвистического анализа послужили художественные произведения 1950-1960 гг. Ф. А. Вигдоровой, эпизоды, посвященные описанию образовательной системы советского периода, в частности, образовательных учебных заведений. Предметом лингвистического исследования являются слова, репрезентирующие концепт "ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ", использованные писательницей при характеристике средних, специальных, высших учебных заведений, при их описании, при демонстрации образовательной системы рассматриваемого периода, трансляции авторской точки зрения. Слово как единица языка, реализованное в художественных текстах 1950-1960 гг. Ф. А. Вигдоровой в смысловых и грамматических связях, транслирует особенности идиостиля писательницы, а также его

доминанты. Так, педагогический дискурс в творчестве Ф. А. Вигдоровой является одним из доминант ее идиостиля. Цель исследования - выявить роль наименований образовательных учреждений в педагогическом дискурсе Ф. А. Вигдоровой (на материале художественных произведений 1950-1960 гг.). В работе применены следующие методы исследования: лингвистическое наблюдение, описание, интерпретация, статистический подсчет, элементы компонентного анализа. Установлено, что лексико-семантическое поле концепта "ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ" состоит из лексико-семантических групп (ЛСГ): ЛСГ "Средние общеобразовательные учреждения", ЛСГ "Средние специальные учебные заведения", ЛСГ "Высшие учебные заведения". Первая ЛСГ наиболее частотная, что свидетельствует о ее особой значимости в ментально-лингвальном комплексе языковой личности Ф. А. Вигдоровой, транслируя педагогические взгляды писательницы, в частности, о ключевой роли школы в формировании личности ребёнка. Однако не менее важными являются вторая и третья ЛСГ, выражающие прагматические, нравственные, мировоззренческие, социальные установки Ф. А. Вигдоровой. Актуальность статьи обусловлена интересом современных учёных к рассмотрению концепта "ОБРАЗОВАНИЕ"; обращением к роли наименований образовательных учреждений в педагогическом дискурсе писательницы в формировании представлений об особенностях определенного фрагмента языковой картины мира Ф. А. Вигдоровой, связанной с образованием; исследованием языка произведений Ф. А. Вигдоровой с точки зрения антропоцентрического подхода, его недостаточной изученностью, в чем состоит новизна работы. Результаты исследования позволяют расширить представление о специфике мировосприятия Ф. А. Вигдоровой, особенностях её концептосферы, выявить ведущие черты идиостиля писательницы в прозаическом тексте 1950-1960 гг.

Ключевые слова:

концепт, лексема, полисемант, образование, школа, училище, университет, педагогический дискурс, языковая картина мира, идиостиль

Введение

Цель исследования – выявить роль номинаций, обозначающих образовательные учреждения в педагогическом дискурсе Ф. А. Вигдоровой (на материале произведений 1950-1960 гг.), для чего необходимо решить ряд **задач**: установить частотность употребления экспликаторов концепта «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ»; рассмотреть их лексикографические характеристики; проанализировать полевую структуру концепта «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ».

Научная новизна статьи заключается в том, что впервые предпринята попытка описать средства вербализации концепта «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ» в художественных текстах 1950-1960 гг. Ф. А. Вигдоровой.

Актуальность исследования обусловлена тем, что концепт «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ» рассматривается с антропоцентрической точки зрения в прозе 1950-1960 гг. Ф. А. Вигдоровой; средства его вербализации составляют основу ментально-лингвального комплекса языковой личности писательницы, являясь источником представлений об особенностях отражения языковой картины мира в текстах автора.

В работе использовались следующие **методы исследования**: лингвистическое наблюдение, описание, интерпретация, статистический подсчёт, элементы компонентного

анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды О. В. Толочко 1999 [\[15\]](#), Н. А. Кузнецовой 2011 [\[11\]](#), Е. А. Баженовой, В. И. Шенкман 2013 [\[1\]](#), С. В. Волошиной 2021 [\[7\]](#), В. В. Леденёвой 2021 [\[12\]](#), С. В. Минибаевой, Е. В. Тимофеевой 2021 [\[13\]](#), С. В. Колтаковой, Н. А. Неровной 2022 [\[10\]](#), О. Г. Орловой 2023 [\[14\]](#), Е. В. Учайкиной 2023 [\[16\]](#).

Материалы исследования могут быть использованы в вузовских курсах стилистики, лингвокультурологии, истории и теории языка художественной литературы, в чём заключается **практическая значимость** работы.

Лексико-семантическое поле (ЛСП) концепта «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ» состоит из лексико-семантических групп (ЛСГ): ЛСГ «Средние общеобразовательные учреждения» (*школа* – 369 употреблений, *гимназия* – 2); ЛСГ «Средние специальные учебные заведения» (*училище* – 25, *техникум* – 16, *рабфак* – 5); ЛСГ «Высшие учебные заведения» (*вуз* – 6, *академия* – 42, *институт* – 22, *университет* – 17).

Первая ЛСГ наиболее частотная, что свидетельствует о прагматически мотивированном отборе лексических единиц Ф. А. Вигдоровой, которая в текстах транслирует мысль о том, что именно в школе закладываются основы для становления личности ребёнка. Однако не менее важной в ментально-лингвальном комплексе (МЛК) языковой личности писательницы была мысль о необходимости получения средне-специального, высшего образования для нравственного, духовного, профессионального развития человека.

ЛСГ «Средние общеобразовательные учреждения»

ЛСГ «Средние общеобразовательные учреждения» в художественных текстах 1950-1960 гг. Ф. А. Вигдоровой представлена лексемами *школа*, *гимназия*.

В произведениях полисемант *школа* выступает в основных узуальных значениях с актуальными дифференциальными семами:

– 'низшее и среднее учебное заведение': *Лена уходила с ними в школу* <...> [\[5\]](#);

– 'школьное здание': <...> **школьное здание** ремонтировались летом <...> [\[6\]](#);

– 'наименование школы':

а) 'по номеру': *Когда Лёша ещё учился в своей 14й школе, он не любил соседнюю, 42ю* [\[4\]](#);

б) 'по названию района': <...> ну, математику вашему позавидует любая **ленинградская школа** [\[2\]](#);

в) 'по уровневой системе': <...> предлагалось «немедленно прекратить проработку решений XVII съезда партии и вопросов марксистско-ленинской теории в **начальной школе**...» [\[2\]](#); Ты у нас самый грамотный, <...> у тебя **девятилетка!** [\[4\]](#); Надо кончить **десятилетку** <...> [\[6\]](#). Слова **девятилетка**, **десятилетка** стилистически маркированные, зафиксированы в словарях с пометой разг.;

г) 'с указанием на место': *Мы тогда работали в **сельской школе**; Он <...> стал преподавать в **местной школе**;*

д) 'с указанием профиля школы': Она до войны преподавала вышивание **в школе для умственно отсталых детей** <...>; <...> можно ли использовать **в обычной школе** (в значении 'общеобразовательная школа') педагогическое наследство А. С. Макаренко? [6]; Я занимаюсь **в вечерней школе**;

е) 'с указанием гендерной принадлежности': На днях, например, он, тоскуя, фотографировал в одной **женской школе** сбор на тему «Безударные гласные» и «О режиме дня»; Ему захотелось написать об этом, он даже знал, как это сделает: пойдет **в мужскую школу**, снимет мальчишек на таком вот мёртвом сборе <...> [3].

Скруплёзное описание школы свидетельствует о её важности в МЛК языковой личности Ф. А. Вигдоровой, поскольку она сама была учителем. Писательница с пристальным вниманием наблюдала за тем, что происходило в школе, знала все особенности её устройства (внешнего и внутреннего распорядка). Она стремилась к деятельному преобразению школы не только как государственного образовательного учреждения, но прежде всего как второго дома для ребят.

Так, слово *школа* используется Ф. А. Вигдоровой в произведениях и в переносном значении: «система образования, совокупность учреждений для обучения» [3 ЛСВ; 17], выражая интенцию писательницы: показать важность опыта, педагогических находок А. С. Макаренко для всей советской системы образования: <...> я увидел большую, на всю страницу, статью о работе Антона Семёновича, о его опыте, мыслях, находках, о том, что эти мысли настойчиво стучатся в дверь нашей **школы** [6]. Синтагматическим партнёром слова *школа* в данном предложении является устойчивое словосочетание *стучатся в дверь* в значении «наступать, приближаться, давая о себе знать» [17]. Использование его в тексте усиливает мысль писательницы о необходимости реформирования школы как образовательного учреждения, о применении нового подхода в работе с ребятами при организации их учебной и воспитательной деятельности.

Лексема *школа* употребляется в произведениях Ф. А. Вигдоровой как с положительной коннотацией (**Школа** была настоящей Сашиной жизнью <...> [4]; школа сравнивается с жизнью, наполненной радостью, теплом дорогих людей – друзей, любимой учительницы), так и с отрицательной (**В школе** ей по-прежнему плохо <...> [3]), с преобладанием первой.

Наименее частотна в текстах 1950-1960 гг. Ф. А. Вигдоровой лексема *гимназия* (2 употребления), которая используется в значении «среднее учебное заведение» [17], выражая интенцию писательницы: показать уходящую дореволюционную эпоху, особое, порой привилегированное, положение гимназии (мужской, женской), а также её роль в системе советского образования как исторического предшественника «современной общеобразовательной средней школы» [15, с. 178]: Если говорить правду, кто-то из тёток действительно кончил **гимназию** с серебряной медалью <...> [4].

ЛСГ «Средние общеобразовательные учреждения» включает в себя лексему *школа*, которая входит в состав ядра концепта «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ», и слово *гимназия*, находящееся на периферии полевой структуры концепта. Лексемы выражают трепетное отношение писательницы к школе, важность для неё педагогических взглядов великого педагога А. С. Макаренко, демонстрируют особую значимость гимназии в дореволюционный период.

ЛСГ «Средние специальные учебные заведения»

В состав ЛСГ «Средние специальные учебные заведения» входят слова, которые образуют околядерную зону концепта «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ» (*училище, техникум*), а также лексема, находящаяся на периферии полевой структуры концепта (*рабфак*).

Слово *училище* используется в прозе 1950-1960 гг. Ф. А. Вигдоровой в значении «учебное заведение, школа обычно какого-л. специального назначения» [8]:

– ‘педагогическое училище’: *В школе не поладил, в педучилище не поладил <...>* [5]. Лексема *педучилище* стилистически маркированное, разговорное;

– ‘военное училище’: *Дорогая Галина Константиновна, <...> мне из военного училища товарищ переслал Ваше письмо <...>* [5];

– ‘театральное училище’: *Отличный товарищ, такая весёлая, остроумная, <...> собиралась в театральное училище <...>* [3];

– ‘ремесленное училище’: *Перед концом занятий в школу заглянул паренёк, недавно перешедший в ремесленное <...>* [5]. В Малом академическом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой в заромбовой зоне словарной статьи в качестве примера приводится устойчивое сочетание *ремесленное училище* в значении «учебное заведение, готовившее кадры квалифицированных рабочих в 1940-1950 гг.» [8]. Использование в художественном тексте данной конструкции связано с интенцией писательницы: показать важность, необходимость в тот исторический период создания образовательных учреждений для подготовки кадров, транслируя тем самым и социалистические установки государства.

Слово *техникум* и его словообразовательные производные – сложносокращённые слова – в прозе 1950-1960 гг. Ф. А. Вигдоровой используются в значении «среднее профессиональное учебное заведение» [17]: *Пойду в техникум <...> или работать <...>* [6] – с указанием профессиональной направленности (*медтехникум, электротехникум, в сельскохозяйственный техникум, зоотехнический, педтехникум, финансовый техникум*).

Лексема *рабфак* употребляется в текстах в значении «рабочий факультет (общеобразовательное учебное заведение в 1919-1940 гг. в СССР для подготовки в высшие учебные заведения молодёжи, не имевшей среднего образования)» [9]. Она не частотна в прозе Ф. А. Вигдоровой, однако значима в её МЛК, транслируя мысль писательницы о важности рабфаков, наличие которых даёт возможность всем людям без исключения при желании получить образование: *<...> А потом – встреча с Антоном Семёновичем, колония – и вот я готовлюсь на рабфак!* [2]

Лексемы *училище, техникум, рабфак* отражают эпоху, потребности государства, которое нуждалось в различных специалистах (военных, рабочих, учителях, артистах и т. д.). Слова демонстрируют интенцию писательницы: показать необходимость в увеличении не только средних, но и средних специальных учебных заведений для повышения уровня грамотности в стране.

ЛСГ «Высшие учебные заведения»

В состав ЛСГ «Высшие учебные заведения» входят слова, объединённые родовидовыми отношениями (*вуз* – гипероним; *университет, институт, академия* – гипонимы). Они выражают важный для Ф. А. Вигдоровой фрагмент языковой картины мира, связанный с

высшим образованием:

1) вуз («высшее учебное заведение», [Ушаков, URL]): *Кончили **вуз**? <...>* [21];

2) *академия* («название некоторых высших учебных заведений»; 2 ЛСВ; [17]): *Я потом кончу **академию**, у меня будет, будет высшее образование* [4].

Слово *академия* наиболее частотно в прозе писательницы 1950-1960 гг., что свидетельствует о его значимости в её МЛК. Известно, что родной брат Ф. А. Вигдоровой был военным лётчиком, о боевом опыте, военной жизни которого она знала многое, в том числе из его писем с фронта. Думается, именно поэтому на страницах художественных текстов встречается 39 упоминаний о военной академии, в частности, Военно-воздушной академии имени Жуковского (эргоним). Это название используется в тексте как в полной, так и в сокращённой записи, что демонстрирует его популярность среди других военных образовательных учреждений того времени, являясь одним из главных центров подготовки военных специалистов: *<...> в 1934 году Андрей уехал в Москву, в **Военно-воздушную академию** имени Жуковского* [4]; *Он учился в **Военно-воздушной академии** <...>; Пойдѣшь осенью в **Воздушную академию**, на командный факультет <...>; А я уже окончил **Академию Жуковского** <...>* [3].

В текстах также используется в сокращённой и в полной форме эргоним *Тимирязевская академия*: *И они поселились в прежнем Митином доме, неподалеку с **Тимирязевской академией**; Как хорошо, что академия недалеко от **Тимирязевки**, от Саши, Мити, девчонок <...>* [3]. Слово *Тимирязевка* – стилистически маркированное, разговорное. Оно указывает на непринуждённость, лёгкость внутреннего монолога Лёши, выражает его чувство радости от того, что он будет учиться недалеко от дома родных людей, от академии сестры.

Лексема *академия* также используется писательницей для наименования детского кружка, в котором главная героиня Саша учила ребят оказывать первую помощь: *Она всем папам и мамам в доме что-нибудь поручила: Саша должна была **руководить военно-медицинской академией** <...>* [3]. Интенция писательницы заключалась в том, чтобы показать важность, необходимость обучения детей первоначальным навыкам оказания медицинской помощи, что особенно было актуально в военное и послевоенное время;

3) *институт* («название некоторых высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений», 1 ЛСВ, [8]): *Одна из них, видно, только что кончила **институт** <...>* [3].

Лексема *институт* используется в прозе с указанием специализации, профиля обучения студентов:

– *юридический* (1 употребление): *<...> несмотря на молодость, девушка кончила **юридический институт** <...>* [3]. Слово имеет отрицательнооценочную коннотацию. Использование на контрасте лексемы *молодость* и словосочетания *юридический институт* в одном контексте демонстрирует интенцию писательницы: показать неопытность, непрофессионализм молодого юриста;

– *медицинский* (9 употреблений): *Готовилась к экзаменам в **медицинский институт** <...>* [3].

- педагогический (2 употребления): *Подолгу просиживал в гороно, ловя окончивших педагогические институты* <...> [2];
- литературный (1 употребление): *Может, в литературный институт пойдёшь?* <...> [2];
- авиационный (1 употребление): *Разумов в авиационном институте* <...> [5];
- геологоразведочный (1 употребление): *Он учится в геологоразведочном институте* <...> [6];

4) университет («высшее учебно-научное заведение с различными гуманитарными и естественно-математическими отделениями», 1 ЛСВ, [8]): *Университет был похож на школу: в школе – уроки, в университете – лекции* [4]. Писательница транслирует мысль «о единстве образовательного процесса в русском сознании» [16, с. 110].

Лексема *университет* в прозе 1950-1960 гг. Ф. А. Вигдоровой используется также как артионим, что свидетельствует об известности произведения М. Горького широкому кругу людей: *И помню, однажды ночью, при свечке, заслоняя её огонь, чтоб не мешать соседям, я читал «Мои университеты»* <...> [2]. Интенция писательницы заключалась в том, чтобы показать формирование личности Семёна Карабанова, для которого добрая книга и личный пример А. С. Макаренко становятся лучшими учителями, подлинным университетом жизни.

Слова ЛСГ «Высшие учебные заведения» *академия, институт, университет* образуют околядерную зону концепта «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ», лексема *университет* находится на периферии полевой структуры концепта. Они используются с положительнооценочной коннотацией (преобладает) и с отрицательнооценочной, демонстрируя широкий спектр возможностей для советского человека получить высшее образование, которое является основой, опорой в жизни.

Заключение

Органичное введение Ф. А. Вигдоровой в тексты прозы 1950-1960 гг. наименований образовательных учреждений (средних, специальных, высших) свидетельствует о любви писательницы к педагогической деятельности, тщательном изучении элементов всей образовательной системы. Лексемы, эксплицирующие концепт «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ», транслируют педагогические, мировоззренческие, аксиологические взгляды Ф. А. Вигдоровой как советского педагога, представителя передовых людей эпохи, выражают её мысль о важности обучения, его высокой роли в становлении Человека.

Библиография

1. Баженова Е. А., Шенкман В. И. Номинативное поле концепта ШКОЛА // Вестник Пермского университета. Вып. 4(24). 2013. С. 91–97.
2. Вигдорова Ф. А. «Дорога в жизнь» [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club/br/?b=29505> (дата обращения: 05.02.2024).
3. Вигдорова Ф. А. «Любимая улица» [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club/bd/?b=250197> (дата обращения: 05.02.2024).
4. Вигдорова Ф. А. «Семейное счастье» [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club/bd/?b=55152> (дата обращения: 05.02.2024).
5. Вигдорова Ф. А. «Черниговка» [Электронный ресурс]. URL: <https://litmir.club/bd/?>

b=29504 (дата обращения: 05.02.2024).

6. Вигдорова Ф. А. «Это мой дом» [Электронный ресурс]. URL: [https://litmir.club/bd/?](https://litmir.club/bd/?b=29507)

b=29507 (дата обращения: 05.02.2024).

7. Волошина С. В. Концепт «ОБРАЗОВАНИЕ» в речевом жанре автобиографии // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 734–750.

8. Евгеньева А. П. Малый академический словарь. М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1957–1984. [Электронный ресурс]. URL:

<https://lexicography.online/explanatory/mas> (дата обращения: 05.02.2024).

9. Евгеньева А. П. Малый академический словарь. М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1957–1984. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/mas> (дата обращения: 05.02.2024).

10. Колтакова С. В., Неровная Н. А. Макроструктура концепта «ШКОЛА» в языковом сознании школьников начального и среднего звена // Сопоставительные исследования 2022. Воронеж, 2022. С. 83–87.

11. Кузнецова Н. А. Структура концепта Школа в творчестве Л. Н. Толстого // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 487– 491.

12. Леденёва В. В. Краски предикатной лексики в описании (В. М. Песков «Жар-птица») // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира [Электронный ресурс]: сборник научных трудов. Вып. 10. Москва; Северодвинск; Киров: Изд-во МЦИТО, 2021. С. 282–287.

13. Минибаева С. В., Тимофеева Е. В. Текстовое представление концепта «ШКОЛА» в русской литературе XX–XXI веков // Казанская наука. 2021. № 2. С. 51–53.

14. Орлова О. Г. Лингвокультурный концепт «ОБРАЗОВАНИЕ» и его ценностная составляющая // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2023. № 2. С. 58–69.

15. Толочко О. В. Образ как составляющая концепта Школа // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С. 178–181.

16. Учайкина Е. В. Лексико-фразеологическая репрезентация концепта Университет в текстах воспоминаний: дис. к. филол. н. Мытищи: ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», 2023. С. 182.

17. Ушаков Д.Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (дата обращения: 05.02.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Оценка и анализ различных типов дискурса в лингвистике частотен. Однако, выход на педагогический дискурс встречается значительно реже. Следовательно, рецензируемый труд имеет ярко выраженный открыто практический характер. Отмечу, что цель рецензируемой статьи сводится к выявлению роли номинаций, обозначающих образовательные учреждения в педагогическом дискурсе Ф. А. Вигдоровой. Научная новизна работы, как отмечает автор, заключается в том, что впервые предпринята попытка описать средства вербализации концепта «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ» художественных текстах 1950-1960 гг. Ф. А. Вигдоровой. Задачи, которые ставит исследователь, объективно дают основание предполагать, что труд продуман, конкретизирован: «необходимо решить ряд задач: установить частотность употребления экспликатов концепта «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ»; рассмотреть и

лексикографические характеристики; проанализировать полевую структуру концепта «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ». Работа имеет полновесно завершённый вид, структура соотносится с научным изысканием. Предметная область соответствует одной из рубрик журнала, считаю, что материал может быть использован в вузовской практике, а также при дальнейшем изучении «педагогического дискурса». Теоретической базой исследования, что немаловажно, являются труды О. В. Толочко 1999, Н. А. Кузнецовой 2011, Е. А. Баженовой, В. И. Шенкман 2013, С. В. Волошиной 2021, В. В. Леденёвой 2021, С. В. Минибаевой, Е. В. Тимофеевой 2021, С. В. Колтаковой, Н. А. Неровной 2022, О. Г. Орловой 2023, Е. В. Учайкиной 2023. Считаю, что собранные данные объективны, статистическая составляющая налична: «лексико-семантическое поле (ЛСП) концепта «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ» состоит из лексико-семантических групп (ЛСГ): ЛСГ «Средние общеобразовательные учреждения» (школа – 369 употреблений, гимназия – 2); ЛСГ «Средние специальные учебные заведения» (училище – 25, техникум – 16, рабфак – 5); ЛСГ «Высшие учебные заведения» (вуз – 6, академия – 42, институт – 22, университет – 17). Первая ЛСГ наиболее частотная, что свидетельствует о прагматически мотивированном отборе лексических единиц Ф. А. Вигдоровой, которая в текстах транслирует мысль о том, что именно в школе закладываются основы для становления личности ребёнка. Однако не менее важной в ментально-лингвальном комплексе (МЛК) языковой личности писательницы была мысль о необходимости получения средне-специального, высшего образования для нравственного, духовного, профессионального развития человека». Помимо собственно лингвистической оценки, автор даёт и т.н. общий анализ исследуемого поля: например, «скрупулёзное описание школы свидетельствует о её важности в МЛК языковой личности Ф. А. Вигдоровой, поскольку она сама была учителем. Писательница с пристальным вниманием наблюдала за тем, что происходило в школе, знала все особенности её устройства (внешнего и внутреннего распорядка). Она стремилась к деятельному преобразованию школы не только как государственного образовательного учреждения, но прежде всего как второго дома для ребят». Примеров, которые определяют канву работы, достаточно: «Лексема школа употребляется в произведениях Ф. А. Вигдоровой как с положительной коннотацией (Школа была настоящей Сашинной жизнью <...> [4]; школа сравнивается с жизнью, наполненной радостью, теплом дорогих людей – друзей, любимой учительницы), так и с отрицательной (В школе ей по-прежнему плохо <...> [3]), с преобладанием первой. Наименее частотна в текстах 1950-1960 гг. Ф. А. Вигдоровой лексема гимназия (2 употребления), которая используется в значении «среднее учебное заведение» [17], выражая интенцию писательницы: показать уходящую дореволюционную эпоху, особое, порой привилегированное, положение гимназии (мужской, женской), а также её роль в системе советского образования как исторического предшественника «современной общеобразовательной средней школы» [15, с. 178]: Если говорить правду, кто-то из тёток действительно кончил гимназию с серебряной медалью <...> [4]». Цитирование дается в формате унификации; правка данного уровня излишня. Цель работы в целом достигнута, поставленный спектр задач решен. Заключительный блок содержит мысль, что «органичное введение Ф. А. Вигдоровой в тексты прозы 1950-1960 гг. наименований образовательных учреждений (средних, специальных, высших) свидетельствует о любви писательницы к педагогической деятельности, тщательном изучении элементов всей образовательной системы. Лексемы, эксплицирующие концепт «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ», транслируют педагогические, мировоззренческие, аксиологические взгляды Ф. А. Вигдоровой как советского педагога, представителя передовых людей эпохи, выражают её мысль о важности обучения, его высокой роли в становлении Человека». Противоречий в данной части нет, общий итог подведен. Рекомендую статью

«Наименования образовательных учреждений в педагогическом дискурсе Ф. А. Вигдоровой (на материале произведений 1950-1960 гг.)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Тодосиенко З.В., Брылева Р.Ф., Воробьева О.В. Метафорический образ "звезда" и его разнообразная концептуальная интерпретация (на материале русского и французского языков) // Филология: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70730 EDN: VCWAKO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70730

Метафорический образ "звезда" и его разнообразная концептуальная интерпретация (на материале русского и французского языков)

Тодосиенко Заррина Владиславовна

ORCID: 0000-0001-7581-1156

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Иностранных языков гуманитарных факультетов; Уфимский Университет Науки и Технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, каб. 338

✉ venusjupiter@mail.ru

Брылева Роза Филаритовна

ORCID: 0000-0001-5204-8709

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Иностранных языков гуманитарных факультетов; Уфимский Университет Науки и Технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, каб. 338

✉ rozabryleva@yandex.ru

Воробьева Ольга Владимировна

старший преподаватель; кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов; Уфимский Университет Науки и Технологий

450096, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Комсомольская, 153, кв. 10

✉ olga_vorob2@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.5.70730

EDN:

VCWAKO

Дата направления статьи в редакцию:

09-05-2024

Дата публикации:

16-05-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию метафорического образа "звезда" в русскоязычной и франкоязычной языковых картинах мира. Материалом для исследования послужили русская и французская художественная литература, а также в религиозные тексты, с целью выявления его разнообразных концептуальных интерпретаций. С использованием анализа источников из обеих культур, сравниваются и анализируются различия и сходства в семантике данного метафорического образа. Научная новизна исследования заключается в том, что в ходе сопоставительного анализа было обнаружено, что метафорический образ звезда в разных текстах преобразуется через различные концепты (сфера физиологического состояния, религиозная, бытийная, одушевлённая сферы). Такое сравнение позволяет более глубоко понять специфику образования метафорических образов в разных культурах. В данном исследовании подробно рассматривается метафорический образ "звезда" и его концептуальная интерпретация в различных культурных контекстах. В ходе анализа применяются сопоставительный метод, метод корпусного анализа, метод сплошной выборки, а также когнитивный анализ. Особое внимание уделяется методу сопоставительного исследования метафорических переносов образа "звезда" в русском и французском языках. В данной статье исследуются разнообразные условия, при которых метафорический образ "звезда" находит свое отражение в различных концептуальных сферах. В статье анализируется метафорическое использование этого образа и его концептуальные значения в многообразных контекстах. Научная новизна исследования заключается в том, что изучение богатого метафорического образа звезда имеет значимость для осознания культурных, литературных и этнических аспектов. Исследовав метафорический образ звезда, мы пришли к следующим выводам: 1. Следует начать с того, что исследуемые языковые картины мира пестрят метафорическими символами и образами. Метафора имеет в своем распоряжении не только слова и языковые единицы, она внедрена в процессы нашего человеческого мышления. Выявленные в ходе анализа различные концептуальные сферы дают четкое понимание о том, что концептуальная система человека во многом определяется метафорическими переносами. 2. Метафорический образ звезда является универсальным и многосторонним символом, который на протяжении веков являлся объектом интерпретации в различных культурах и религиях. Его использование в художественной литературе позволяет обогатить текст сложными и глубокими смыслами.

Ключевые слова:

метафора, концепт, концептуальная сфера, метафорический перенос, языковая картина мира, национально культурная специфика, когнитивная лингвистика, семантика, метафорический образ, культурологический подход

На протяжении существования человечества метафорические образы всегда являлись спутниками абстрактного мышления. В современном ключе метафора рассматривается, как неотъемлемая часть языковой картины мира, способом ее устройства и понимания.

Диапазон языковых проявлений картины мира огромен, каждый язык обладает обильной информацией о жизненных ценностях разных народов, о национально-культурной специфике. Лексико-семантический пласт языка играет особенно важную роль, в нем выражены смысловые и ценностные параметры формы мира. В метафоре, ее семантической структуре накапливаются жизненные ценности, исторический опыт и мировосприятие того или иного народа.

Цель данного исследования – изучить проявление и поведение метафорического образа *звезда* в текстах различного происхождения в рамках культурологического контекста в русском и французском языках. **Актуальность** данной работы заключается в том, что изучение богатого метафорического образа *звезда* имеет значимость для осознания культурных, литературных и этнических аспектов.

В процессе исследования решаются следующие **задачи**: 1) на основе Национального корпуса русского и французского языков, а также произведений русской и французской художественной литературы, религиозных текстов выявить метафорические переносы, связанным с образом *звезда*; 2) распределить выявленный метафорический образ в различные концептуальные сферы; 3) описать и изучить общие и специфические для русского и французского языков метафорические образы.

Материал для исследования достаточно обширен, метафорический контекст объединяет Национальные корпуса русского и французского языков, классическую русскую и французскую литературу, тексты православных акафистов.

Теоретической базой данного исследования послужили труды В.В. Колесова, В.А. Масловой, В.П. Москвина и др.

Практическая значимость проводимого исследования заключается в том, что сопоставительный и концептуальный анализ и изучение метафорических переносов, в частности образа *звезда*, в культурологическом плане позволяет подробнее изучить менталитет и ценностные установки русско- и франкоговорящих народов. Также в коммуникативном плане изучение метафорических вторичных значений помогает переводчикам и лингвистам правильно передать все смысловые нюансы при переводе текстов.

Звезда является древнейшим образом, находящим отражение во многих культурах и религиях. С древних времен и по сегодняшний день люди, поднимая глаза к небу, предпринимают попытки объяснить символ *звезда*, придавая ему мистический смысл, который чаще всего находит отражение в метафоре [\[4, с. 245; 5\]](#). Образные представления различных народов о космическом мире представляют интерес для когнитивистики и семантики. В данной работе мы предприняли попытку проанализировать метафорические метаморфозы, происходящие с образом *звезда* и объединить их в определённые концептуальные сферы.

Звезда в сфере физиологического состояния

Метафорический перенос в данной сфере в русских и французских литературных источниках является очень распространённым. В художественной литературе часто используются метафоры для описания физиологического состояния человека, потому что они позволяют перенести сложные и абстрактные понятия на более простые и понятные образы. Так, например, физическая боль, симптомы различных болезней, душевные страдания в авторском произведении облекаются в метафорическую форму [\[3, 11\]](#).

Рассмотрим основные значения русского существительного *звезда* и французского *L'étoile*: Космический объект похожий на Солнце, из-за удаленного расположения, представляющее собой светящуюся точку. *Зимняя ясная ночь наступила; выглянули звезды*. Н.В. Гоголь. Ночь перед Рождеством^[7]; *Tout astre visible, excepté le Soleil et la Lune; point brillant dans le ciel, la nuit.* – Любое видимое светило, кроме Солнца и Луны; яркая точка на небе, ночью. *Étoiles mortes dont la lumière nous parvient encore. Il y a des étoiles si éloignées de la Terre que leur lumière n'est pas encore parvenue jusqu'à nous* *Мертвые звезды, чей свет все еще доходит до нас. (Есть звезды, расположенные так далеко от Земли, что их свет еще не достиг нас).* Chateaubriand^[8]. При переносе в физиологическую сферу возникает вторичное метафорическое значение, где болезнь сравнивается с со звездой, ее физическими свойствами. Например, сифилитическую сыпь М.А. Булгаков сравнивает с мраморным рисунком, который с свою очередь похож на скопление звезд. *Сквозь эту желтизну на выпуклой груди и на боках проступала мраморная сыпь, как в небе звезды. Это он, сифилис, настоящая звездная сыпь.* М.А. Булгаков. Записки Юного врача^[10, с. 1136].

Следует отметить ряд запоминающихся и выразительных метафорических переходов в физиологической сфере, где авторы отражают палитру мучительных ощущений, вызванных болезнью, с физическим свойством небесного тела излучать яркий, бледный, медленный, поглощающий свет звезды. *Болезнь словно звезда на небесах, сверкая своим отравленным светом и оставляя за собой лишь темные следы разрушения.* М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита^[7]. Этот недуг, словно звезда падучая, осенял его жизнь своим бледным, медленным светом. Ф. Достоевский. Идиот. *Он чувствовал, как болезнь медленно поглощает его, словно черная дыра, поглощающая свет звезды.* Л. Толстой. Война и мир. *Он боролся с недугом, как с неведомой планетой, маячащей в дали, словно звезда, отравляющая весь мир вокруг.* А. Куприн. Гранатовый браслет. *La maladie l'avait enveloppé comme une nuit sans étoiles, obscurcissant son esprit et éteignant toute lumière intérieure.* Gustave Flaubert, "Madame Bovary (Болезнь окутала его, как ночь без звезд, затмевая его ум и гася внутренний свет.) Гюстав Флобер. Мадам Бовари^[7, 8].

Как видно из предыдущих и последующих примеров, метафора, связанная со светом звезды, часто несет в себе отрицательный посыл (*звезда, сверкающая отравленным светом, лишаящая его силы, звезда, как черная дыра, поглощающая свет*). Неудивительно, поскольку само состояние болезни действует на человека удручающе и даже, казалось бы, словосочетание *яркая звезда* в метафорическом переосмыслении сравнивается со жгучей болью и темным облаком. *Болезнь, как лучезарная звезда на темном небе, со своими мучительными болями ослепляла его и заставляла забыть о прочих радостях жизни.* И. Бунин. Темные аллеи. *Он знал, что болезнь может быть, как яркая звезда, вторгающаяся в жизнь человека и переворачивающая его мир с ног на голову.* А. Толстой. Аэлита. *Sa passion pour elle était tel un astre brillant dans son ciel, mais la maladie était un nuage sombre menaçant d'éclipser toute sa lumière.* Albert Camus, L'Étranger (Ее страсть к нему была как яркая звезда на ее небе, но болезнь была темным облаком, угрожающим затмить всю ее светимость.) Альбер Камю. Чужой. У А.П. Чехова и Марселя Пруста в произведениях «Скучная история» и «À la recherche du temps perdu» («В поисках утраченного времени») наблюдается эффектный метафорический перенос, где болезнь превращается в звезду и сопоставляется с метеоритным дождем и угрожающей кометой, с их физической способностью быстро к быстрой скорости и моментальному сгоранию. *Болезнь обрушилась на него словно, разлагая его тело и лишая его силы, как звезда, как метеоритный дождь, исчезающий во мраке вселенной.*

А. П. Чехов. Скучная история. *Son esprit était tourmenté par une maladie secrète, insidieuse, rampante, comme une comète, l'étoile menaçante dans le ciel de son existence.* Marcel Proust, *À la recherche du temps perdu* (*Его разум был мучим тайной болезнью, коварной, подкрадывающейся, как угрожающий комета, как звезда на небе его существования*). Марсель Пруст. В поисках утраченного времени [14].

Метафорический образ падающая звезда и *une étoile filante* также популярен в русской и французской художественной литературе. Чувство неумолимо надвигающейся неизлечимой болезни, пустоты, душевной боли, слабости и безысходности эмоционально точно передается при помощи данного метафорического перехода. *Он ощутил, как болезнь охватывает его тело и душу, словно падающая звезда, оставляя лишь холодное безмолвие и темноту.* М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита [7]. *Он чувствовал, как свет и жизнь покидают его, словно падающая звезда, оставляя лишь пустоту и боль.* Л. Н. Толстой. Анна Каренина. *Её здоровье и жизнь исчезли, как падающая звезда, оставив лишь печаль и тишину.* А.П. Чехов. Дама с собачкой [10, с. 1135]. *Elle était comme une étoile filante, brillant de toute sa splendeur avant de disparaître dans les ténèbres de la maladie.* Victor Hugo. *Les Misérables* (*Она была как падающая звезда, сияющая всей своей славой перед тем, как исчезнуть во мраке болезни*). Виктор Гюго. Отверженные [8].

Звезда в религиозной сфере

Происхождение космического объекта звезда в православной христианской традиции связано с историей об Иисусе Христе. В Евангелии от Матвея имеет место эпизод, где мудрецы с востока увидели звезду на небе, которая возвестила о рождении нового царя, и последовали за ней до Вифлеема, где нашли младенца Иисусу. *Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему* [7]. По другим источникам, в частности по словарю славянской древности, рождение звезд связано с борьбой Господа и дьявола, кидавшими в небо камни; звезды – это слезы плачущего над миром Господа.

В русской православной традиции метафорический образ звезда присутствует в религиозных текстах разного толка (молитва, акафист, библейский текст). Здесь наблюдается метафорический переход в сферу физического действия, где яркость света звезды приравнивается к образу Иисуса Христа и отождествляется с утренней зарей, неизреченным сиянием. *Звезда, зарице нетленная, дне утренний, свет Истины, нас светлящая, Христос Боже, просвети сердца наши. Светоче звездный, Иисусе мой, созираю Тя в мягчайших снах и ликую, угасившихся мраки страстей во Твое прозрение* [11].

Следует отметить также вторичные метафорические значения, где физические свойства звезды обретают не только Господь Иисус Христос, но и Богородица, архангелы и святые. В акафисте Архангел Михаил получает имя звезды миры первообразной (первой возникшей на небе). Святой Иоанн Предтече в покаянном каноне является перед нами как многосветлая звезда. *Радуйся, звездо мира первообразная; радуйся, свеще истины и правды златозарная. Недоуменным просветився просвещением, яко многосветлая звезда, мысленному Востоку предтекл еси* [11].

Особый интерес представляет процесс метафоризации образа Пресвятой Богородицы, она уподобляется звезде, которая освещает путь верующим и ведет их к Богу. В

молитвенных текстах часто упоминается, что Богородица является звездой, ведущей к спасению и вечному свету. В духовных песнопениях Покровительницу называют утренней звездой, светящейся на небесах и просвещающей тех, кто ищет истину. Также и католической традиции Дева Мария сравнивается с звездой, которая является источником надежды и утешения для всех верующих. *Яко звезда от власезрачемых обожания Богородителя Тебя, вся тайная моя Спасе, избави вонми* (Акафист Пресвятой Богородице). *Но падая с небес, в Деву обитель Божию слагаешися, О, умиротворяющая Преплагая, храме Животворящей Звезды, спаси свои чада, взывающих к Тебе.* (там же). *О, Пресвятая Владычице, Звездо небесная, радуйся! В тебе свет небесный облекшейся, звездо радости, Марие! Пресветлая Звездо, создание еси всем скорбящим радости* [1, 7].

Звезда в бытийной сфере

При метафорическом переносе в бытийную сферу у русского и французского существительного звезда возникают переносные значения: 1) судьба, участь, счастье, удача. *А мама молится на нашу Данилу. Она, кажется, глубоко уверена в том, что все счастливые случаи отца зависят единственно от счастливой звезды Данилы.* Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы. *Astre, considéré comme exerçant une influence sur la destinée de qqn – Звезда, оказывающая влияние на судьбу кого-л. Jean Valjean était une étoile sombre, dont la lueur ne pouvait être éclipsée par les ténèbres de son passé.* (Жан Вальжан был темной звездой, свет которой не мог затмиться тьмой его прошлого). В. Гюго. Отверженные [8]. Метафорический образ звезды в данной концептуальной сфере отражает счастливую, благополучную, а также несчастную, горькую жизнь. Отметим, что в исследуемых нами картинах мира встречается выражение *родиться под счастливой звездой*, в значении иметь удачу, успех в своих делах, намерениях. *Не под счастливую звездою родился Нежданов, не легко ему жилось.* Тургенев. Новь. *Être né sous une bonne, une mauvaise étoile. Avoir foi, être confiant, dans, en son étoile. – Родиться под счастливой звездой, под несчастливой звездой. Иметь веру, быть уверенным, в своей звезде* [7,8].

В бытийной сфере существует распространённое мнение о том, что жизнь человека неразрывно связана с образом звезды. В этом отношении бытийная сфера пересекается с областью религии. Смело можно утверждать, что во всех священных писаниях упоминается тот факт, что звезд на небе столько, сколь людей на земле и человеческая жизнь обрывается, когда гаснет ее звезда. Параллельно существует противоположное мнение о том, что возникновение нового космического объекта на небе, рождается нова человеческая жизнь.

Звезда в одушевленной сфере

Образ звезды, как и многие другие космические объекты одушевляются, они наделяются человеческими качествами. Звезда становится существом, обладающим разумом и способностью к коммуникации, испытывает радость, переживает различные эмоции. *Он герой искал свою звезду и наткнулся на ласточкины следы в снегу, звездой мгновенно огнящие в звездопад.* А. М. Горький, "Детство". *Звезда мерцала на небесах, словно испытывая радость или скорбь, заставляя героев романа задуматься о своих собственных чувствах и переживаниях.* Старая любовь. Тургенев [2, с. 159].

Отдельно стоит отметить образ звезды, встречающийся во многих языковых картинах мира, а также культурах, как о человеке, снискавшего славу, о знаменитости. *Ни один сезон не проходил без того, чтобы не приезжала какая-нибудь звезда.* Чехов. Живая хронология. *Personne dont la réputation, le talent brillent (comédien, danseur, sportif).*

Человек, чья репутация, талант блистают (комик, танцор, спортсмен). *Je songeais qu'il est étrange que le cinéma exige de ses étoiles cet excès de maquillage pour atteindre à nous livrer, d'une figure, la pure essence* – Я подумал, как странно, что кинематограф требует от своих звезд огромного избытка грима, для того, чтобы донести до нас истинную сущность (Mauriac) [14].

Культурологическая составляющая языковых картин мира русского и французского языков во многом совпадают. Вторичные метафорические образы также образуются в релевантных концептуальных сферах (физиологическая, религиозная, одушевленная, бытийная) [6, 9]. Однако, для полноты сопоставительного анализа, необходимо отметить, уникальные метафорические образы, характерные для того или иного языка. Так, в русском языке мы имеем специфический фразеологический оборот *хватать или не хватать звезд с неба* в значении делать или не делать что-либо выходящее за рамки, выделяться или не выделяться необычными способностями. *Мы сами пока звезд с неба не хватали, честно и добросовестно работали, он свою технологию применяет и дает по двадцать норм.* Гладков. Клятва. Выражение *звезды считать* встречается только в русском языке – быть ротозеем, бездельничать; беспричинно мечтать о чем-либо. *Бедуин забыл наезды для цветных шатров и поет, считая звезды, про дела отцов.* Лермонтов. Спор.

В физиологической концептуальной сфере в русском языке при метафорическом переносе возникает специфическое значение: светлое пятно на лбу у животного. *Конь под ним вороной, одна звезда во лбу белая.* С.П. Бородин. Дмитрий Донской. *Конь был рослый и статный, с белой звездой на лбу.* Седых. Даурия [10, с. 1133].

Во франкоязычной языковой картине мира мы наблюдаем появление уникальных метафорических значений в одушевленной сфере. Например, как упоминалось выше, звездой называют человека, имеющего славу, знаменитость. Следует отметить, что даже в рамках данного значения рождается совершенно особенный метафорический перенос: *Danseur, danseuse étoile, ayant atteint le plus haut degré dans la hiérarchie du corps de ballet de l'Opéra.* – Танцовщица, прима-балерина, достигшая высшей ступени в иерархии кордебалета Оперы [8].

Исследовав метафорический образ *звезда*, мы пришли к следующим **выводам**:

1. Следует начать с того, что исследуемые языковые картины мира пестрят метафорическими символами и образами. Метафора имеет в своем распоряжении не только слова и языковые единицы, она внедрена в процессы нашего человеческого мышления. Выявленные в ходе анализа различные концептуальные сферы дают четкое понимание о том, что концептуальная система человека во многом определяется метафорическими переносами.
2. Метафорический образ *звезда* является универсальным и многосторонним символом, который на протяжении веков являлся объектом интерпретации в различных культурах и религиях. Его использование в художественной литературе позволяет обогатить текст сложными и глубокими смыслами.
3. Анализ метафорического образа *звезда* в сфере физиологического состояния позволяет ясно понять способы передачи сложных понятий и эмоций через метафоры, делая их более доступными и понятными для восприятия.
4. Понимание значимости и глубины метафорического образа *звезда* в разных

концептуальных сферах позволяет лучше знать о многообразии культур и их способах выражения, а также проследить эволюцию смыслов и ценностей, заключенных в данном символе через века.

К перспективам дальнейшего исследования данной проблематики можно отнести более подробный сопоставительный анализ метафорического образа звезда в различных источниках, например, текстов СМИ. Исследование проявления и поведения метафорического образа "звезда" в различных источниках открывает возможность для новых творческих исследований в области культурологии, литературных исследований и антропологии.

Библиография

1. Акафистник «Всякое дыхание да хвалит Господа». – М.: ООО «Духовное преображение», 2016. – 864 с.
2. Бакирова А. А. Символические признаки концепта звезда в современной русской поэзии / А. А. Бакирова, М. В. Пименова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 1(144). – С. 152-159.
3. Биль О. Н. Метафорическое использование космических образов в поэтическом слове К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева / О. Н. Биль // Современная филология: состояние, проблемы, перспективы развития : монография. – Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская Ирина Игоревна), 2020. – С. 108-122.
4. Киселева Л. А., Тодосиенко З. В., Лукманова Р. Р., Куулар Е. М. Метафора как средство визуализации объекта наименования в медиатекстах (на материале русского, английского, татарского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. No 4. С.243-256. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.18>
5. Латыпова Ю.А. Концептуальная метафора в политическом дискурсе Джо Байдена// «Теория и практика современной науки» межд.научн.-практ. журнал №12 (66) 2020 Институт управления и социально-экономического 2020. https://f5f7e10c-a5dd-471b-96cb-d1595326738e.filesusr.com/ugd/b06fdc_80767b868f084a4ab24e0c485881c773.pdf?index=true
6. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 2-е М.: ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.
7. Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>
8. Национальный корпус французского языка <https://www.cnrtl.fr/>
9. Пирогова М.Н. Концепт «звезда» в русском фольклоре и литературе (на материале текстов заговорно-заклинательной поэзии и произведений И. А. Бунина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Мария Николаевна Пирогова. Ульяновск, 2011. 20 с.
10. Словарь современного русского литературного языка /под ре д. В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова. Том 4 М.-Л.: изд-во А Н СССР. 1955. – С. 1133-1136.
11. Bralic V. M. The Detour of Metaphor: Metaphor, Concept, and Strategy in Althusser and Derrida / V. M. Bralic // Derrida Today. – 2022. – Vol. 15, No. 1. – P. 48-66. – DOI 10.3366/drt.2022.0275.
12. Cienki A. Analysing metaphor in gesture: A set of metaphor identification guidelines for gesture (MIG-G) / A. Cienki // The Routledge Handbook of Metaphor and Language, 2016. – P. 131-147. – DOI 10.4324/9781315672953.
13. Coll-Florit M. Metaphor repositories: the case of the mental health metaphor dictionary / M. Coll-Florit, S. Climent // Digital Scholarship in the Humanities. – 2023. – Vol. 38, No. 4. – P. 1440-1452. – DOI 10.1093/llc/fqad058.
14. Le Petit Robert [электронный ресурс]: энциклопедический словарь французского языка онлайн <https://www.lerobert.com/dictionnaires>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Изучение метафорики в языке является частным вопросом на уровне концептологии. Автор рецензируемой статьи обращает внимание на образ «звезды» в режиме интерпретационных стратегий. Данный вектор, на мой взгляд, оправдан, а также достаточно интересен. Цель исследования – изучить проявление и поведение метафорического образа «звезда» в текстах различного происхождения в рамках культурологического контекста в русском и французском языках. Собственно актуальность работы заключается в том, что изучение богатого метафорического образа «звезда» имеет значимость для осознания культурных, литературных и этнических аспектов. Поставленный спектр задач полновесен, целостен. Ориентир на то, чтобы «изучить...», «распределить...», «описать...» метафорику образа «звезда» выставлен верно. Теоретическая база данного труда направлена на труды В.В. Колесова, В.А. Масловой, В.П. Москвина... Автор работы определяет и практическую значимость сочинения, которая «заключается в том, что сопоставительный и концептуальный анализ и изучение метафорических переносов, в частности образа звезда, в культурологическом плане позволяет подробнее изучить менталитет и ценностные установки русско- и франкоговорящих народов. Также в коммуникативном плане изучение метафорических вторичных значений помогает переводчикам и лингвистам правильно передать все смысловые нюансы при переводе текстов». На мой взгляд, работа имеет целостный, завершённый вид, она грамотна как в методологическом плане, так и собственно аналитическом. Основной блок суждений объективен, выверен: например, «на протяжении существования человечества метафорические образы всегда являлись спутниками абстрактного мышления. В современном ключе метафора рассматривается, как неотъемлемая часть языковой картины мира, способом ее устройства и понимания. Диапазон языковых проявлений картины мира огромен, каждый язык обладает обильной информацией о жизненных ценностях разных народов, о национально-культурной специфике», или «звезда является древнейшим образом, находящим отражение во многих культурах и религиях. С древних времен и по сегодняшний день люди, поднимая глаза к небу, предпринимают попытки объяснить символ звезда, придавая ему мистический смысл, который чаще всего находит отражение в метафоре. Образные представления различных народов о космическом мире представляют интерес для когнитивистики и семантики. В данной работе мы предприняли попытку проанализировать метафорические метаморфозы, происходящие с образом звезда и объединить их в определённые концептуальные сферы» и т.д. Текст дробится на т.н. смысловые блоки, это удобно для ступенчатой оценки ведения исследовательской мысли; это позволяет также выстроить и продуктивный диалог как с уже высказанными позициями, так и с заинтересованным темой читателем. Метафорическая составляющая частного образа рассматривается с разных позиций, однако концептуальный фактор не исключается, то есть допускается связность (ядровое) начало, периферия. На мой взгляд, достаточен в работе и иллюстративный фон: например, «рассмотрим основные значения русского существительного звезда и французского L'étoile: Космический объект похожий на Солнце, из-за удаленного расположения, представляющее собой светящуюся точку. Зимняя ясная ночь наступила; выглянули звезды. Н.В. Гоголь. Ночь перед Рождеством; Tout astre visible, excepté le Soleil et la Lune; point brillant dans le ciel, la nuit. – Любое видимое светило, кроме

Солнца и Луны; яркая точка на небе, ночью. *Étoiles mortes dont la lumière nous parvient encore. Il y a des étoiles si éloignées de la Terre que leur lumière n'est pas encore parvenue jusqu'à nous* Мертвые звезды, чей свет все еще доходит до нас. (Есть звезды, расположенные так далеко от Земли, что их свет еще не достиг нас). Chateaubriand», или «Неудивительно, поскольку само состояние болезни действует на человека удручающе и даже, казалось бы, словосочетание яркая звезда в метафорическом переосмыслении сравнивается со жгучей болью и темным облаком. Болезнь, как лучезарная звезда на темном небе, со своими мучительными болями ослепляла его и заставляла забыть о прочих радостях жизни. И. Бунин. Темные аллеи. Он знал, что болезнь может быть, как яркая звезда, вторгающаяся в жизнь человека и переворачивающая его мир с ног на голову. А. Толстой. Аэлита. *Sa passion pour elle était tel un astre brillant dans son ciel, mais la maladie était un nuage sombre menaçant d'éclipser toute sa lumière.* Albert Camus, *L'Étranger* (Ее страсть к нему была как яркая звезда на ее небе, но болезнь была темным облаком, угрожающим затмить всю ее светимость.) Альбер Камю» и т.д. Считаю, что литературная классика [как один из блоков] наиболее точно позволяет выявить разность оценок и коннотаций образа. Достаточно интересна часть «Звезда в религиозной сфере». В данном случае автор отмечает, что «происхождение космического объекта звезда в православной христианской традиции связано с историей об Иисусе Христе. В Евангелии от Матвея имеет место эпизод, где мудрецы с востока увидели звезду на небе, которая возвестила о рождении нового царя, и последовали за ней до Вифлеема, где нашли младенца Иисусу. Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему. По другим источникам, в частности по словарю славянской древности, рождение звезд связано с борьбой Господа и дьявола, кидавшими в небо камни; звезды – это слезы плачущего над миром Господа». Помимо «традиционных», т.н. «выверенных» сфер в статье проанализирована и бытийная сфера, что придает работе новизну, системность, некую структурность. Например, «в бытийной сфере существует распространённое мнение о том, что жизнь человека неразрывно связана с образом звезды. В этом отношении бытийная сфера пересекается с областью религии. Смело можно утверждать, что во всех священных писаниях упоминается тот факт, что звезд на небе столько, сколь людей на земле и человеческая жизнь обрывается, когда гаснет ее звезда. Параллельно существует противоположное мнение о том, что возникновение нового космического объекта на небе, рождается новая человеческая жизнь». Стиль работы соотносится с научным стилем, регистр выдержан на протяжении всего труда. В работе удачно решается и проблема сопоставительного толка – русский и французский варианты трактовки образа «звезды». В частности отмечено, что «культурологическая составляющая языковых картин мира русского и французского языков во многом совпадают. Вторичные метафорические образы также образуются в релевантных концептуальных сферах (физиологическая, религиозная, одушевленная, бытийная). Однако, для полноты сопоставительного анализа, необходимо отметить, уникальные метафорические образы, характерные для того или иного языка». Привлекает умение автора сравнивать, выявлять существенное и значимое, обобщать, грамотно делать выводы. Заключительная часть статьи предметно маркируется, хотя в этом проявление некоего формального ценза. Стоит согласиться, что «метафорический образ звезда является универсальным и многосторонним символом, который на протяжении веков являлся объектом интерпретации в различных культурах и религиях. Его использование в художественной литературе позволяет обогатить текст сложными и глубокими смыслами», «понимание значимости и глубины метафорического образа звезда в разных концептуальных сферах позволяет лучше знать о многообразии культур

и их способах выражения, а также проследить эволюцию смыслов и ценностей, заключенных в данном символе через века». Мне импонирует собственно итог статьи, где намечена перспектива изучения вопроса. Материал уместно использовать при освоении дисциплин гуманитарного профиля. Базовые требования издания учтены, цитации / ссылки даны в режиме норматива. Текст не нуждается в серьезной правке или доработке. Рекомендую рецензируемую статью «Метафорический образ "звезда" и его разнообразная концептуальная интерпретация (на материале русского и французского языков)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Давтянц И.И. Лексические прагматические маркеры конфликтности в свете проявления национального коммуникативного стиля (на материале СМИ Мексики и США) // Филология: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70830 EDN: WGLMEM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70830

Лексические прагматические маркеры конфликтности в свете проявления национального коммуникативного стиля (на материале СМИ Мексики и США)

Давтянц Ирина Игоревна

ORCID: 0000-0003-3877-1612

старший преподаватель; кафедра иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации; Южный федеральный университет

344037, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, оф. 310

✉ 4283953@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.5.70830

EDN:

WGLMEM

Дата направления статьи в редакцию:

21-05-2024

Дата публикации:

28-05-2024

Аннотация: Предметом представленного исследования являются лексические прагматические маркеры конфликтности (ЛПМК), которые не просто выступают в роли речевых сигналов враждебности, но служат маркерами социальной напряженности в данном культурном сообществе. Цель исследования заключается в выявлении связи между плотностью лексических прагматических маркеров конфликтности в тексте, индексом его конфликтной напряженности и национальным коммуникативным стилем в официальных СМИ Мексики и США. Материалом для исследования послужили газетные статьи за 2021-2024 год, опубликованные в американских (CNN, The Fox News, The New

York Times, The New York Post, Los Angeles Times – 100 статей) и мексиканских (La Jornada, La Opinion, Excélsior, El Universal, El Milenio – 100 статей) онлайн изданиях, посвященные общей проблеме Мексики и США, а именно, миграционному кризису. Методом сплошной выборки были отобраны лексические прагматические маркеры конфликтогенности, характерные для мексиканского и американского медиадискурса соответственно. При анализе отобранного фактологического материала применялись следующие методы исследования: контекстуальный, лексико-семантический, количественный, а также метод коммуникативного анализа, учитывающий дискурсивную составляющую исследуемого социального феномена. Впервые установлена зависимость между индексом конфликтной напряженности текста, плотностью используемых лингвоконфликтогенов и особенностями лингвокультуры этноса. В результате проведенного исследования был определен значительно более низкий индекс конфликтной напряженности мексиканской прессы по сравнению с американской, меньшая плотность ЛПМК и по сути отсутствие среди них лексических единиц с ярко-выраженной негативной семантикой. Авторами мексиканских онлайн изданий реже используются такие стилистические средства «нагнетания ситуации», как гиперболизация, столь характерные для американской прессы. Практически не задействуются метафоры. Важно отметить, что в то время, как в американском медиадискурсе доминирует крайне негативный образ мигранта преступника и террориста, в мексиканских СМИ представлено два, отличающихся друг от друга типа мигрантов: богатый высокомерный белокожий чужак, несущий с собой проблемы и брат латиноамериканец, который нуждается в помощи и защите. В качестве перспектив исследования можно выделить сравнение индекса конфликтной напряженности пользовательского контента данных стран и составление типологии используемых ЛПМК.

Ключевые слова:

лексические прагматические маркеры, лингвоконфликтогены, индекс конфликтной напряженности, плотность лингвоконфликтогенов, миграционный кризис, оппозиция свой-чужой, международная миграция, мигрант, медиа-дискурс, национальный коммуникативный стиль

Среди социальных явлений современного общества, привлекающих к себе пристальное внимание исследователей из разных областей науки, важное место занимает его конфликтогенность. Неравные условия существования, несоразмерное распределение материальных благ, неудовлетворение основных потребностей человека, межличностные конфликты, обусловленные разнообразными психологическими факторами, и множество других причин, которые могут послужить поводом для возникновения и развития конфликта, определили наличие разнообразных подходов не только к изучению *конфликтогенности социума* как социально-экономического явления (П.Е. Перов, М.Б. Перова [\[14\]](#), Ю.Г. Грязнова [\[3\]](#), Д. Смит [\[28\]](#), М. Вивьерка [\[30\]](#), Дж.Х. Нарваэс [\[26\]](#)), но и *конфликтности отдельной личности*, для которой важен сам процесс развития конфликта и выплеск негативных эмоций (М.С. Мириманова [\[12\]](#), Н.И. Леонов [\[10\]](#), В.И. Мищенко [\[13\]](#)), а также *конфликтогенности* как потенциального свойства вербальной коммуникации (О.В. Крамкова [\[9\]](#), В.С. Третьякова [\[17\]](#), Н.А. Белоус [\[2\]](#)).

Большую роль в процессе *конфликтогенной коммуникации*, т.е. коммуникации, которая может привести к конфликту или происходит на фоне существующего конфликта, играют языковые средства, используемые коммуникантами. Данная проблематика сейчас

особенно актуальна и вызывает интерес у отечественных и зарубежных ученых, так как мы живем в информационном обществе, где неосторожно или намеренно сказанное слово может стать причиной широкомасштабного конфликта. Примечательно, что ряд научных исследований в этом направлении посвящен анализу разноуровневых языковых средств, используемых при создании образа «Чужого» в СМИ и их воздействию на аудиторию (У. Липпман [\[11\]](#), Т.А. ван Дейк [\[21\]](#), С. Холл [\[24\]](#), Ал-Хафиж [\[20\]](#)). Так, лингвист К.М. Лёрка отмечает, что в испанской прессе при описании иммигрантов вместо нейтральной лексики используются слова, имеющие негативные коннотации, тем самым закладывая их связь с социальными проблемами [\[25, с. 360\]](#).

Среди ключевых понятий конфликтогенной коммуникации можно выделить *конфликтогенность текста / дискурса*, которые довольно часто используются синонимично, однако в случае употребления второго акцент делается на экстралингвистических факторах коммуникации, таких как контекст и коммуникативная ситуация. Согласно мнению И.В. Тубаловой и Ю.А. Эмер, конфликтный текст представляет собой речевое выражение конфликта [\[18, с. 30\]](#). Н.А. Белоус и Н.В. Осколкова отмечают, что в результате подобного намеренного вербального и паравербального воздействия друг на друга участники коммуникации испытывают отрицательные эмоции [\[2\]](#). А В.С. Третьякова подчеркивает, что «...материальное выражение конфликтных отношений субъектов речи в акте коммуникации в виде конкретных языковых и речевых структур является отражением их докоммуникативного состояния (интересов, позиций, взглядов, ценностей, установок, целей и т. п.)» [\[17, с. 145\]](#).

Одной из разновидностей конфликтогенного текста является, так называемый, *язык вражды*, который чаще всего рассматривается в контексте онлайн общения и связан с враждебным отношением и агрессивными оскорбительными высказываниями по отношению к различным социальным группам и их представителям. Л.Р. Комалова отмечает близость данного понятия с такими терминами, как кибербуллинг и кибертроллинг [\[7, с. 94-95\]](#).

А.П. Костяев в свою очередь, предлагает термин агрессивный вербальный дискурс в качестве выражения, синонимичного по значению конфликтогенному дискурсу. Данный вид дискурса, согласно мнению автора, характеризуется агрессивными дискурсивными практиками [\[8\]](#).

Подчеркивая языковое выражение конфликта, современные исследователи нередко используют термин *лингвоконфликтогенность текста*, которая служит обозначением тех затруднений в процессе обмена информацией, которые вызваны отсутствием стратегии взаимодействия и характеризуются проявлением вербальной агрессии [\[15, с. 67\]](#). В свою очередь, используемые для провоцирования или развития конфликта вербальные средства называются *лингвоконфликтогенами*. К ним относят негативизмы, инвективную лексику, метафору, иронию, пейоративные суффиксы, императивы, нарушение норм речевого этикета и т.п. Важно отметить, что выбор языковых средств в данном случае обусловлен желанием добиться полной дискредитации оппонента путем его оскорбления, высмеивания и т.п. Многими исследователями (В.С. Третьяковой [\[17\]](#), З.В. Режук, О.В. Ширяевой-Ширинг [\[16\]](#)) отмечается тот факт, что лексические средства являются наиболее распространенными и широко используемыми, так как позволяют передать те оттенки значения, которые невозможно передать, используя лишь морфологические,

синтаксические и, в случае с онлайн коммуникацией, графические средства.

В данном контексте представляют интерес и такие единицы, имеющие непосредственную связь с конфликтогенностью текста, как *лексические прагматические маркеры конфликтогенности*, которые не просто выступают в роли речевых сигналов враждебности, но служат маркерами социальной напряженности в данном культурном сообществе. Характерной чертой подобных ЛПМК является регулярная повторяемость определенных сем, получающих разное формальное выражение в конфликтогенном дискурсе той или иной группы людей (этноса). ЛПМК позволяют выявить наиболее острые социальные проблемы и культурные особенности конкретного социума.

Таким образом, выбор лексических единиц в рамках стратегии конфронтации, их плотность и индекс конфликтогенности (представляющий собой зависимость между нормой и плотностью ЛПМК) определяются как личными предпочтениями коммуникантов, так и в значительной степени национальной моделью поведения, которая получила название *национального коммуникативного стиля* и представляет собой исторически сложившуюся «совокупность национально-коммуникативных средств, представлений и норм, детерминируемых культурой и существующих в коммуникативном сознании носителей языка» [6, с. 4]. При этом представления о вежливом поведении и об особенностях выражения речевой агрессии, согласно мнению У.Д. Шо-Лотген и Дж.М. Эрнандес-Кампой, также являются его компонентами [27, с. 379].

Целью настоящего исследования является выявление связи между плотностью лингвоконфликтогенов в тексте, индексом его конфликтогенной напряженности и национальным коммуникативным стилем в официальных СМИ Мексики и США. Данные лингвокультуры были выбраны не случайно. Согласно классификации Э. Холла, оказавшему значительное влияние на становление межкультурной коммуникации как науки, они относятся по многим параметрам к противоположным группам, что позволяет говорить об их значительных культурных отличиях [22, 23]. Данный тезис подтверждается многочисленными исследованиями. Так, если мексиканский национальный дискурс характеризуется высокой степенью учтивости, при которой необходимость вести себя вежливо становится важнее испытываемых отрицательных эмоций и желания проявить их (О.С. Чеснокова [19], И.В. Гусева [5], И.Р. Абкадырова [11], Ф. Варона, М. Перес, П. Ватерико-Мехиа [29]), то для американской лингвокультуры характерна большая свобода самовыражения. Как отмечает О.А. Гудина, «в результате представители США могут оцениваться партнерами как слишком напористые, агрессивные, грубые, а их стремление к неформальному общению порой интерпретируется как фамильярность» [4].

Миграционный кризис на границе двух стран с разным экономическим развитием связан с большим потоком мигрантов из Латинской Америки, которые пытаются попасть в США через Мексику нелегальным путем. Согласно газете The Fox News, за время нахождения Дж. Байдена в качестве главы правительства США к февралю 2024 года в страну нелегальным путем попало 7,3 миллиона мигрантов, что превышает население 36 штатов. А если к этой цифре добавить тех, кто не был учтен официально, так как не был пойман (так называемые, «gotaways»), то она станет больше населения Нью-Йорка, крупнейшего города США на настоящий момент [https://www.foxnews.com/politics/illegal-immigrants-biden-admin-amount-greater-population-36-states]. Не вызывает удивления тот факт, что именно позиция в отношении этого вопроса легла в основу предвыборных обещаний кандидатов на пост президента в выборах 2024: Дж. Байдена и Д. Трампа, которые являются лидерами демократической и республиканской партий соответственно.

Анализ фактологического материала позволяет выделить концентрацию лингвоконфликтогенов при описании определенных тем, что говорит об их конфликтогенности. Важно отметить, что эти темы разнятся в мексиканском и американском медиадискурсе, что подтверждает тезис о национальной обусловленности ЛПМК.

Обратимся к американской прессе. Наибольший интерес для данного исследования представляет антимиграционный дискурс новостного ресурса The Fox News, так как из-за своей крайней политизированности в поддержку Республиканской партии, именно в этом издании используется значительное количество ЛПМК для характеристики образа «Чужого» - нелегального мигранта, что, как отмечают многие исследователи, играет решающую роль в формировании идеологического базиса отношения к нему (Т.А. ван Дейк [21], С. Холл [24], Ал-Хафиз [20], К.М. Лёрка [25]). Неслучайно демократы называют выступления республиканцев «invasion rhetoric and fearmongering» (пылкие речи о вторжении и создание паники – здесь и далее перевод наш) и «hyperbolic and xenophobic rhetoric to scaremonger about a 'foreign invasion' at the border» (преувеличения и ксенофобские выступления с целью создать панику об интервенции на границе) [<https://www.foxnews.com/politics/illegal-immigrants-from-this-foreign-adversary-hit-new-high-amid-national-security-fears-extremely-alarming>], тем самым подчеркивая, что подобное намеренное использование языковых средств языка вражды ведет к разжиганию межнациональных конфликтов. И если в газетах, поддерживающих демократов, например, в CNN, мигранты представлены как несчастные люди, испытывающие различные лишения, то в про-республиканских изданиях это те, кто представляет собой угрозу национальной безопасности, которую спровоцировал Дж. Байден, так как он с первого дня своего правления «systematically dismantled effective border security measures and interior immigration enforcement» [<https://www.foxnews.com/politics/biden-failed-dems-sound-off-handling-border-crisis-fractures-own-party>].

Как правило, в статьях подобных американских онлайн изданий при создании образа мигранта используется сразу ряд ЛПМК, обладающих высокой образностью, экспрессией и негативной оценкой: это и многочисленные негативизмы, и яркие метафоры с негативными ассоциациями, и контекстуальные ЛПМК, приобретающие негативные коннотации в контексте. При этом в прессе не используется обценная и сниженная лексика, что объясняется нормами цензуры. Интересно отметить отсутствие обращения к администрации Мексики для оказания помощи в решении кризиса на границе.

Для иллюстрации наполнения лексико-семантического поля «мигрант» в американском медиа дискурсе обратимся к наиболее частотным ЛПМК, часто выступающим в роли языковых клише:

ЛПМК-определения, используемые для характеристики проблемы миграции: very serious problem; broken immigration system; overwhelming; chaotic border; human disaster; critical threat; our border is wide-open; terror watchlist nationalities; extremely alarming.

ЛПМК-определения, используемые характеристики и обозначения мигрантов: undocumented aliens; illegal immigrants; illegal aliens; criminal migrants; noncitizen offenders; migrants with links to terrorism into America; individuals who present a security risk and have no legal basis to remain here.

ЛПМК-действия, используемые для описания действий мигрантов: to crush the city; to destroy the city; to ruin the city; to rush a border; take advantage of the American people.

ЛПМК-существительные и словосочетания, связанные с деятельностью мигрантов:

- a) Количество прибывших: influx of new arrivals; record number of border crossings;
- b) Дополнительная нагрузка на налогоплательщиков: the additional costs to taxpayers; at the expense of the American taxpayer;
- c) Угроза национальной безопасности, терроризм: risk of terrorism and national security; risk to national security; serious threat to public safety; national security fears;
- d) Рост уровня преступности: potential for espionage; increased crime rates, drugs and violence; flow of deadly fentanyl; illegal alien crime; smuggling of drugs like fentanyl; murders; rapists; violent crime; kidnapping; human trafficking.

Рассмотрим некоторые метафоры, которые выступают в роле ЛПМК в силу своей связи с конфликтогенными темами данного этнического сообщества:

«The contributions of the immigrant community here have been **seismic**» [https://www.nytimes.com/2023/09/07/nyregion/adams-migrants-destroy-nyc.html]

В данном высказывании отмечается, что последствия проживания большого количества иммигрантов в Нью-Йорке столь серьезны, что подобны последствиям от землетрясения.

В следующем фрагменте, наплыв иммигрантов представлен как вторжение в США, а граница между Мексикой и США, как первая линия защиты: «if our border is our first line of defense, we're going to lose and this is unsustainable» [https://www.foxnews.com/media/la-joya-texas-police-border-crisis-overwhelming]. Данный образ становится еще более экспрессивным в следующем отрывке, демонстрирующем также высокую плотность ЛПМК:

«...president's other **mega-catastrophe**: Biden has transformed Trump's largely controlled southern frontier into an **immigration superhighway**... **Illegal aliens** are **racing through gaps in the wall** whose construction Biden ordered stopped on Day One of his tenure. **Things have rocketed downhill since**» [https://www.foxnews.com/opinion/biden-afghanistan-border-deroy-murdock].

Как мы видим, авторы публикаций подчеркивают, что нелегальные иммигранты (чужаки), не встречая никакого препятствия на своем пути, на полной скорости проникают в Америку через недостроенную стену на границе. При этом ситуация все ухудшается. Для усиления прагматического воздействия катастрофические последствия действий Дж. Байдена противопоставляются четкой и надежной системе охраны границы, которая была при Д. Трампе.

Следует отметить и наличие ряда нейтральных лексических единиц, которые превращаются в ЛПМК в этно-культурном контексте. Так, слова мэра Нью-Йорка о том, что иммигранты являются **отличными пловцами** (excellent swimmers) и поэтому могут работать спасателями, которых очень не хватает в США, породили настоящий резонанс в обществе и были сочтены многими расистскими и провоцирующими рост социального напряжения в обществе [https://www.nytimes.com/2024/05/15/nyregion/eric-adams-migrants-swimmers.html], так как одним из путей нелегального проникновения в США является пересечение реки Рио-Гранде в плавь, что несет угрозу для жизни.

В целом, в американском медиапространстве представлен отрицательный образ мигранта: это люди, так или иначе несущие угрозу для благополучия США. Среди ЛПМК

формирующих ЛСП данного понятия представлены лексические единицы, семантически связанные с темами угрозы национальной безопасности, угрозы финансового благополучия общества и угрозы ухудшения криминальной обстановки. Отмечается высокая плотность лингвоконфликтогенов, а также использование различных стилистических приемов, например, гиперболизации и метафор, для большей экспрессивности. Тот факт, что издания, послужившие источником материала, относятся к официальной прессе, позволяет утверждать, что довольно высокий индекс конфликтной напряженности текста в контексте проблематики «свой – чужой» не только не выходит за рамки норм национального коммуникативного стиля США, но и характерен для него.

С кризисом, вызванным большим потоком иммигрантов, столкнулись не только США, но и Мексика. Однако ситуация в данном случае значительно отличается. Если большинство беженцев, стремящихся попасть в США любой ценой, являются менее обеспеченными, чем граждане США, то в Мексику приезжают и остаются в ней жить американцы, чья платежеспособность значительно выше, чем у самих мексиканцев. Таким образом, в мексиканской лингвокультуре формируется иной образ «Чужого». Важно отметить, что мексиканская официальная пресса менее политизирована и более однородна. Обратимся к наиболее частотным ЛПМК:

1. Ситуация на границе и характеристика действий правительства США:

ЛПМК-определения, используемые для характеристики ситуации на границе: «falla sistémica agravada que ignora los derechos y el bienestar de las personas refugiadas y migrantes» [<https://www.excelsior.com.mx/global/muere-nina-migrante-de-guatemala-bajo-custodia-de-eu/1597232>]; mucha tensión.

ЛПМК-определения, характеризующие действия США как страны: discriminatorio.

ЛПМК-действия, используемые для оценки поступков правительства США: ingresar armas, poner en manos de la delincuencia Mexicana, chantajear.

ЛПМК-существительные и словосочетания, используемые для характеристики правительства США: indolencia; arrogancia; aires de superioridad; ofensiva contra la inmigración ilegal; ataque.

2. Граждане США, проживающие в Мексике:

ЛПМК-определения, используемые для характеристики и обозначения мигрантов из США, прибывающих в Мексику: nuevos turistas con poder adquisitivo mayor.

ЛПМК-действия, используемые для описания действий мигрантов из США в Мексике: inundar.

ЛПМК-существительные и словосочетания, связанные с проживанием мигрантов из США в Мексике: intervención; colonia estadounidense, precios increíbles, imperialism, “nómadas digitales”, gentrificación, avalanche.

Как видно из приведенных ЛПМК, их в Мексиканской прессе представлено значительно меньше, чем в американской, что объясняется такими особенностями национального стиля, как высокая степень учтивости и проявление уважения к партнеру. Также довольно проблематично иногда выделить отдельное слово в качестве ЛПМК, так как мексиканской лингвокультуре свойственно иносказание и описательность речи. Ф. Варона отмечает, что мексиканцам свойственно избегать конфликтов с «вышестоящими»,

к которым они относят, например, и граждан США [Varona 2007: 189]. Возможно именно этим желанием сохранить лицо партнера объясняется и преобладание существительных, характеризующих правительство США и граждан США, над прилагательными, так как данный прием предполагает косвенную, а не прямую характеристику (некое дистанцирование).

В Мексиканской прессе так же, как и в СМИ США, отмечается некоторая концентрация лингвоконфликтогенов при затрагивании определенных тем. Там, для мексиканцев это рост цен, вызванный приездом большого количества иностранцев, которые могут себе позволить несомненно больше, чем сами мексиканцы. Многие мексиканцы вынуждены покидать свои дома и переселяться на окраины, так как их дома теперь снимают граждане США. Данный процесс получил название джентрификации и широко обсуждается в мексиканских СМИ.

Большой поток иностранцев тоже сравнивается со стихийным бедствием: иммигранты прибывают так стремительно, что это напоминает снежную лавину или потоп.

Важную роль в формировании ЛПМК в мексиканской лингвокультуре играет колониальное прошлое Мексики и неоднократные интервенции США, одна из которых закончилась тем, что Мексика потеряла почти половину своих территорий. Тот факт, что приезжие не хотят учить испанский язык и ведут себя как хозяева, вызывает у местного населения определенные страхи и служит причиной появления ЛПМК, связанных тематически с империализмом и колониальным захватом. По этой же причине некоторые нейтральные лексические единицы приобретают негативные коннотации, например, обозначение английского языка: *el inglés*. Ср.:

«Y **el inglés**, bueno, está en todas partes: suena en los supermercados, en los bares de vinos y en las clases de fitness en el parque» [<https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>].

Интересно отметить, что для того, чтобы подчеркнуть то, что мексиканцы не одобряют антимиграционной политики США, для описания беженцев из стран Латинской Америки используются следующие лексические единицы:

«El presidente de Estados Unidos Joe Biden y congresistas de su país están considerando aprobar "nuevas y estrictas medidas migratorias que **contravendrían** estándares internacionales" de **derechos humanos y expondrían a miles de migrantes y solicitantes de asilo a situaciones peligrosas...** miles de migrantes y **solicitantes de asilo vulnerables**, en su mayoría latinoamericanos» [<https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/01/19/politica/eu-considera-aprobar-estrictas-medidas-antimigratorias-alerta-hrw-8934>].

Таким образом, правительство США намеренно подвергает опасности жизни тысячи людей, которые ищут убежище.

Результаты анализа мексиканских онлайн изданий позволяют утверждать, что в мексиканской лингвокультуре есть два образа мигранта. Один из них является высокомерным обеспеченным чужаком с белой кожей, который говорит на английском языке и требует к себе особого отношения, другой же – брат латиноамериканец с такими же проблемами и ценностями, как и у мексиканцев.

В итоге можно отметить, что индекс конфликтогенной напряженности мексиканской

прессе значительно ниже, чем у американской: не используются слова с ярко выраженной негативной семантикой, почти нет метафор, которые должны придать большую экспрессию словам автора, практически отсутствует гиперболизация, столь характерная для американского медиадискурса. Во многом данная ситуация объясняется национальным коммуникативным стилем, который оказывает несомненное влияние на допустимость использования лингвоконфликтогенов в официальной прессе.

Библиография

1. Абкадырова И. Р. Слова-реалии и их роль в процессе актуализации и моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля (на материале современной прозы): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.00. Воронеж. 2017.
2. Белоус Н. А., Осколкова Н. В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 4-2. С. 96-107.
3. Грязнова Ю. Г. Конфликтогенность межпоколенного взаимодействия в культуре современного российского общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 42-47.
4. Гудина О. А. Особенности американской деловой коммуникации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 8. С. 196-199
5. Гусева И. В. Национально-обусловленная лексика как культурообразующий фактор формирования мексиканской языковой личности: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М. 2013.
6. Иванова Е. В. Архетипический концепт в языке и тексте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 6. С. 181-190.
7. Комалова Л. Р. Язык вражды в публичном дискурсе Интернета // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 92-118.
8. Костяев А. П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». Тверь: ТГСХА, ТИПЛИМК, 2010. № 2 (19). Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>
9. Крамкова О. В. Языковые и прагматические факторы конфликтогенности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 332-335.
10. Леонов Н. И. Конфликтология: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского психолого-социального института. 2006.
11. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2004.
12. Мириманова М. С. Конфликтология. М.: Издательский центр «Академия». 2004.
13. Мищенко В. И. Конфликтогенность личности как предмет психологического исследования // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2020. № 1. С. 89-93.
14. Перов Е. В. Перова М. Б. Концепция конфликтогенности общества // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 12(72). С. 43.
15. Путина О. Н. Лингвоконфликтогенность как параметр национального стиля вербальной коммуникации (на примере дискурсивных маркеров) // Миграционная лингвистика. 2020. № 2. С. 70-78.
16. Режук З. В. Ширяева-Ширинг О. В. К вопросу о конфликтогенном потенциале жаргонной лексики в современном медиадискурсе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 1.
17. Третьякова В. С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы //

- Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1(292). С. 279-282.
18. Тубалова И. В. Эмер Ю. А. Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 30-35.
19. Чеснокова О. С. Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М. 2006.
20. Al-Hafizh M. Faruk F. Juliasih J. Modern racism: binary opposition of black and white in the novels of Jacqueline Woodson // Lingua Didaktika: Jurnal Bahasa Dan Pembelajaran Bahasa. 2016. №10 (1).
21. Dijk T. A. van. Discourse and Racism. Discourse & Society. 1999. – Режим доступа: https://www.academia.edu/19984991/Discourse_and_Racism
22. Hall E. Beyond Culture. 1976 – Режим доступа: https://monoskop.org/images/6/60/Hall_Edward_T_Beyond_Culture.pdf
23. Hall E. The Hidden Dimension. 1960 – Режим доступа: https://www.academia.edu/5668023/Edward_T._Hall-_The_Hidden_Dimension
24. Hall S. Critcher Ch. Jefferson T., Clarke J., Roberts B. Policing the Crisis: Mugging, the State, and Law and Order (Critical Social Studies). Palgrave. 1978.
25. Llorca C. M. El discurso que construye al "Otro": prensa e interculturalidad en la España actual // "Problemas actuales de la Filología en el espacio Hispano-Ruso del Conocimiento": actas oficiales de la Conferencia Científico-Practica Internacional 22–24 septiembre de 2011. Cádiz: Universidad de Cádiz. 2014. Pp. 353–362.
26. Narváez J. H. Vicinity violence, social tension as humanitarian crisis // Revista Tesis Psicológica. 2013. №8 (1).
27. Scheu-Lottgen U. D. Hernandez-Campoy J. M. An analysis of sociocultural miscommunication: English, Spanish and German // International Journal of Intercultural Relations. 1998. 22 (4). Pp. 375–394.
28. Smith J. Reputation, social identity and social conflict, Working papers. Department of Economics. Rutgers. The State University of New Jersey. 2007. №09.
29. Varona F. Vaahterikko-Mejia P., Perez M. Diferencias en el estilo de comunicación entre empleados finlandeses y mexicanos cuando se comunican con sus jefes: un estudio comparativo // Organicom. June 2007.
30. Wieviorka M. Social conflict // Current Sociology Review. 2013.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Исследуемый в рамках данной статьи аспект достаточно интересен и актуален. Формальный ценз оценки падет на лексические и прагматические маркеры конфликтогенности в свете проявления национального коммуникативного стиля. Предметная область соотносится с одной из рубрик издания, следовательно, материал как вариант совпадает с должной парадигмой научного изыскания. Разверстка вопроса осуществлена на материале средств массовой информации Мексики и США. Думаю, что серьезных разночтений и в этой составляющей работы нет. Суждения походу научной наррации продуманы, верифицированы, соотношение с научным стилем речи налицо: например, «среди социальных явлений современного общества, привлекающих к себе пристальное внимание исследователей из разных областей науки, важное место занимает его конфликтогенность. Неравные условия существования, несоразмерное

распределение материальных благ, неудовлетворение основных потребностей человека, межличностные конфликты, обусловленные разнообразными психологическими факторами, и множество других причин, которые могут послужить поводом для возникновения и развития конфликта, определили наличие разнообразных подходов не только к изучению конфликтности социума как социально-экономического явления (П.Е. Перов, М.Б. Перова, Ю.Г. Грязнова, Д. Смит, М. Вивьерка, Дж.Х. Нарваэс), но и конфликтности отдельной личности, для которой важен сам процесс развития конфликта и выплеск негативных эмоций (М.С. Мириманова, Н.И. Леонов, В.И. Мищенко...», или «одной из разновидностей конфликтного текста является, так называемый, язык вражды, который чаще всего рассматривается в контексте онлайн общения и связан с враждебным отношением и агрессивными оскорбительными высказываниями по отношению к различным социальным группам и их представителям. Л.Р. Комалова отмечает близость данного понятия с такими терминами, как кибербуллинг и кибертроллинг...» и т.д. Тексту присущ реферативный характер систематизации данных, но это не должно быть догматом, исключающим текст из возможной позиции открытой публикации. Изложение материала все же выверено, он не искажено, субъективный фактор работает. Автор старается вступить в конструктивный диалог с оппонентами, дать оценку «уже сказанному»: например, «А.П. Костяев в свою очередь, предлагает термин агрессивный вербальный дискурс в качестве выражения, синонимичного по значению конфликтному дискурсу. Данный вид дискурса, согласно мнению автора, характеризуется агрессивными дискурсивными практиками...». Статистика данных выверена, открытость иллюстративного фона стоит оценить как положительный момент: «миграционный кризис на границе двух стран с разным экономическим развитием связан с большим потоком мигрантов из Латинской Америки, которые пытаются попасть в США через Мексику нелегальным путем. Согласно газете The Fox News, за время нахождения Дж. Байдена в качестве главы правительства США к февралю 2024 года в страну нелегальным путем попало 7,3 миллиона мигрантов, что превышает население 36 штатов. А если к этой цифре добавить тех, кто не был учтен официально, так как не был пойман (так называемые, «gotaways»), то она станет больше населения Нью-Йорка, крупнейшего города США на настоящий момент [<https://www.foxnews.com/politics/illegal-immigrants-biden-admin-amount-greater-population-36-states>]. Не вызывает удивления тот факт, что именно позиция в отношении этого вопроса легла в основу предвыборных обещаний кандидатов на пост президента в выборах 2024: Дж. Байдена и Д. Трампа, которые являются лидерами демократической и республиканской партий соответственно...». Считаю, что работа содержательна, информативна, целостна; основные требования издания учтены, серьезных противоречий и фактических ошибок не выявлено. Иллюстративный фон вводится параметрически, он в принципе достаточен: «Для иллюстрации наполнения лексико-семантического поля «мигрант» в американском медиа дискурсе обратимся к наиболее частотным ЛПМК, часто выступающим в роли языковых клише: ЛПМК-определения, используемые для характеристики проблемы миграции: very serious problem; broken immigration system; overwhelming; chaotic border; human disaster; critical threat; our border is wide-open; terror watchlist nationalities; extremely alarming», или «Следует отметить и наличие ряда нейтральных лексических единиц, которые превращаются в ЛПМК в этно-культурном контексте. Так, слова мэра Нью-Йорка о том, что иммигранты являются отличными пловцами (excellent swimmers) и поэтому могут работать спасателями, которых очень не хватает в США, породили настоящий резонанс в обществе и были сочтены многими расистскими и провоцирующими рост социального напряжения в обществе [<https://www.nytimes.com/2024/05/15/nyregion/eric-adams-migrants-swimmers.html>], так как одним из путей нелегального проникновения в США является пересечение реки Рио-

Гранде в плавь, что несет угрозу для жизни» и т.д. Наличного объема достаточно для раскрытия темы, достижения итоговой цели. Методы анализа языкового материала современны. В итоговой части автор отмечает, что «индекс конфликтотенной напряженности мексиканской прессы значительно ниже, чем у американской: не используются слова с ярко выраженной негативной семантикой, почти нет метафор, которые должны придать большую экспрессию словам автора, практически отсутствует гиперболизация, столь характерная для американского медиадискурса. Во многом данная ситуация объясняется национальным коммуникативным стилем, который оказывает несомненное влияние на допустимость использования лингвоконфликтотенов в официальной прессе». Список источников полновесен, оформление не требует серьезной правки. Рекомендую рецензируемую статью «Лексические прагматические маркеры конфликтотенности в свете проявления национального коммуникативного стиля (на материале СМИ Мексики и США)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Матвеева Г.Г., Мясичева М.А., Беланова Ф.М., Аляева М.Ю. Прагмалингвистический характер грамматической унификации лексико-семантических групп // Филология: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70531 EDN: BFUMOF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70531

Прагмалингвистический характер грамматической унификации лексико-семантических групп

Матвеева Галина Григорьевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра "Интегративная и цифровая лингвистика", Донской государственный технический университет

34000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ gegemat2337633@rambler.ru

Мясичева Марина Алексеевна

старший преподаватель, кафедра "Интегративная и цифровая лингвистика", Донской государственный технический университет

34000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1, оф. 8603а

✉ myasisheva.marine@yandex.ru

Беланова Фотина Михайловна

старший преподаватель, кафедра "Интегративная и цифровая лингвистика", Донской государственный технический университет

34000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ tina-rostov@mail.ru

Аляева Марина Юльевна

старший преподаватель, кафедра "Интегративная и цифровая лингвистика", Донской государственный технический университет

34000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ maryna.alyaeva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.5.70531

EDN:

BFUMOF

Дата направления статьи в редакцию:

21-04-2024

Аннотация: В статье рассматривается с позиций прагмалингвистики явление грамматической унификации финальных морфем на материале лексико-семантических групп различных языков, что является предметом настоящего исследования. Авторы проводят сравнительное исследование лексико-семантических групп по профессиональной деятельности, лексико-семантических групп, объединяющих глаголы из области компьютерной лексики и др. Основная цель исследования - подтвердить прагматический характер грамматической унификации лексико-семантических групп, данных в коллективном опыте носителей национальных языков. Цель определяет задачи исследования: исследовать опыт изучения по теме данного исследования, изучить возможность интуитивного выбора говорящим финальных морфем по аналогии с существующей в коллективном речевом опыте моделью, а так же доказать это на основе сравнительно-сопоставительного анализа. Сравнительно-сопоставительное изучение финитивных элементов лексико-семантических групп дополняется прагмалингвистическими методами. Методы предполагают выявить личностный смысл высказывания, получаемого с использованием групп, путем сопоставления различных уровней значения, и выявления общего для коллективного мышления, т.е. национальных моделей. Контекстуальное значение, в этом случае, выявляется как семиотическая модель всей группы. Исследование затрагивает новый для лингвистической прагматики вопрос интернационализации механизма формирования лексико-семантических моделей с позиции коллективного опыта употребления единиц. Проводится анализ культурно-лингвистических моделей образования названий дней недели. Результаты исследования с применением сравнительного метода в рамках прагмалингвистического подхода позволяют авторам предположить универсальность тенденции использования существующих в языке словообразовательных морфем при появлении новых лексем в лексико-семантических группах. Рассмотренные на различном национальном лингвистическом материале примеры лексико-семантических групп, проанализированные в рамках прагматическо-функционального подхода с применением сравнительного метода, позволяют детерминировать универсальную тенденцию использования языком словообразовательных моделей при появлении новых лексем в лексико-семантических группах вне зависимости от специфики культурного кода.

Ключевые слова:

прагмалингвистика, сравнительный метод, лексико-семантическая группа, грамматическая унификация, словообразовательная морфема, романские языки, культурный код, семиотика, прагматика лингвистических единиц, скрытая прагмалингвистика

В современной прагмалингвистике вопрос прагматического выбора речевых единиц рассматривается как в русле функциональной прагмалингвистики, так и с позиций скрытой прагмалингвистики. Эти два направления прагмалингвистики выделяются на основе дифференциации речевого воздействия: функциональная (открытая) прагмалингвистика опирается на прямое, осознанное речевое воздействие, а скрытая

прагмалингвистика занимается изучением скрытого, неосознаваемого говорящим речевого воздействия^[1]. При исследовании выбора речевых единиц носителями разных национальных языков обнаруживается наличие единой системы неосознанного выбора говорящими морфем для образования новых лексем, что является предметом скрытой прагмалингвистики^[2-4].

Системность унификации таких единиц идет по принципу интуитивного выбора говорящим финальных морфем по аналогии с существующей в коллективном речевом опыте моделью. Следует отметить, что в данном случае мы говорим не о проявлении нормы, присущей литературному языку, а именно о модели выбора формы грамматической категории, которая закреплена в речевой практике и является присущей всем носителям данной национальной группы.

Обратившись к анализу источников по данной проблеме, авторы выявили востребованность данной темы в научной полемике. Так, например, в работе Ивлиевой Е.А. «Особенности аффиксальных способов словообразования в испанской компьютерной терминологии» представлены результаты изучения продуктивных моделей компьютерного терминообразования, созданных при помощи суффиксации и префиксации. Выделяются отличительные черты аффиксального терминообразования, которые характерны для испанского языка^[5].

В работе Рио Цутахара «Los nombres en *-dor* y *-nte* y causatividad» рассматривались вопросы каузативности существительных, заканчивающихся на суффиксы *-dor* и *-nte*^[6]. Автором был проведен количественный анализ употребляемости суффиксов, что послужило отправной точкой для изучения вопроса грамматической унификации лексико-семантических групп.

В работе Петровой Г.В. «Названия дней недели в португальском языке. Культурный шок?» на материале различных языков дается сравнительный культурно-лингвистический анализ названий дней недели. Особое внимание было уделено влиянию специфики культурного кода на образование названий дней недели^[7].

К близким выводам приходят авторы исследований по лексикологии испанского языка, рассматривающие ее в аспекте культурно-исторической и национальной составляющих языка^[8-11].

Прагматический характер речевых сигналов в рассматриваемых в статье индоевропейских языках изучается в работах Богдановой Е. А., Котеняткиной И. Б.^[12], Горностаева Ю.А., Колесникова Ю.С.^[13], Ильиной М. Г. ^[14], Бочарова Е. В. ^[15].

Вопросы особенностей грамматических категорий, в том числе и их прагматический потенциал, подробно рассмотрены в исследованиях Туницкой Е. Л. ^[16], Червоного А. М. ^[17], Гусева О. А., Попова Е. А. ^[18], Титаренко Н. В. ^[19], Зеликова М. В., Ивановой А. В. ^[20]

Рассмотрим ряд примеров лексико-семантических групп (в дальнейшем - ЛСГ), в которых проявляется унификация грамматических финальных морфем.

ЛСГ по профессиональной деятельности Начнем с русского языка. Существующая древняя модель на *-арь* (пахарь, пекарь, бондарь, звонарь, лекарь, знахарь) реализуется при появлении новой лексемы, обозначающей новую профессию: слесарь,

вратарь. Лексемы, обозначающие другие новые профессии, могут приобретать системные компоненты, характерные для новой лингвистической эпохи в целом: радист, связист, артист и т.д.

Следует отметить, что между профессиями «радист», «артист» и «слесарь» существуют четко осознаваемые различия. Функция работы с изделиями из металла, присущая слесарю, существовала в профессиональной среде всегда, тогда как «артист» не тождественен по культурному архетипу с существовавшими прежде скоморохами и лицедеями, т.е. воспринимается как новая профессия.

Для сравнения возьмем примеры из испанского и французского языков.

Русский язык	Испанский язык	Французский язык
пахарь	labrador	laboureur
пекарь	panadero	boulangier
бондарь	cubero	boisselier
звонарь	campanero	sonneur
лекарь, знахарь	curandero	guérisseur

Как мы видим из приведенного выше сравнения, для обозначения людей, занимающихся старинными профессиями, в испанском и французском языках использовались морфемы *-ero*, *-dero*, *-dor* и *-er*, *-ier*, *-eur* соответственно.

Русский язык	Испанский язык	Французский язык
артист	artista	artiste
программист	programador	programmeur
журналист	periodista	journaliste
окулист	oculista	oculiste
таксист	taxista	conducteur de taxi
каратист	karateka, carateca	karatéka

Даже исходя из такой небольшой выборки видно, что в русском языке морфема *-ист* используется для образования новых лексем чаще, чем в испанском и французском языках *-ista* и *-iste* соответственно.

Таким образом, морфема *-ista* (исп.), *-iste* (фр.), *-ист* (рус.), пришедшая из древнегреческого языка через латынь в испанский и французский языки, а затем и в русский, начиная с XIX века и до наших дней активно используется для образования лексем ЛСГ по профессиональной деятельности.

Аналогичная модель образования новых лексем с использованием существующих в языке морфем наблюдается в испанском языке в **ЛСГ, объединяющей глаголы из области компьютерной лексики**. Для образования глаголов, обозначающих действия, связанные с новой компьютерной реальностью, в испанском языке используется морфема *-ear*.

Испанский язык	Французский язык	Русский язык
cliquear	cliquer	кликать
bloguear	bloguer	вести блог
trolear	troller	троллить
guglear	googler	гуглить
resetear	relancer	перезапустить
reiniciar	recharger	перезагрузить

испанский	французский	русский
escanear	numériser	сканировать

Морфема *-ear* используется в испанском языке для образования глаголов со значением повторения действия (например, *parpadear*, *bromear*, *regatear*), однако, именно эта морфема была выбрана для образования глаголов, обозначающих действия, связанные с работой за компьютером. В русском и французском языках такая тенденция не прослеживается.

Пример следующей **ЛСГ - названия месяцев в республиканском календаре Франции**.

После революции 1789 г. во Франции наблюдается целенаправленный выбор грамматической унификации при создании новых лексем, обозначающих месяцы в республиканском календаре:

- осенние месяцы имеют финальную морфему *-aire*: *vendémiaire*, *brumaire*, *frimaire*;
- зимние *-ose*: *nivose*, *pluviose*, *ventose*;
- весенние *-al*: *germinal*, *floreale*, *prairial*;
- летние *-idor*: *messidor*, *thermidor*, *fructidor*.

В данном случае выбор финальных морфем происходит осознанно, что позволяет предположить существование в сознании говорящих тенденции унификации грамматических форм для образования новых лексем как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровне.

Перейдем к рассмотрению **культурно-лингвистических моделей образования названий дней недели**.

французский	итальянский	испанский	русский	галисийский	каталанский	финс
lundi	lunedì	lunes	понедельник	luns	dilluns	maana
mardi	martedì	martes	вторник	martes	dimarts	tiistai
mercredi	mercoledì	miércoles	среда	mércores	dimecres	keskiv
jeudi	giovedì	jueves	четверг	xoves	dijous	torstai
vendredi	venerdì	viernes	пятница	venres	divendres	perjan
samedi	sabato	sábado	суббота	sábado	dissabte	lauant
dimanche	domenica	domingo	воскресенье	domingo	diumenge	sunnui

Латинская модель образования названий дней недели *-dies*, во французском и итальянском языках трансформировалась в лексический ряд с общей финалью (финальной морфемой) *-di*, в испанском – с финалью *-es*, но при этом слова, традиционно имеющие особую специфику для романского католического культурного кода – *Sabato* (ит.), *Sábado* (исп.) (от ивр. *Shabat*), *Domenica* (ит.), *Domingo* (исп.),

Dimanche (фр.) (букв. «День Господень») – имеют отличные финали. Сравним с русскими: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, где общие финали отдаленно прослеживаются только в первых словах; с галисийским - Luns, Martes, Mércores, Xoves, Venres, Sábado, Domingo, каталанским - Dilluns, Dimarts, Dimecres, Dijous, Divendres, Dissabte, Diumenge, где различия присутствуют в корневых морфемах, но прослеживается одинаковая система финалей. Скалькированные романско-германскими языками названия дней недели были в свою очередь заимствованы или частично скалькированы финским языком: шесть названий дней недели (за исключением keskiviikko) объединяются общей финалью *-tai*: Maanantai, Tiistai, Keskiviikko, Torstai, Perjantai, Lauantai, Sunnuntai. Данный пример говорит о присущей говорящим способности воспринимать унифицированные компоненты клаузуальных групп и транслировать их в национальные языки *независимо от их происхождения*. Так, неиндоевропейский финский язык (финно-угорская группа уральской языковой семьи) калькировал индоевропейскую систему обозначения дней недели, тогда как индоевропейский русский язык заимствовал только название одного дня недели (суббота - от ивр. Shabat), а последний – воскресенье – переосмыслил в духе культурно-религиозной традиции, присущей всем европейским языкам.

Единственным среди романских языков, где дни недели называются по порядку после дня отдыха (и первым днем недели является воскресенье), является португальский. Это также единственный язык среди романских, в котором при образовании лексем, обозначающих дни недели, не используются унифицированные финальные морфемы:

Португальский язык	Русский язык	Таджикский язык
segunda-feira (второй день после отдыха)	понедельник (день после отдыха, не- дели)	душанбе (второй день)
terça-feira (третий день)	вторник (второй день)	сешанбе (третий день)
quarta-feira (четвертый день)	среда (день посреди недели)	чоршанбе (четвертый день)
quinta-feira (пятый день)	четверг (четвертый день)	панчшанбе (пятый день)
sexta-feira (шестой день)	пятница (пятый день)	чумъа
sábado	суббота	шанбе (день Большого Базара)
domingo	воскресенье	якшанбе (первый день)

Подобная порядковая система названий дней недели принята в русском языке, а также в таджикском.

В таджикском языке присутствует четко дифференцируемая финаль *-анбе*: душанбе, сешанбе, чоршанбе, паншанбе, чумъа, шанбе, якшанбе, что напоминает испанские *es*, но при этом в отличие от латинизированных корневых морфов в испанском («лунный

день», «день марса» и т.д.) в таджикском языке принята порядковая система наименований: як (первый), ду (второй), се (третий), чор (четвертый), панҷ (пятый), шаш (шестой). Пятница – священный день отличается морфологически от обычных дней календаря. Сравнивая с корсиканскими названиями дней недели, можно наблюдать, что тождественный конечный аффиксальный субстрат вовсе не обязателен: Luni, Marti, Mercuri, Ghjovi, Vennari, Sabatu, Dumenica. В данном случае явно прослеживается доминанта латинизированных корней, при которых финальные элементы являются частью корня. Аналогичные примеры мы видим в языках, где традиционная для евроцентрических культур семидневная система деления недели является привнесенной в культуру. Так, в банту – языке шона названия дней недели не имеют тождественных финалей: Muvhuro, Chipiri, Chitatu, China, Chishanu, Mugovera, Svondo, хотя принцип заимствован из европейской культурной традиции.

Итальянский язык	Корсиканский язык	Язык шона
lunedì	luni	muvhuro
martedì	marti	chipiri
mercoledì	mercuri	chitatu
giovedì	ghjovi	china
venerdì	vennari	chishanu
sabato	sabatu	mugovera
domenica	dumenica	svondo

Таким образом, рассмотренные примеры ЛСГ, взятых из различных языков, проанализированные в рамках прагматическо-функционального подхода с применением сравнительного метода, позволяют нам предположить наличие универсальной тенденции использования существующих в языке словообразовательных морфем при появлении новых лексем в лексико-семантических группах вне зависимости от специфики культурного кода.

Библиография

1. Матвеева Г. Г., Самарина И. В., Селиверстова Л. Н. Два направления в современной прагмалингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 1-2.
2. Сахарова Е.Е. Стратегии в речевом поведении отправителя сообщения // Russian Linguistic Bulletin. 2021. №2 (26).
3. Христианова Н.В., Кацитадзе И.М., Дзюбенко А.И. Исследование причинных высказываний с позиции функциональной и скрытой прагмалингвистики // Гуманитарные и социальные науки. 2015. №3.
4. Багдасарян Т. М. Прагмалингвистика (речевое поведение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-3 (69).
5. Ивлиева Е. А. Особенности аффиксальных способов словообразования в испанской компьютерной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2-2 (56).
6. Tsutahara, R. Los nombres en-dor y-nte y causatividad. // Estudios Interlingüísticos. – 2014 – №2. – P. 149-161.
7. Петрова Г.В. Названия дней недели в португальском языке. Культурный шок? // Романские языки и культуры: от античности до современности. VI международная конференция романистов. 30.11-1.12.2011г. Москва. Сборник материалов. – М.: 2011.
8. Туйчиева, М. Ч. Лексико-семантические особенности современного испанского языка в латинской америке // ORIENSS. 2022. №6.

9. Кравцова К.И. Особенности лексики современного испанского языка с учётом национально-культурной специфики // Вестник науки. 2023. №5 (62).
10. Кравченко Е.В. Лексико-семантические способы формирования терминов в сфере медицины на материале испанских СМИ // Вестник науки. 2023. №7 (64).
11. Экономова А. Д. Прагмалингвистический и лингвокультурологический потенциал прагматонимикона // Современное педагогическое образование. 2024. №1.
12. Богданова Е. А., Котеняткина И. Б. О месте и роли локализмов в системе национального языка // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2024. №1.
13. Горностаева Ю.А., Колесникова Ю.С. Мультимодальные маркеры переживания гендерного неравенства в устном испаноязычном дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. №1.
14. Ильина М. Г. Прагматические и структурно-организующие функции вводных компонентов (на материале французского языка) // СибСкрипт. 2013. №2 (54).
15. Бочаров Е. В. Речевые тактики стратегии саморепрезентации в институциональной коммуникации (на материале выступлений на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. №2 (883).
16. Туницкая Е. Л. Категория лица в акте речи: сопоставление французского и русского языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. №1 (882).
17. Червоный А. М. Типы семантического субъекта и его формальные трансформации // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. №10.
18. Гусева О. А., Попова Е. А. Становление семантики глаголов плача в английском и испанском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. №7 (875).
19. Титаренко Н. В. Основные явления в грамматике современного испанского языка // Известия ВГПУ. 2022. №9 (172).
20. Зеликов М. В., Иванова А. В. Парадигма моделей с глаголами обладания в иберо-романских языках на материале корпусных данных // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2023. №1.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Прагмалингвистический характер грамматической унификации лексико-семантических групп», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», нацелена на изучение словообразовательных особенностей отдельных лексико-семантических групп в аспекте прагмалингвистики. В исследовании используются данные по ряду неродственных языков: русскому, французскому, португальскому, итальянскому, испанскому, галисийскому, каталанскому, финскому, таджикскому. Выводы основываются на анализе отдельных лексико-семантических групп: на словах, обозначающих профессиональную деятельность, сферу компьютерной лексики, названия дней недели. Актуальность темы определяется необходимостью изучить с позиций прагмалингвистики вопросы выбора языковых средств из наличного репертуара «для наилучшего выражения мыслей, чувств; для наилучшего воздействия на слушающего или читающего» (Ю.С.Степанов). Новизна работы состоит в попытке упорядочить и обосновать использование тех или иных грамматических показателей при образовании слов отдельных лексико-семантических групп. Исследование имеет

перспективы для дальнейшего изучения в данном направлении большего количества лексико-семантических групп, что позволит выявить основные тенденции при выборе языковых средств в речи.

Стиль изложения соответствует научному стилю изложения; работа имеет определенную структуру, которая позволяет составить представление об изучаемых лексемах. Содержание статьи раскрывает обозначенную тему.

Список использованных источников включает 11 наименований, отражающих новейшие взгляды на поднимаемую в статье проблематику. Автор дает обзор теоретической литературы, имеющейся в этой области. Однако оформление библиографических источников не соответствует требованиям журнала «Филология: научные исследования».

В статье необходимо устранить ошибки пунктуационные (в частности, обратить внимание на постановку запятой между подлежащим и сказуемым, например, «Морфема –eаg, используется в испанском языке..», «Латинская модель образования названий дней недели –dies, во французском и итальянском языках трансформировалась...» и т.д. по всему тексту), орфографические (фино-угорская группа уральской языковой семьи).

В целом, статья содержит новые данные, интересные выводы, которые способствуют развитию прагмалингвистики. Конечно, в рамках одной статьи невозможно охватить весь массив лексической системы языка. Однако прагматическо-функциональный анализ, примененный вкупе с сопоставительным, сделанный на материале слов различных языков, относящихся к различным лексико-семантическим группам, позволяет автору сделать предположение о наличии «универсальной тенденции использования существующих в языке словообразовательных морфем при появлении новых лексем в лексико-семантических группах вне зависимости от специфики культурного кода», что подтверждает начальную точку зрения о том, что выбор «речевых единиц носителями разных национальных языков» обусловлен единой системой «неосознанного выбора говорящими морфем для образования новых лексем, что является предметом скрытой прагмалингвистики».

Статья «Прагмалингвистический характер грамматической унификации лексико-семантических групп» рекомендуется к печати.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Прагматика текста наиболее сложная и дискуссионная область лингвистики. Здесь и факторы формального толка, и смыслового, и дискретного. Безусловно, многое зависит от интерпретации / интерпретатора, следовательно, работы в данном русле необходимы, они востребованы в режиме конструктивной оценки. Автор в начале труда отмечает, что «в современной прагмалингвистике вопрос прагматического выбора речевых единиц рассматривается как в русле функциональной прагмалингвистики, так и с позиций скрытой прагмалингвистики. Эти два направления прагмалингвистики выделяются на основе дифференциации речевого воздействия: функциональная (открытая) прагмалингвистика опирается на прямое, осознанное речевое воздействие, а скрытая прагмалингвистика занимается изучением скрытого, неосознаваемого говорящим речевого воздействия». Подобная вариация оценки прагмалингвистики имеет место быть, он, собственно, и расставляет приоритеты исследований. На мой взгляд, статья задает нужный вектор оценки прагмалингвистики, актуализирует этот уровень, отчасти дает возможность наметить и новые исследования в смежном тематическом русле. Текст

имеет вполне завершённый вид, он грамотен; заметна нетривиальная способность автора оценивать уже имеющиеся источники. Причем круг автором объемлен: «прагматический характер речевых сигналов в рассматриваемых в статье индоевропейских языках изучается в работах Богдановой Е. А., Котеняткиной И. Б., Горностаева Ю.А., Колесникова Ю.С., Ильиной М. Г., Бочарова Е. В. Вопросы особенностей грамматических категорий, в том числе и их прагматический потенциал, подробно рассмотрены в исследованиях Туницкой Е. Л., Червоного А. М., Гусева О. А., Попова Е. А., Титаренко Н. В., Зеликова М. В., Ивановой А. В.» и т.д. Для читателя подобный срез важен, необходим он и для исследователя. Думаю, что основной блок аналитических купюр имеет выверенный характер, сильных разночтений нет: например, «ЛСГ по профессиональной деятельности. Начнем с русского языка. Существующая древняя модель на -арь (пахарь, пекарь, бондарь, звонарь, лекарь, знахарь) реализуется при появлении новой лексики, обозначающей новую профессию: слесарь, вратарь. Лексемы, обозначающие другие новые профессии, могут приобретать системные компоненты, характерные для новой лингвистической эпохи в целом: радист, связист, артист и т.д.», или «Аналогичная модель образования новых лексем с использованием существующих в языке морфем наблюдается в испанском языке в ЛСГ, объединяющей глаголы из области компьютерной лексики. Для образования глаголов, обозначающих действия, связанные с новой компьютерной реальностью, в испанском языке используется морфема -ear», или «В данном случае выбор финальных морфем происходит осознанно, что позволяет предположить существование в сознании говорящих тенденции унификации грамматических форм для образования новых лексем как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровне» и т.д. Для работ лингвистического характера не является исключением использование таблиц, схем, т.н. синкретических структур, они позволяют наглядно зримо выводить наработанный блок данных. В данном случае это имеет место быть, что также следует оценить положительно. Работа имеет практико-ориентированный характер; материал методологически верен, новизна заключается в сравнении разных языковых систем, порой не включенных в общий интегративный обиход. Выводы по тексту созвучны основной части: автор обозначает, что «рассмотренные примеры ЛСГ, взятых из различных языков, проанализированные в рамках прагматическо-функционального подхода с применением сравнительного метода, позволяют нам предположить наличие универсальной тенденции использования существующих в языке словообразовательных морфем при появлении новых лексем в лексико-семантических группах вне зависимости от специфики культурного кода». В принципе тема работы раскрыта, поставленный вектор задач решен; общие требования издания учтены. Думаю, некоей нуждается в унификации список источников (см. стандарт). Материал можно использовать в рамках изучения гуманитарных дисциплин, он может быть импульсом для новых (концептуальных) изысканий. Рекомендую рецензируемую статью «Прагмалингвистический характер грамматической унификации лексико-семантических групп» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Рогалева О.С. Региональный новостной медиадискурс: опыт коммуникативно-прагматического анализа текстовых цепей // Филология: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70666 EDN: BLGDDO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70666

Региональный новостной медиадискурс: опыт коммуникативно-прагматического анализа текстовых цепей

Рогалева Ольга Сергеевна

ORCID: 0000-0001-8141-6312

кандидат филологических наук

доцент, кафедра журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

644077, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Мира, 55а, оф. 116

✉ olga_rogaleva78@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.5.70666

EDN:

BLGDDO

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2024

Аннотация: Предметом исследования служат особенности структуры новостного регионального дискурса – дискурса Омска и Омской области. Текстцентрический подход позволил выделить в региональном новостном дискурсе структурную единицу, большую чем текст, – текстовую цепь. Архитектура регионального новостного медиадискурса рассматривается как совокупность длящихся сообщений, или цепей текстов. Ряд хронологически упорядоченных событий укладывается в дискурсивные сюжеты, «дискурсивные фрагменты», объединенные семантически и функционально. При этом «в разработке каждого информационного сюжета важно проследить степень его развернутости: в этом проявится его дискурсогенность (способность порождать дискурс). В данных текстовых объединениях – цепях – отражается как специфика региональной повестки дня, так и коммуникативно-прагматические особенности новостного дискурса отдельного региона. Мониторинг региональных новостных

интернет-ресурсов позволил выявить информационные поводы, породившие цепи новостных текстов, репрезентированные в региональном медиадискурсе зимой 2023-2024 гг. Анализ регионального медиапространства предполагает опору на ряд методов дискурсивного и собственно лингвистического анализа. Методика анализа базируется на структурном подходе к анализу «дискретного текстового потока» и предполагает выделение в дискурсе фрагментов, «квантов» – больших, чем текст. Контент-анализ позволяет выделить дискурсообразующие сюжеты и эпизоды, персонажи регионального медиадискурса. Выделены дискурсообразующие сюжеты и эпизоды, репрезентированные в новостном дискурсе Омской области зимой 2024 г. На примере анализа двух дискурсивных сюжетов выявлено, что цепочки региональных новостных текстов выстраиваются вокруг информационных поводов, которые приобрели широкий общественный резонанс. В результате анализа эмпирического материала установлено, что к ядерному композиционному блоку новостных текстовых цепей в региональном медиадискурсе можно отнести действия и высказывания властей – губернатора и мэра. Они вписаны в журналистский нарратив как герои, действующие лица, персонажи. Текстовые цепочки могут отличаться по объему и интенсивности. Будучи незамкнутыми структурами, текстовые цепи могут быть пролонгированы за счет подборок комментариев читателей. Группировка текстов по источнику информации позволила увидеть степень вариативности в коммуникативно-прагматическом представлении события информационными агентствами.

Ключевые слова:

медиарегионалистика, региональный медиадискурс, новостной дискурс, повестка дня, новость, информационный повод, текстовая цепь, гипертекст новости, дискурсивный сюжет, дискурсогенность новости

Введение

Среди широкого разнообразия современных медиаисследований есть область, которая в последнее время постоянно привлекает интересы учёных, пополняется новыми представлениями и продолжает формировать собственный понятийно-терминологический аппарат, – это медиалингвистика. Одной из насущных задач медиалингвистики в период, когда происходят активные процессы регионализации СМИ, является разностороннее изучение региональной сегментации медийного пространства, систематизация и обобщение полученных результатов, а также обоснование методологического вектора такого рода исследований, каталогизация, типизация и разработка методик анализа поливариантной коммуникативной медиасреды. В связи со сказанным очевидно, что новая отрасль медиалингвистики – медиарегионалистика – не только имеет право на существование, но позволяет поставить чрезвычайно важные вопросы, связанные с функционированием региональных медиа, с содержательными, прагматическими и жанровыми особенностями региональных СМИ, формирующих медиаобразы регионов и отражающих региональную идентичность.

Обзор литературы

Современными исследователями теории журналистики все активнее используются понятия медиапространства [\[1; 2 и др.\]](#) и регионального медиапространства.

Из всех возможных подходов к медиапространству наиболее востребованными среди

исследователей являются:

- территориальный подход («рыночный») – медиапространство характеризуется как медийный рынок или информационное пространство региона [\[1\]](#), пространство взаимодействия тех, кто участвует в производстве, распространении и потреблении массовой информации [\[2\]](#);

- текстоцентричный подход, когда медиапространство рассматривается как совокупность всех медийных текстов, дискурсивное пространство.

Одной из первых комплексных работ, посвященных изучению регионального медиапространства стала коллективная монография «Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований», где реализован междисциплинарный подход к рынку региональных СМИ. Очевидно, что формальная гомогенность регионального медиадискурса обеспечивается в первую очередь территориальной общностью, поэтому обзор региональных СМИ, их характеристика, обозначение тенденций регионального медиарынка – в фокусе журналистских и лингвистических изысканий. Так, медийный рынок Великого Новгорода охарактеризован Т.Л. Каминской [\[3\]](#); Республики Мордовия – К.В. Дементьевой [\[4\]](#).

С другой стороны, как мы уже сказали, понятие регионального информационного пространства формируется на основе коммуникативного подхода к территории, который предполагает, что географическое пространство может быть рассмотрено как медийное, если в его политико-административных границах осуществляется активный информационный обмен, возникает «компактный сгусток социальных коммуникаций». Природно-географические и социально-экономические факторы в значительной мере влияют на разноректорность развития регионального медиапространства, определяют его особенности. Основной задачей системы региональных и муниципальных (городских, районных) СМИ остается организация информационных потоков в пределах региона и локалитетов [\[5\]](#).

Текстоцентрический подход позволяет говорить о региональном дискурсе СМИ, региональной картине мира: «Региональный дискурс СМИ является частью общего пространства средств массовой информации в стране, но при этом имеет множество специфических признаков, отражающих особенности конкретного региона. Они системно проявляются в повестке дня СМИ, способах представления информации и интерпретации общественно значимых событий, приоритетных темах и жанрах, организации диалога с аудиторией, композиционно-стилистическом устройстве медиатекстов» [\[6, с. 620\]](#).

Вопросы определения базовой функции повестки дня в региональных медиа как навигации для аудитории обозначены О.А. Фокиной [\[7\]](#), которая ввела понятие «региональной повестки дня» в научный обиход и рассмотрела его компоненты. Также этот аспект отражен в работах А.А. Новак: «региональная повестка дня – это тематическое направление содержания СМИ, тематически связанное с жизнедеятельностью регионов и включающее совокупность текстов, различным образом фиксирующих связь с определенным регионом или регионами на территории страны» [\[8\]](#).

Есть ряд научных работ, в которых сформирован перечень топики, составлена тематическая карта различных территориальных медиадискурсов. Например, тематические доминанты новгородского медиадискурса описаны в [\[9\]](#), Ставропольского края в [\[10\]](#), Республики Крым в [\[11\]](#), белорусских СМИ в [\[12\]](#). Новостной дискурс

социально-политической тематики в социальной сети «ВКонтакте» Томска и Новосибирска служит объектом изучения в [\[13\]](#).

По данным исследователей, на первом месте во всех региональных газетах находится политическая тематика (от 20% до 30% в разных изданиях), преимущественно деятельность наиболее важных акторов региона, в основном его властных органов [\[8, с. 17\]](#). Очевидно, что именно представители региональной власти участвуют в процессе коммуникации и образуют уникальное информационное поле.

Ядерной зоной регионального медиадискурса является новостной дискурс. Новостному дискурсу посвящено большое количество исследований. Вопросы типологии информационных поводов, жанровые и другие особенности оперативно-новостных текстов рассмотрены и описаны в теории журналистики и медиалингвистике достаточно подробно: [\[14\]](#), [\[15\]](#), [\[16\]](#), [\[17\]](#) и др.

Чаще всего учеными исследуется языковая и структурная специфика отдельных новостных текстов, жанровых форм [\[18; 19\]](#). По мнению Т.Г. Добросклонской, новостные материалы «обладают тщательно разработанной, в высшей степени организованной и чрезвычайно устойчивой структурой, что в сочетании с устойчивыми признаками на уровне языка позволяет рассматривать данные тексты в качестве глобально-клишированных текстов массовой информации» [\[20, с. 55\]](#).

В русле дискурсивного подхода принципиальным видится утверждение А.А. Негрышева о том, что текст медиановостей – это вербальная проекция фрагмента событийной действительности, возникающая под действием «сил дискурса». Другими словами, недискретный экстралингвистический материал преломляется в поток дискретных новостных текстов в ходе отбора, сортировки, расстановки акцентов, выбора средств выражения и других процессов, подчиняющихся институциональным и имманентно-речевым параметрам дискурса [\[21\]](#).

Однако сегодня понимание единичного текста становится невозможным без привлечения других текстов, а потоки информации образуют сложные структуры – гипертексты, сверхтексты. Изучение дискурса предполагает выделение в каждом из типов дискурса функционально неоднородных фрагментов. Возникающие в медиадискурсе «рассеянные» текстовые конфигурации привлекают внимание исследователей все больше.

Так, Л.Р. Дускаева, рассматривает гипертекст новости. Гипертекст новости, согласно Л.Р. Дускаевой, это условное наименование совокупности связанных общим информационным поводом сообщений в медиа разных каналов, типов, которые различаются по источнику и по времени поступления, но референциально «перекликаются». В отличие от линейного газетного текста, расширение гипертекста новости в интернете осуществляется в разных векторах, т.е. в разных источниках информации – СМИ. Такой многовекторно развиваемый гипертекст создается множеством медиа и их авторов, объединенных интересом к одному информационному поводу: событию, ситуации, факту, чужому высказыванию, персоне [\[22, с. 39\]](#).

Однако существуют и другие текстовые объединения. С понятием гипертекста новости так или иначе связаны понятия информационной волны, информационного эха [\[23\]](#), дискурсивной глубины текста [\[24\]](#). Информационные волны отражают динамику информационного пространства, их появление связано с отражением структуры повестки дня [\[23, с. 103\]](#). По мнению Т.В. Шмелевой, при анализе новостного дискурса важно

учитывать степень дискурсогенности новости: одни остаются одиночными текстами, другие порождают мощные дискурсы, присутствующие в медиаполе длительный срок [25, с. 159]. Целая серия материалов, ряд новостных сообщений, перетекающих одно в другое и продолжающих друг друга, каждое из которых с собственным хедлайном и своей композицией, будем называть, вслед за О.Р. Лащук, цепью (или звеном) [26]. Установление двусторонних связей: «длящееся событие» — «цепь сообщений» и «завершенное событие» — «единичное сообщение» (О.Р. Лащук), одиночный текст (Т.В. Шмелева) позволяет взглянуть на архитектуру новостного дискурса по-другому.

Таким образом, события, о которых сообщается в новостных интернет-материалах, целесообразно разделять на две большие группы. К первой относится завершенное событие, когда вся новостная информация уже имеется в Сети. Его можно отразить в одном, как правило – достаточно коротком материале. Ко второй – незавершенное, когда новостная информация продолжает поступать после первой публикации [26].

Архитектуру новостного медиадискурса, в том числе регионального, можно рассматривать как совокупность единичных и длящихся сообщений, или цепей текстов. Ряд хронологически упорядоченных событий укладывается в эпизоды, сюжеты, формируя картину события в целом. Цепочка новостных текстов – многоуровневое текстовое образование, когда отдельный текст одновременно является самостоятельной единицей и частью текстовой цепи; это «дискурсивный фрагмент», последовательность текстов, объединенных семантически и функционально.

Эмпирическая база и методы исследования

Рекламно-информационные порталы являются базовыми компонентами современного регионального медиапространства, формируя его ядро. В топе самых цитируемых СМИ Омской области (на ноябрь 2023), по данным Медиалогии (<https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/12673/>), оказались такие интернет-издания Омска и Омской области, как Om1.ru, Gorod55.ru, Ngs55.ru, ОмскРегион. Это универсальные информационные площадки, имеющие широкий тематический диапазон – от происшествий и политических событий до культурной жизни и спорта. Принадлежат общему типологическому профилю, концепции сайтов этих агентств достаточно близки. Их целевая аудитория – омичи, желающие получить оперативную и актуальную информацию о локальных событиях, происшествиях, персонах.

Исследование охватывает публикации четырёх информационных порталов за период ноябрь 2023 г. – февраль 2024 г. Мониторинг региональных новостных интернет-ресурсов позволил выявить информационные поводы, породившие цепи новостных текстов, репрезентированные в региональном медиадискурсе зимой 2023-2024 гг.

Анализ регионального медиапространства предполагает опору на ряд методов дискурсивного и собственно лингвистического анализа. Методика анализа базируется на структурном подходе к анализу «дискретного текстового потока» и предполагает выделение в дискурсе фрагментов, «квантов» – больших, чем текст. Контент-анализ позволяет выделить дискурсообразующие сюжеты и эпизоды, персонажи регионального медиадискурса. При этом «в разработке каждого информационного сюжета важно проследить степень его развернутости: в этом проявится его дискурсогенность (способность порождать дискурс). При рассмотрении сюжетов будет ясно, какие медиаинституты задают тон, ставят проблемы в региональном поле, а какие обеспечивают информационное эхо» [24, с. 161]. В данных текстовых объединениях –

цепях – отражается как специфика региональной повестки дня, так и коммуникативно-прагматические особенности новостного дискурса отдельного региона.

Результаты исследования

Проведенный контент-анализ позволил выделить общие для медиатекстов информационных агентств базовые новости, вокруг которых образуются цепи медиатекстов, формирующих новостной дискурс Омского региона в этот период: авария на ТЭЦ-5; участие Омска в выставке «Россия»; уборка Омска от снега; цветовое оформление общественного транспорта и др.

Рассмотрим примеры «длящихся» новостей локального характера.

Намерение губернатора перекрасить общественный транспорт в городе и области в яркие цвета. Опорными смысловыми точками «длящейся» новости стали:

1. Намерение губернатора, высказанное публично:

Хоценко планирует перекрасить весь общественный транспорт Омска. Губернатор уверен, что город следует сделать более ярким (Ом1., 7.12.2023)

Хоценко рассказал, как в Омске раскрасят общественный транспорт (Город 55, 7.12.2023)

Виталий Хоценко рассказал о планах перекрасить общественный транспорт в Омске (ОмскРегион, 8.12.2023)

Дептранс: все омские **автобусы и троллейбусы станут цветными** за два года. Частным перевозчикам предложат менять вид машин за свой счет (NGS55, 26.01.2024 г.)

На данном этапе информация персонализирована. Основным субъектом является губернатор. Модальность ирреальная – желательная.

2. Некоторые подробности внешнего ребрендинга общественного транспорта:

Стало известно, **какие автобусы появятся** на улицах Омска. В Telegram-канале «Не мэр Омска» опубликовали фото, на котором запечатлен новый общественный транспорт (Город 55, 25.01.2023)

В Омске будут ездить **автобусы оранжевого цвета** (ОмскРегион, 25.01.2024)

В Омске **автобусы уже брендируют в оранжевый цвет** (ОмскРегион, 31.01.2024)

Ирреальная модальность заменяется на реальную в заголовках и текстах. Намерение губернатора становится фактом. Будущее время глаголов соотносится с анонсированием события.

3. Появление первого «цветного» троллейбуса:

«Совсем как огуречик». Новые **зеленые троллейбусы вышли на маршрут** в Омске (Город 55, 7.02.2023)

В Омске **появились зелёные троллейбусы**. В будущем весь общественный транспорт будет брендирован в разные цвета (Ом1., 7.02.2024)

В Омске **на маршрут вышел первый троллейбус в зеленом цвете**. Машину марки «Адмирал» брендировали логотипом с названием города (NGS55, 7.02.2024)

Структура повествования агентивная: субъектом выступают троллейбусы.

4. Коммуникативные реакции жителей города:

«Как двери у мужа на гараже»: подборка комментариев омичей о новых зеленых троллейбусах (NGS55, 9.02.2024)

«Что других проблем нет?»: как прошло голосование за новый цвет троллейбусов. Многим больше нравится оформление транспорта от завода (NGS55, 12.02.2024).

Данная текстовая цепь – это разворачивающееся во времени событие, построенное по принципу сюжета, фабулы с завязкой, кульминацией и развязкой. Как видим, элементы события представлены в разных медиаисточниках практически одинаково. Обратим внимание на то, что коммуникативное реагирование (в виде запроса мнений адресатов) осуществляет только одно информационное агентство в региональном медиапространстве – NGS55, что говорит о наличии разных интенций в создании образа события у региональных СМИ. Информационные сообщения, репрезентирующие мнения горожан, направлены, во-первых, на пролонгацию дискурсивного сюжета, во-вторых, на эмоционально-оценочное «тонирование» дискурсивного сюжета, как правило негативное.

Рассмотрим еще один пример текстовых цепей. Зимой 2023-2024 года Омск столкнулся с проблемой уборки огромного количества снега с улиц – таков информационный повод, вокруг которого выстраивается цепь новостных медиатекстов.

1 . NGS55: Дорожные службы в Омске продолжают устранять последствия вчерашнего снегопада. Работы ведутся круглосуточно (NGS55, 1.11.2023); Дорожные службы города продолжают убирать снег круглосуточно. Днем на улицах Омска будут работать 300 единиц техники (NGS55, 2.11.2023); На Омск обрушился снегопад. Службы перевели в режим повышенной готовности. Ночью дорожники вышли на магистрали, чтобы очистить их (NGS55, 19.11.2023); Власти Омска сделали пост для жалоб на нечищенные дороги. Чиновники не отрицают, что в городе с этим есть проблемы (NGS55, 4.01.2024); В Омске на уборку снега отправят в четыре раза больше уголовников. К исправительным работам планируется привлечь до 100 человек (NGS55, 5.01.2024); Хоценко приказал дорожникам искать в соцсетях жалобы на нечищенные улицы. Давайте составим свой список (NGS55, 16.01.2024 г.); Куда пожаловаться на неубранный снег? Ответил губернатор. Для этого опубликован специальный пост (NGS55, 16.01.2024 г.); Хоценко поехал в рейд по нечищеным дорогам в новом пуховике. Мы нашли похожий на Ozon. Этот наряд, судя по всему, дешевле, чем предыдущий образ главы региона (NGS55, 17.01.2024 г.); В Омске заработала горячая линия по уборке снега. Звонки от омичей будут приниматься круглосуточно (NGS55, 17.01.2024); «Хуже всего дела обстоят в Советском округе»: Хоценко посмотрел на неубранные дороги в городе. Он объехал три округа с проверкой (NGS55, 17.01.2024); В Омске уволилась ответственная за состояние дорог Галина Зурнаджан. Она руководила УДХБ на протяжении двух лет (12.02.2024);

2 . Ом1: Сергей Шелест и Виталий Хоценко показали эффективную работу в тандеме. По поручению губернатора мэр лично проверил качество уборки дорог в городе и принял решения, которые помогут улучшить эту работу (Ом1., 4.12.2023); В Омске увеличили зарплату сотрудникам, очищающим улицы от снега. Их доход стал больше на 15% (27.01.2024); Мэр Омска отправил главного зама разбираться со снегом. На борьбу со стихией брошено 200 рабочих и более сотни машин (27.01.2024); Мэр Омска Сергей Шелест помог дворнику с уборкой снега. Глава города рассказал,

что живёт в частном доме и прекрасно знает, что такое поработать ледорубом и лопатой (28.01.2024); Виталий Хоценко и Сергей Шелест **повысили зарплаты омским дорожникам** (От1., 29.01.2024 г.); В феврале омские межквартальные проезды **начнут чистить дополнительной техникой**. На омские дороги для вывоза снега также выйдут **дополнительные самосвалы** (29.01.2024); В предстоящий снегопад очистку омских дорог **проведут в особом режиме**. Содержание дорог **остаётся на особом контроле** (1.02.2024); **Прокуратура вынесла больше 120 представлений** о некачественной уборке снега в Омске. Все нарушения активно устраняются (2.02.2024); Грейдер, погрузчик и самосвалы: в Омске **показали, как убирают дороги после снегопада**. Для уборки **привлекают комплексные звенья техники** (5.02.2024); Ночью в Омске **уберут от снега 215 дорог. На дороги выйдет 162 единицы техники** (7.02.2024); Заместитель генпрокурора РФ Дмитрий Демешин провёл в Омске личный приём граждан. Среди вопросов, с которыми к нему обратились омичи, – уборка снега с дорог, водоснабжение, переселение из ветхого и аварийного жилья, а также помощь инвалидам (7.02.2024); Омские УК и предприниматели могут заплатить до 20 тысяч рублей **за неубранный снег** (8.02.2024); Омичам рассказали, с каких улиц за выходные вывезут снег. **Внимание уделят междворовым и межквартальным проездам** (10.02.2024); **Директор УДХБ Галина Зурнаджан покинула свой пост**. Она проработала в ведомстве два года (12.02.2024); Технику с реконструкции бульвара Архитекторов **направили на уборку дворов**. Подрядчик хочет компенсировать омичам неудобства, возникшие из-за ремонта улицы (13.02.2024); В Омске **перестроили схему уборки дорог от снега**. А к уборке межквартальных проездов привлекают подрядчиков (13.02.2024).

3. Город55: Снег превратился в лед. В Омске занялись круглосуточной борьбой с выпавшими осадками. Рабочие убирают наледь и собирают снег, чтобы освободить дороги и не усугублять ситуацию перед новыми осадками (24.11.2023); Не хватает 350 водителей и рабочих. В Омске **некому очищать улицы и дороги от снега** (25.11.2023); «Лжефакты и бездействие». **Омичи рассказали о реальной ситуации с уборкой улиц города** (9.01.2024); Не справляются. **Мэрия Омска потратит 25 млн** на технику и подрядчиков для уборки снега (10.01.2024); «Работы очень много». Для уборки снега в Омске будут использовать спецтехнику области (16.01.2024); **Хоценко поручил Фомину проследить за уборкой снега в Омске после многочисленных жалоб** (16.01.2024); Шелест **продолжил наблюдение за уборкой улиц**, на которые чаще всего жалуются омичи (18.01.2024); **Город завален снегом**. Какие проблемы мешают омскому УДХБ убирать улицы (17.01.2024); **Сергей Шелест рассказал**, как протекает уборка омских улиц после сильного снегопада (26.01.2024); Ночью **на дороги Омска вышли 60 единиц техники** для борьбы со снегом. В первую очередь **дорожники очистили основные магистрали** (27.01.2024); «Знаю, что такое поработать лопатой». **Мэр Омска рассказал об уборке снега в городе** (28.01.2024); По поручению губернатора и мэра **дорожники вывели на уборку Омска максимум техники** (14.02.2024); Рекордно снежная зима. Как в Омске ежедневно откапывают улицы и дворы от снега (16.02.2024).

Информационными поводами, вокруг которых выстраиваются цепочки региональных новостных текстов, становятся те, которые приобретают широкий общественный резонанс. Региональный массово-информационный дискурс строится как совокупность текстовых цепей.

Тексты в цепи характеризуются самостоятельностью и относительной структурной независимостью друг от друга. В то же время текстовые цепи обладают свойствами когезии и когерентности. Когезия (когерентность) обеспечивается общностью имен и

предикатов: и в том, и в другом примере можно выделить повторяющиеся имена и глаголы. В рамках текстовой новости цепи формируется специфический локальный словарь.

Как видим, в корпусе исследованных медиатекстов преобладают персоны власти, наблюдается повышенное внимание к деятельности губернатора и мэра. К ядерному композиционному блоку новостных текстовых цепей в региональном медиадискурсе можно отнести действия и высказывания властей – губернатора и мэра. Они встроены в новостную цепь при помощи глаголов говорения: *распорядился, дал поручение, приказал, поручил, поставил задачу* и др. За счет транслирования информации о решении социально-экономических проблем региона создается образ эффективного управленца.

Сгруппировав тексты по источнику информации, можно увидеть разницу в представлении события информационными агентствами: Город55 наиболее категоричен в репрезентации дискурсивного сюжета, вынося в сильные позиции текста компоненты не *справляются, не хватает водителей и рабочих* и т.д.

Выводы

Цепочка новостных текстов – нарративная структура, представляющая собой скомбинированную цепочку событий, происходящих в определенном пространственно-временном контексте. Губернатор и мэр вписаны в журналистский нарратив как герои, действующие лица, персонажи.

Наличие того или иного текстового компонента в цепи может быть обусловлено как спецификой самого события – растянутого во времени, так и авторской/редакционной интенцией. Специфика события детерминирует обязательные текстовые элементы, авторская/редакционная интенция на пролонгацию дискурсивного сюжета – факультативные элементы в виде подборки комментариев читателей. Таким образом, текстовые цепи являются незамкнутыми структурами.

Текстовые цепочки могут отличаться: а) по объему и интенсивности: гипертекст «цветовое оформление общественного транспорта» существенно меньше, чем второй гипертекст; б) по степени детализации и наличию тематических ответвлений. Масштабирование новостного потока осуществляется за счет создания новостных сообщений фатического характера, искусственно поддерживающих интерес к данной теме, и новостных сообщений развлекательного характера – например, о пуховике губернатора, в котором он проверял уборку улиц от снега.

Вариативность репрезентации события в разных СМИ обнаруживается в плотности и интенсивности репрезентации того или иного дискурсивного сюжета, а главное – в актуализации тональности сообщений, оценочности, наконец, в особенностях интерпретации СМИ фактов действительности, что влияет на формирование картины мира адресата – жителя Омска и Омской области.

Библиография

1. Ним Е.Г. Медиапространство: основные направления исследований // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 31-41.
2. Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Ширяева А.А., Шкондин М.В. Функциональная и проблемно-тематическая модели городской газеты (по итогам опроса редакторов и журналистов малых и средних городов РФ) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 5.

3. Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований: коллективная монография / под ред. Т.В. Шмелевой. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, каф. журн., 2015. 223 с.
4. Каминская Т.Л. Региональное медиаполе: векторы развития // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 73. Т. 1. С. 20-23.
5. Дементьева К.В. Специфика функционирования региональных СМИ в современных коммуникативных условиях (на примере медиа Республики Мордовии) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып.3. С. 118-128. doi:10.17072/2073-6681-2021-3-118-128.
6. Ливанова М.В. Региональные «газеты власти» в медиапространстве // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 42-49.
7. Егорова Л.Г. Специфика современного регионального дискурса СМИ (на примере печатной прессы Республики Крым) // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. № 4. С. 615-628. doi: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).615-628
8. Фокина О.А. Региональная повестка дня в общероссийских печатных СМИ: дис. ... канд. филолог. наук. Москва, 2013. 250 с.
9. Новак А.А. Повестка дня в государственных и частных изданиях городов-миллионников // Медиаскоп. 2018. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2424>.
10. Петрова С.С. Тематические доминанты регионального медиаполя // Вестник Новгородского государственного университета 2013. № 73. Т. 1. С. 31-33.
11. Парушкина В.Б. Информационная повестка дня современных общественно-политических газетных изданий Ставропольского края // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 68. С. 122-128.
12. Красовская Е.В. Тематические доминанты белорусских СМИ: пандемия коронавируса и политические протесты // Региональная журналистика в новой коммуникационной среде: уроки пандемии COVID-19: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 19–20 апреля 2021 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 130-132.
13. Горчакова О.Ю., Ларионова А.В., Александрова Ю.К., Петров Е.Ю. Особенности новостного дискурса социально-политической тематики на примере региональных новостных пабликов в социальной сети «ВКонтакте» // Филология: научные исследования. 2021. № 3. С. 1-17. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.3.35234 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_35234.html
14. Dijk van T. A. News as Discourse. Hillsdale: Erlbaum, 1988. 200 с.
15. Bednarek M., Caple H. News Discourse. London: Continuum International Publishing Group, 2012. 288 с.
16. Добросклонская Т.Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования; актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. II Международная научно-практическая конференция и II Международный научный семинар: сборник научных работ. Под редакцией Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 13-22.
17. Колесниченко А.В. Критерии отбора новостей в современных российских СМИ // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2018. № 3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2467>. DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.5 (дата обращения 16.06.2023).
18. Ремчукова Е.Н., Апостолиди А.А. Малоформатные медиатексты "новостного потока" в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 3. С. 651-668.
19. Воронцова Т.А., Ковальчукова М.А. Образ события в новостном Интернет-дискурсе //

- Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. № 3. С. 102-108.
20. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. 2020. 180 с.
21. Негрышев А.А. Достоверность новостного медиатекста: опыт макроструктурного анализа // Медиалингвистика. 2021. № 8 (1). С. 4-22. DOI: 10.21638/spbu22.2021.101
22. Дускаева Л.Р. Лингвистическая архитектура гипертекста новости // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. тр. Гродно: ГрГУ, 2018. С. 49-53.
23. Болотнов А.В. Информационные волны и их типы в современном медиадискурсе: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (159). С. 102-106.
24. Басовская Е.Н. Дискурсивная глубина как типологический признак медиатекста // Дискурс-Пи. 2020. № 1 (38). С. 21-33. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10102
25. Шмелева Т.В. Дискурс и исследовательский инструментарий медиалингвистики // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 18 (137). Вып. 15. С. 157-163.
26. Лащук О.Р. «Цепной» метод освещения длящихся событий в новостных материалах агентства LENTA.RU // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В целом тематический ценз рецензируемой работы актуален и нов, автор обращает внимание на анализ медиадискурса в точечной раскладке проблемы. Считаю, что подобный вектор интересен, он дает возможность оценить фрактал указанных позиций, позиционно проанализировать прагматику текстовых цепей. Работа достаточно грамотна, структура выверена: автор отмечает, что «среди широкого разнообразия современных медиаисследований есть область, которая в последнее время постоянно приковывает интересы учёных, пополняется новыми представлениями и продолжает формировать собственный понятийно-терминологический аппарат, – это медиалингвистика. Одной из насущных задач медиалингвистики в период, когда происходят активные процессы регионализации СМИ, является разноаспектное изучение региональной сегментации медийного пространства, систематизация и обобщение полученных результатов, а также обоснование методологического вектора такого рода исследований, каталогизация, типизация и разработка методик анализа поливариантной коммуникативной медиасреды». Обзорный блок критической литературы достаточен, вариант, который избирает автор, правомерен. Дается и аналитическая оценка имеющихся источников, причем она критически вариативна: например, «Одной из первых комплексных работ, посвященных изучению регионального медиапространства стала коллективная монография «Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований», где реализован междисциплинарный подход к рынку региональных СМИ. Очевидно, что формальная гомогенность регионального медиадискурса обеспечивается в первую очередь территориальной общностью, поэтому обзор региональных СМИ, их характеристика, обозначение тенденций регионального медиарынка – в фокусе журналистских и лингвистических изысканий. Так, медийный рынок Великого Новгорода охарактеризован Т.Л. Каминской [3]; Республики Мордовия – К.В. Дементьевой...» и т.д. Ссылки и цитации даны в режиме норматива, серьезная правка излишня. Считаю, что

введенная в тело текста статистика также уместна, правомерна: например, «По данным исследователей, на первом месте во всех региональных газетах находится политическая тематика (от 20% до 30% в разных изданиях), преимущественно деятельность наиболее важных акторов региона, в основном его властных органов [8, с. 17]. Очевидно, что именно представители региональной власти участвуют в процессе коммуникации и образуют уникальное информационное поле. Ядерной зоной регионального медиадискурса является новостной дискурс. Новостному дискурсу посвящено большое количество исследований. Вопросы типологии информационных поводов, жанровые и другие особенности оперативно-новостных текстов рассмотрены и описаны в теории журналистики и медиалингвистике достаточно подробно: [14],[15],[16],[17] и др.» и т.д. Тема по большому счету решается полновесно, цель достигается ступенчато. Промежуточные выводы уместны и оправданы: «Таким образом, события, о которых сообщается в новостных интернет-материалах, целесообразно разделять на две большие группы. К первой относится завершенное событие, когда вся новостная информация уже имеется в Сети. Его можно отразить в одном, как правило – достаточно коротком материале. Ко второй – незавершенное, когда новостная информация продолжает поступать после первой публикации...». Так называемый иллюстративный фон достаточен, аргументацию убедительна и объективна: «1. Намерение губернатора, высказанное публично: Хоценко планирует перекрасить весь общественный транспорт Омска. Губернатор уверен, что город следует сделать более ярким (Ом1., 7.12.2023). Хоценко рассказал, как в Омске раскрасят общественный транспорт (Город 55, 7.12.2023). Виталий Хоценко рассказал о планах перекрасить общественный транспорт в Омске (ОмскРегион, 8.12.2023). Дептранс: все омские автобусы и троллейбусы станут цветными за два года. Частным перевозчикам предложат менять вид машин за свой счет (NGS55, 26.01.2024 г.). На данном этапе информация персонализирована. Основным субъектом является губернатор. Модальность ирреальная – желательная». Вектор аналитики выдержан на протяжении всего сочинения: например, «тексты в цепи характеризуются самостоятельностью и относительной структурной независимостью друг от друга. В то же время текстовые цепи обладают свойствами когезии и когерентности. Когезия (когерентность) обеспечивается общностью имен и предикатов: и в том, и в другом примере можно выделить повторяющиеся имена и глаголы. В рамках текстовой новости цепи формируется специфический локальный словарь...» и т.д. Выводы целесообразны, полновесны, значимы: «Текстовые цепочки могут отличаться: а) по объему и интенсивности: гипертекст «цветовое оформление общественного транспорта» существенно меньше, чем второй гипертекст; б) по степени детализации и наличию тематических ответвлений. Масштабирование новостного потока осуществляется за счет создания новостных сообщений фатического характера, искусственно поддерживающих интерес к данной теме, и новостных сообщений развлекательного характера – например, о пуховике губернатора, в котором он проверял уборку улиц от снега». Материал нов, методологически верен, серьезных фактических нарушений не выявлено. Думаю, что целесообразно унифицировать список литературы, формальный ценз несколько условен. Таким образом, цель данного исследования достигнута, поставленные задачи решены. Рецензируемая статья «Региональный новостной медиадискурс: опыт коммуникативно-прагматического анализа текстовых цепей» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Серегина М.А. Особенности функционирования макаронизмов в свете языковой интеграции (на материале немецких публицистических текстов) // Филология: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70693 EDN: BMGBMC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70693

Особенности функционирования макаронизмов в свете языковой интеграции (на материале немецких публицистических текстов)

Серегина Марина Александровна

ORCID: 0000-0003-0573-644X

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра немецкой филологии; Южный федеральный университет

344064, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. 2-Ой пятилетки, 8, кв. 7

✉ m.seregina@rambler.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.5.70693

EDN:

BMGBMC

Дата направления статьи в редакцию:

09-05-2024

Аннотация: Предметом данной статьи являются особенности контекстуального использования англо-американских заимствований в немецких публицистических текстах. Объектом выступают макаронизмы, а именно гибридные англицизмы в немецких печатных СМИ. Цель данной статьи – выявить и проанализировать их специфику функционирования в словообразовательном, грамматико-морфологическом и тематико-понятийном аспектах на материале публикаций в немецкоязычном журнале и интернет-портале «Der Spiegel» в период 2022-2023 гг. Макаронизмы – сложные слова-гибриды, которые образованы из корней или морфем разных языков. Они используются в речи либо в том виде, в каком существуют в языке-источнике (т. е. с сохранением их грамматических и произносительных особенностей), либо подвергаются разным видам ассимиляции. В исследовании используются контекстуальный анализ, описательный метод и метод классификации при типологизации иноязычных заимствований. Метод структурно-семантического анализа служил для исследования лексических единиц в

выпусках журнала. Методика компонентного анализа применена в работе для исследования отдельных морфем единиц картотеки, а метод количественного анализа – для установления соотношения в пределах макаронизмов. Новизна исследования заключается в подтверждении факта, что описанные в статье особенности употребления гибридных англицизмов в немецком языке с точки зрения их словообразовательных моделей, грамматико-морфологического и тематико-понятийного аспектов уточняют существующие представления о современном состоянии словарного запаса носителей данного языка, систематизация которого имеет особое значение для дальнейшего изучения немецкой лексикологии, языкового ландшафта Германии и теории взаимодействия языков. На основании полученных результатов удалось выявить, что внедрение англо-американских слов в немецкий язык и появление такого языкового явления, как «Denglisch», их использование в речи является неоднозначным и сопровождается разными способами ассимиляции, а именно уподоблением словообразовательным моделям и грамматическим правилам новой языковой системы. Заимствованная из английского языка лексика имеет свое широкое распространения в разных сферах жизнедеятельности: от спортивной до экономической.

Ключевые слова:

макаронизмы, гибридные англицизмы, Denglisch, публицистические тексты, немецкий язык, ассимиляция, словообразовательные модели, грамматико-морфологические особенности, тематико-понятийный аспект, функционирование

Введение

Разнообразные перемены в обществе сильно влияют на главное средство нашей коммуникации – язык. Изменения касаются всех языковых аспектов, но в основном они отражаются в лексике. Немецкий язык не стал исключением и на протяжении своего развития также претерпевал изменения в своем лексическом составе, где все активнее появлялись заимствованные слова. Английский язык имеет огромную значимость для современных реалий, поэтому на сегодняшний день именно из этого языка чаще всего заимствуются слова. Язык – подвижная система, которая претерпевает изменения под влиянием модных тенденций. По этой причине появление англицизмов в речи является для многих исследователей до сих пор острой темой, так как заимствования напрямую влияют на развитие языка. Актуальность проведенного исследования обусловлена необходимостью исследования процессов ассимиляций в англицизмах, в результате которых появляются такие языковые объекты, как макаронизмы, гибридные заимствования, активно используемые представителями немецкого лингвокультурного сообщества в устной и письменной речи, в разговорных ситуациях и профессиональной деятельности [\[1\]](#).

В этой связи представляется важным рассмотреть характерные особенности функционирования гибридных англицизмов в немецких печатных СМИ в словообразовательном, грамматико-морфологическом и тематико-понятийном аспектах.

Методы и материалы исследования

В качестве основных методов исследования использовались контекстуальный анализ, описательный метод и метод классификации при типологизации иноязычных заимствований. Метод структурно-семантического анализа служил для исследования

лексических единиц в выпусках журнала. Методика компонентного анализа применена в работе для исследования отдельных морфем единиц картотеки, а метод количественного анализа – для установления соотношения в пределах заимствованного материала.

Материалом исследования послужили тексты статей, опубликованные в немецкоязычном журнале и интернет-портале «Der Spiegel» в период 2022-2023 гг. [Der Spiegel URL: <https://www.spiegel.de/>]. Из них методом сплошной выборки были выявлены англицизмы как фактический материал, которые и составили картотеку исследования.

Публицистические тексты не случайно стали материалом нашего исследования, так как они являются ярчайшими примерами языковой интеграции. Специфика языка текстов СМИ и рекламы заключается в простоте и лаконичности, которые привлекают внимание читателей и воздействуют на них с помощью компактного и понятного изложения мыслей на острые темы социального и общественно-политического характера [2, с. 218]. Ученые выделяют разные причины англо-американских заимствований в немецком языке [3, с. 17]. Английские слова короче, лаконичнее в написании и проще в произношении, чем немецкие (ср., англ. *cool* – нем. *ausgezeichnet* или англ. *Teamwork* – нем. *Gruppenzusammenarbeit*), поэтому в немецкой газете, журнале или печатной рекламе зачастую можно увидеть использование заимствованного слова, а не исконно немецкого. Следующая причина связана с отсутствием немецких эквивалентов каким-то специальным понятиям или названиям (напр., *die Jeans*). Модные тенденции и языковой снобизм заставляют использовать молодых людей в своей разговорной речи англицизмы (англ. *chill* – нем. *chillen*). Чтобы употребить синоним, используют англицизм, например, *das Ticket* вместо *die Fahrkarte*.

Популяризация английского языка имеет сильное геополитическое значение на сегодняшний день, поэтому с помощью англицизмов можно вызвать определенные ассоциации в голове у читателей, что является плюсом для привлечения внимания аудитории. Использование англицизмов – маркетинговый ход. Маркетологи стараются следовать модным тенденциям, которые происходят в мире, а число заимствованных слов в речи немецкоговорящих носителей растет с каждым годом.

Также хотелось бы отметить активную многолетнюю тенденцию популяризации англо-американских заимствований в современных СМИ и рекламе, так как благодаря процессу глобализации заметно расширился информационный поток, разрушающий старые лексические связи взамен на новые. Процесс освоения англо-американских заимствований происходит настолько стремительно, что сейчас многие немецкоговорящие люди не задумываются об активном использовании в своей устной и письменной речи заимствованной лексики, так как она воспринимается исконно немецкой [4, с. 98]. Например, глагол «*zappen*» с немецкого переводится как «переключать (каналы)», а в его основе лежит английское междометие «*zap*», которое имеет семантику быстроты действия [3, с. 17]. Важной частью текста рекламы являются слоганы, где гибридная заимствованная лексика тоже нашла свое распространение. «*Bleib cool. Trink Nestea*»: так в Германии звучит рекламный слоган фирмы «Nestea». Смешение английского и немецкого языков, которое лингвистами называется таким термином, как *Denglisch*, является характерным явлением в языке публицистического стиля («*Live mit dir*») [5, с. 34]. Существует даже интернет-ресурс, который ведет учет немецких слоганов и определяет их рейтинг [Slogans.de URL: <https://www.slogans.de/>]. Некоторые из них полностью на английском языке («*Find your soulbike*»).

Конечно, причины активного внедрения англо-американских заимствований в немецкие

СМИ связаны с их функциями, к которым относятся, по мнению Л. М. Шатиловой, эффект новизны, выражение вариации, передача колорита, экономия языковых средств, прагматическая и коммуникативная ценность, привлечение внимания адресата [\[6, с. 175\]](#). В большинстве случаев практически невозможно однозначно определить функции, которые выполняют англицизмы в публицистических текстах. В таких ситуациях принято говорить об определенном доминирующем мотиве употребления заимствованной лексики [\[7, с. 51\]](#).

Дискуссия

Изучением заимствований и специфики их функционирования в медийном дискурсе занимаются как отечественные, так и зарубежные лингвисты: М. В. Абакумова, Т. И. Волкова, Ю. Н. Денисова, С. А. Жилюк, Н. А. Карпова, Е. В. Корнева, Н. А. Крашенникова, Н. Х. Михалк, О. Н. Морозова, Л. А. Нефедова, Н. И. Нос, М. С. Омельченко, К. А. Пугина, Е. В. Розен, А. А. Хромых, А. Ю. Шилинцев, Т. И. Щелок, Н. S. Bhaskar, H. De Smet, H. Hilmisdottir, M. Huhtamaki, S. Karlsson, S. Knospe, R. Muhr, B. Kettemann, F. Rodriguez Gonzalez, S. J. Schaefer, M. Schroeter, M. Shaw, J. Treffers-Daller и др.

Их работы послужили теоретической основой данного исследования, так как в них рассматриваются аспекты лексикологии немецкого языка, отражающие не только возможности расширения его лексического состава [\[8, 9\]](#), но и вопросы их разных видов их ассимиляции [\[10\]](#), динамические процессы в лексике [\[11\]](#), изменения на словообразовательном уровне [\[12, 13\]](#), прагматический потенциал функционирования заимствований [\[14, 15\]](#), в том числе в медиа-текстах [\[16\]](#), закономерности и тенденции в процессах заимствования разных видов иноязычных слов не только в немецкий язык, но и в другие группы языков [\[17, 3, 18, 19\]](#), а также особенности функционирования такого языкового явления, как «Denglisch» [\[20, 21, 5,\]](#).

Согласно цифровому словарю немецкого языка DWDS англицизм — это лингвистическое выражение, заимствованное из английского языка в другой язык (слово, основа, словообразовательный элемент), происхождение которого все еще можно идентифицировать по определенным лингвистическим характеристикам (например, произношению, сочетанию звуков и букв, написанию) [Digitales Wörterbuch URL: <https://www.dwds.de/>]. Ссылаясь на электронный словарь DUDEN, вокабуляр немецкого языка составляет от 300 000 до 500 000 слов. В то время, как число заимствованных слов превышает 100 000. Из 12 000–16 000 слов, которые в среднем использует носитель языка, 3500 слов – иностранные [Duden Wörterbuch URL: <https://www.duden.de/>]. Данная статистика указывает на активное использование носителями языка заимствованных слов в своей повседневной речи.

Нет сферы в повседневной жизни, где бы не использовались англицизмы: СМИ, реклама, киноиндустрия, мода, техника, наука, политика, спорт, молодежный сленг и др. Чем же это обусловлено? Как уже было сказано ранее, это связано со многими причинами: различными историческими и геополитическими событиями, стремительным процессом глобализации, расширением торгово-экономических отношений, изменениями во всех сферах жизни общества, культурным влиянием других народов, заинтересованностью в изучении иностранного языка и др.

Англицизмы в немецком языке в свою очередь начали распространяться со второй половины 20 столетия в связи с доминированием экономического и технологического

развития Великобритании и США над Германией и другими странами [\[4, С. 9\]](#). Стоит также отметить, что процесс появления заимствований в любом языке является закономерным. Лексический состав с давних времен постоянно находится под влиянием языковых контактов с другими культурами. Например, господство в течение долгого времени латинского языка можно увидеть в таких лексемах, как лат. *saccus* – нем. *Sack*; лат. *fenestra* – нем. *Fenster*. Такое же международное значение сейчас имеет английский язык. Языки не отделены друг от друга, а из-за постоянной межкультурной коммуникации, вызванной процессами глобализации и урбанизации, они обогащаются, поэтому словарный запас любого языка состоит не только из исконных слов, но еще и из заимствованных и иноязычных.

Согласно классификации заимствований принято выделять следующие группы англицизмов [\[21, с. 98\]](#): прямые заимствования (*das Interview, der Teenager*); терминологические синонимы (*marketing – die Massnahmen eines Unternehmens*); смешанные образования (*Powerfrau – die Geschäftsfrau; der Backshop*); глаголы, трансформированные согласно немецкой грамматике (*surfen*); псевдоанглицизмы (*das Handy, der Dressman*).

Попадая в другую языковую систему заимствования ассимилируются, т. е. приспособляются к системе языка-реципиента в фонетическом, грамматическом, семантическом и графическом отношении. Так, по мнению Т.И. Волковой, существуют такие тенденции орфоэпической и графической стороны ассимиляции, как сокращение фонетического облика иноязычных единиц, сохранение их звукового облика, изменение орфографического изображения слова [\[17, с. 77\]](#).

В этой связи также следует упомянуть о трех типах освоения англо-американских заимствований, среди которых различают [\[5, с. 36\]](#): 1) неосвоенные англицизмы с нулевой ассимиляцией (они сохраняются в том виде, в котором функционируют в родном) – *das Baby*; 2) частично освоенные англицизмы с фонетико-грамматической ассимиляцией (они наделяются некоторыми грамматическими категориями, например, флексией у глаголов) – *googeln*; 3) освоенные англицизмы с полной или лексико-семантической ассимиляцией (они включаются в словообразовательные процессы) – *mitsurfen*.

К показательному выводу пришел в своем исследовании Т. И. Щелок в результате анализа заимствованной лексики на материале немецкоязычных журналов. Большинство заимствований приходится на класс существительных – 84,9%. Значительно меньше англицизмов составляют классы прилагательных и глаголов – 7% и 5,93%. Далее идут наречия, предлоги и частицы – 1,53%, 0,54% и 0,28% соответственно [\[2, с. 218\]](#).

Некоторые заимствования успешно ассимилируются в другой язык, а другие, наоборот, недостаточно освоенные. Тогда речь идет об «иноязычных вкраплениях». Впервые понятие «иноязычных вкраплений» в широком смысле было введено А. А. Леонтьевым. Далее этот термин развивали в своих трудах такие исследователи, как С. И. Влахов, Л. П. Крысин, С. И. Манина, С. П. Флорин и др.

Вследствие терминологической вариативности заимствованные слова также определяют, как макаронизмы. Под макаронизмами изначально понимаются, с одной стороны, слова или выражения народной речи (французской, итальянской), проникшие в письменный литературный латинский язык, а с другой стороны, иноязычные слова или выражения, используемые в речи в том виде, в каком они существуют в языке-источнике (с

сохранением их грамматических и произносительных особенностей) [Большой толковый словарь URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>].

Такое явление как «макаронизм» зародилось еще в античные времена и использовалось для создания комического эффекта, например, в литературе. Сейчас тоже считается, что это одна из основных функций данного понятия. Но выделяют также и другие [22, с. 21]: номинативную, эстетическую, агрессивную демонстрацию языковой компетентности. Также различают «внутренние» макаронизмы — сложные слова-гибриды, образованные из корней разных языков (автомобиль из греч. *αὐτο* — лат. *mobilis*). Но макаронизм в общем плане относится именно к смешению языков, т.е. их гибридизации.

Когда говорят о смешении языков, часто имеют в виду такое языковое явление, как «Denglisch» (Deutsch + Englisch). Denglisch – смесь немецкого и английского, когда в немецкой речи присутствует большое количество англицизмов. Отдельные ученые называют его даже новым языком [20, с. 189; 21, с. 98; 5, с. 35].

В данный момент такое языковое явление стало обыденным для немецкоговорящего населения. Но не все носители языка и лингвисты положительно относятся к его появлению, так как теряется национальная идентичность из-за большого количества англицизмов в речи, которые влияют на язык на всех его уровнях. Для борьбы с внедрением заимствованных слов в немецкий язык была даже создана ассоциация «Verein Deutsche Sprache» или VDS в 1997 году, которая активно отстаивает его самобытность и выступает против Denglisch'a. Эта ассоциация насчитывает 36000 членов и является крупнейшей в мире языковой и культурной ассоциацией с центральным офисом в г. Дортмунде.

Заимствованное слово, попадая в язык, проходит через процесс лингвокультурной адаптации, так как претерпевает изменения на всех языковых уровнях: фонетическом, морфемном, морфологическом, семантическом. Использование англицизмов в речи вызывает множество вопросов среди лингвистов именно с точки зрения грамматического аспекта. Как правильно нужно спрягать заимствованный глагол? Как склонять существительное? В каком роде употреблять англицизм? Последний вопрос стоит особенно остро, так как некоторые иностранные слова при разном артикле имеют несхожие значения. Его исследованием занимались такие лингвисты, как Г. Арон, Н. Зиндлер, Б. Карстенсен, М. С. Омельченко и др., которые различают три категории англицизмов в соответствии с их грамматическим родом [13, с. 113]:

- англицизмы, которые могут иметь все три рода (*der/das/die Dress*);
- англицизмы, которые могут иметь только два рода (*der/das Lanch*);
- англицизмы, которые могут иметь только один род (*der Job*).

Также в своем исследовании К. А. Пугина выявила типы аналогии, согласно которым присваивают грамматический род существительному [1, с. 234]:

- по роду его лексического соответствия (рус. *менеджер* – м.р./ нем. *der Manager*, ж.р./ нем. *die Managerin*);
- в соответствии с определенными суффиксами (для суффиксов *-ness*, *-ty*, *-ion* характерен женский род – *die Fitness*; англицизмы с суффиксом *-er* относятся к мужскому роду – *der Designer*; суффиксы *-ing* и *-ment* соответствуют среднему роду – *das Streaming*).

Также часто возникают вопросы, которые касаются правописания слов, потому что правила в английском и немецком языках отличаются. Помимо этого, не до конца понятно, как произносить некоторые звуки, которых нет в немецком языке, например, звучит как глухой dsch [23, с. 43]. Многие англицизмы звучат по правилам английской фонетики, из-за чего некоторые исследователи явно обеспокоены, ведь язык становится менее самобытным во всех аспектах. Но тем не менее носители языка все равно стараются приспособить звучание англицизмов к немецким нормам произношения. Например, *Poster-* произносится с долгим или коротким «о» наряду с английским [pouster] [там же, с. 40]. При получении инфинитивного окончания *-(e)n* или прибавлении немецкой приставки глаголы-англицизмы подвергаются грамматической ассимиляции: *gelockdownnt*.

Следующая трудность освоения англицизмов связана с тем, что слово, которое звучит и пишется одинаково в немецком и в английском языках может иметь совершенно разное значение (ср. англ. *handy* – ловкий; нем. *das Handy* – мобильный/сотовый телефон). Это может сбить не носителей, а изучающих язык с толку. Например: «*Handy-Tarifvergleich.de hilft Ihnen bei der Suche nach den günstigsten und individuell besten Handytarifen aller Mobilfunkanbieter in Deutschland!*».

Англицизм может развивать в немецком языке значение, которое отсутствует в исконном (английском) языке. Данный процесс можно проследить на примере английского слова *slip* в значении «плавки», которое при переходе в немецкий язык приобретает значение «трусы» (как предмет нижнего белья).

Результаты

Таким образом, в рамках данного исследования были проанализированы тексты статей, опубликованные в немецкоязычном журнале и интернет-портале «Der Spiegel» в период 2022-2023 гг. Из них методом сплошной выборки были выделены примеры употребления макаронизмов англо-американского происхождения для выявления особенностей их контекстуального функционирования в словообразовательном, грамматико-морфологическом и тематико-понятийном аспектах.

Журнал «Шпигель» (Der Spiegel) не случайно стал материалом нашего исследования, так как это один из самых популярных периодических журналов Германии, имеющий информационно-политическую направленность. Продажи насчитывают около 1,1 млн. экземпляров еженедельно. Издательство освещает главные новости в сфере политики, бизнеса, спорта, культуры, науки, технологий и прочих сфер общественной жизни.

Что касается словообразовательных моделей образования заимствований из картотеки исследования, то были выделены пять групп по способу их образования: прямые заимствования – 50% картотеки исследования, смешанные – 22%, трансформированные – 14%, терминологические – 10% и псевдоанглицизмы – 4%.

Так, группа прямых заимствований характеризуется тем, что само слово сохраняет вид, в котором оно существует в родном языке. При этом оно может приобрести категорию немецкой грамматики или особенность фонетического строя этого языка, как например: *das Team; der Star; der Coach; das Camp; der Job; das Laptop; der Small Talk; das Single; negativ; positiv* и др.

Чаще всего прямым заимствованиям трудно подобрать эквивалент, так как они намного сложнее и длиннее английского слова, поэтому в обиходе проще использовать англицизм.

Смешанные заимствования — слова, которые образуют сложные соединения. Например, где одна часть слова происходит от английского, а другая от немецкого: *der Baubot; der Chatteilnehmer; die Ex-Frau; die Chatnachricht* и др.

Трансформированные заимствования — это заимствованные слова (чаще глаголы), которые приобретают окончание немецких глаголов, то есть *-en/-n*, как например: *interviewen; packen; surfen; checken; googeln*.

К терминологическим заимствованиям относятся разные общие понятия и термины, как например: *der Bitcoin; die Hardware; die Software* и др.

Самая маленькая группа – псевдоанглицизмы – слова, которые по значению не совпадают в английском и немецком языках, как например: «*handy*» в значении «удобный; тот, который под рукой» и немецкого слова «*das Handy*» («мобильный телефон»).

Как показал статистический анализ картотеки исследования, наибольшее распространение получили англицизмы, которые полностью используются в их изначальном виде в языке-реципиенте, так как они прочно вошли в разговорную речь носителей и для них трудно придумать/подобрать немецкое соответствие. Наоборот, меньше всего используются в речи англо-американские заимствования, которые поменяли свое семантическое значение.

Заимствованные слова, попадая в другой язык, чаще всего подвергаются ассимиляции, которая связана с грамматическими и орфографическими правилами немецкого языка, поэтому чаще других встречаются англицизмы именно с грамматико-фонетической ассимиляцией. Особенно это касается существительных или глаголов, потому что они наделяются определенными соответствиями из немецкого языка. К примеру, заимствованные существительные приобретают род, пишутся с большой буквы и склоняются: *der Beat; der Track*. Есть интересные примеры в картотеке исследования, когда английская буква *-с-* заменяется на *-k-*, а *-ss-* на *-ß-*. В одной из статей журнала было встречено слово с немецким вариантом его написания – *der Klub*. Хотя сейчас повсеместно встречается и его другой вариант, через начальную букву *-с-* (*der Club*). Также английское слово *business*, в издании оно пишется в соответствии с правилами с большой буквы и двойные буквы *-ss-* заменены на *-ß*: *das Busineß*. Также следует упомянуть и о случаях частичной ассимиляции, когда слова уподобились немецкой орфографии не полностью и слово пишется через дефис: *die Ex-Frau*. Что касается заимствованных глаголов, то они приобретают флексии, три основные формы глагола и изменяются по правилам спряжения немецкого языка, как например глагол *chatten*: *chatten – chattete – hat geschattet; ich chatte; du chattest; er chattet; wir chatten; ihr chattet; sie chatten*.

Полная ассимиляция встречается не так часто, как предыдущие два типа. В выборке из журнала «Der Spiegel» за 2022-2023 гг. такие примеры отсутствуют. Но в данном случае имеются в виду такие слова, которые никак не видоизменяются и не подвергаются правилам другого языка. Часто такой пример можно увидеть в рекламе или слоганах: *Just do it*.

Немецкие ученые-лингвисты Р. Мур и Б. Кеттеманн провели исследование в том числе на материале немецких журналов и газет. Они выделили сферы, где наблюдалось наибольшее распространение англо-американских заимствований. К ним относятся экономика, политика, спорт, техника, мода, туризм [\[4\]](#). При проведении нашего

исследования все заимствования картотеки были систематизированы по пяти тематическим группам: культура (35%), спорт (23%), экономика (15%), общественная жизнь (14%), наука (13%). Критерии группирования связаны с разделами журнала, в чьих статьях данные заимствования употреблялись.

К тематической группе «Культура» относятся такие сферы, как музыка, искусство, социальная жизнь, поэтому англицизмов в этой группе больше всего: *der Rapper; der Beat; der Social-Media-Manager, der Beauty-Wahn, das Open Air Konzert, hot-rot, beatgelb*. Тематическая группа «Спорт» представлена понятиями, которые всемирно известны и активно используются в повседневной речи: *das Team; der Fan; das Match; der Klub*. Общественная сфера связана с условиями процесса глобализации. Возникают новые понятия для явлений, которые сейчас появляются в связи расширением информационных потоков из глобальной сети Интернет: *der IT-Berater, der Chat; der Talkshow-Star; posten*. В тематических группах «Экономика» и «Наука» встречаются заимствованные термины: *der Knochenjob, das Traumteam, der Handliner; der Start-up; der Baubot; digital; die Software*. Так, процесс появления англицизмов в другом языке сейчас затрагивает разные сферы жизнедеятельности человека, но что касается публицистических текстов, то они наиболее активно используются в журнальных статьях о культуре и спорте.

Заключение

Таким образом, использование заимствований в речи имеет как положительные стороны, так и отрицательные. С одной стороны, они заметно увеличивают словарный запас и обогащают лексику, но с другой стороны язык теряет свою национально-культурную идентичность, перестает быть уникальным. Из-за постоянных межкультурных контактов англицизмы оказывают огромное влияние на все сферы жизни немецкоговорящих носителей, быстро распространяются, но особенно активно используются в СМИ и рекламе, потому что именно публицистические тексты характеризуются внедрением новой лексики. На основании проведенного исследования можно утверждать, что процесс заимствования лексики в другой язык сопровождается разными способами ассимиляции, а именно уподоблением словообразовательным моделям и грамматическим правилам новой языковой системы: существительные получают категорию рода, зачастую сохраняют английскую форму множественного числа и пишутся с прописной буквы; глаголы приобретают окончания и имеют возможность спрягаться, а прилагательные склоняются в соответствии с тремя типами склонения или остаются неизменяемыми. Заимствованная из английского языка лексика имеет свое широкое распространение в разных сферах жизнедеятельности: от спортивной до экономической. В дальнейшем представляется перспективным изучение функционирования макаронизмов в немецком и других иностранных языках в сравнительно-сопоставительных аспектах на разных языковых уровнях.

Библиография

1. Пугина К. А. Особенности ассимиляции англицизмов в немецком и русском языках (на материале журнальных статей) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых ученых (15–17 апреля 2021 г.). Томск, 2021. №. 22. С. 232–235.
2. Щелок Т. И. Англицизмы в немецкоязычных молодежных журналах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2. С. 218–222.
3. Нос Н. И. Использование англицизмов и итальянизмов в языке немецкой рекламы //

- Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2017. № 8. С. 17–21.
4. Muhr R., Kettemann B. (2002) *Der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende*. Peter Lang Verlag. Wien u.a. 2002. 236 S.
5. Шилинцев А. Ю., Абакумова М. В. *Denglish как результат англо-американизации немецкого языка: переводческий аспект (на материале переводов англоязычных текстов)* / А. Ю. Шилинцев, М. В. Абакумова // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2021. № 1. С. 33–45.
6. Шатилова Л. М. Стилистические функции англицизмов в немецкой и русской прессе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 6(72). С. 175–179.
7. Михалк Н. Х. *Англицизмы в языке немецких пресс-текстов (на материале корпуса журнала Spiegel): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04* / Н.Х. Михалк. Уфа, 2015. 223 с.
8. Карпова Н. А. Сегменты псевдозаимствований в современном немецком литературном языке: историко-социолингвистический и системно-функциональный аспекты // *Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования»*. 2020. № 2. С. 18–34.
9. Нефедова Л. А. Активные процессы в лексике немецкого языка 2020-2021 гг. // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2021, № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://if-mstuca.ru/CE/index.php/100000/linguistics/s12252> (дата обращения 21.09.2023)
10. De Smet H., Shaw M. Missing link: code-switches, borrowings, and accommodation biases (2024) *LINGUISTICS VANGUARD*, 25. doi: 10. 1515/lingvan-2023-0088
11. Bhaskar Harish S. (2023) Conway, in pari delicto, and the adverse interest exception: borrowing from the English. *COLUMBIA LAW REVIEW*, 123 (2), pp. 435-474.
12. Жилюк С. А. *Использование заимствований в системе немецкого словообразования: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04* / С. А. Жилюк. Санкт-Петербург, 2015. 231 с.
13. Омельченко М. С. Грамматические аспекты ассимиляции англо-американских субстантивных заимствований в немецком языке // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 3 (12). С. 112–116.
14. Schroeter M. The wanderlust of German words and their pragmatic adaptation in English (2021). *JOURNAL OF PRAGMATICS*, 182, pp. 63-75. doi: 10.1016/j.pragma.2021.06.005
15. Hilmsdottir H., Huhtamäki M., Karlsson S. Pragmatic borrowing from English (2023). *NORDIC JOURNAL OF LINGUISTICS*, 46 (3), pp. 1-2. doi: 10. 1017/S0332586523000185
16. Schaefer Sarah J. Anglicisms in German media: Exploring catachrestic and non-catachrestic innovations in radio station imaging (2019). *LINGUA*, 221, pp. 72-88. doi: 10.1016/j.lingua.2019.01.002.
17. Волкова Т. И. Тенденции в процессе ассимиляции иноязычной лексики в современном немецком языке // *Ученые записки забайкальского государственного университета*. 2014. №2(55). С. 75–83.
18. Rodriguez Gonzalez F., Knospe S. The variation of calques in European languages, with particular reference to Spanish and German: Main patterns and trends (2019). *FOLIA LINGUISTICA*, 53 (1), pp. 233-276. doi: 10. 1515/flin-2019-2009
19. Treffers-Daller J. The Simple View of borrowing and code-switching (2023). *International journal of bilingualism*, 9. doi: 10.1177/13670069231168535
20. Крашенникова Н. А. Использование систем машинного перевода при работе с языком Denglish // *Симбирский государственный вестник*. 2010. № 2(2). С. 189–194.
21. Серегина М. А. Denglisch: английские заимствования в немецком языке / М. А. Серегина, И. С. Чахоян // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. № (4-2)35. С. 98–99.
22. Хромых А. А. Макаронизмы как разновидность иноязычных вкраплений // *Вестник магистратуры*. 2016. № 9(60). С. 19–21.

23. Морозова О. Н. Английские заимствования в современном немецком языке: лингводидактический аспект // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2008. №12. С. 39–46.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Особенности функционирования макаронизмов в свете языковой интеграции (на материале немецких публицистических текстов)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду того, что представляется важным рассмотреть характерные особенности функционирования гибридных англицизмов в немецких печатных СМИ в словообразовательном, грамматико-морфологическом и тематико-понятийном аспектах. Актуальность проведенного исследования обусловлена необходимостью исследования процессов ассимиляций в англицизмах, в результате которых появляются такие языковые объекты, как макаронизмы, гибридные заимствования, активно используемые представителями немецкого лингвокультурного сообщества в устной и письменной речи, в разговорных ситуациях и профессиональной деятельности.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В качестве основных методов исследования использовались контекстуальный анализ, описательный метод и метод классификации при типологизации иноязычных заимствований. Метод структурно-семантического анализа служил для исследования лексических единиц в выпусках журнала. Методика компонентного анализа применена в работе для исследования отдельных морфем единиц картотеки, а метод количественного анализа – для установления соотношения в пределах заимствованного материала.

Материалом исследования послужили тексты статей, опубликованные в немецкоязычном журнале и интернет-портале «Der Spiegel» в период 2022-2023 гг. Из них методом сплошной выборки были выявлены англицизмы как фактический материал, которые и составили картотеку исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В статье представлены результаты исследования в форме диаграмм с количественными показателями, что визуально облегчает восприятие данных читателем. Отметим, что выводы, представленные в заключении статьи, не в полной мере отображают проведенное исследование. Выводы требуют усиления. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Автор не указывает объем языковой выборки и его принципы. Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых представлены научные труды как на русском, так и иностранном языках. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное

впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, практике немецкого языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Особенности функционирования макаронизмов в свете языковой интеграции (на материале немецких публицистических текстов)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Цзя Ц. Сравнение слов со значением «вкус» в эмоциональной образе-схеме в русском, китайском и английском языках // Филология: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70719 EDN: BZGTCL
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70719

Сравнение слов со значением «вкус» в эмоциональной образе-схеме в русском, китайском и английском языках

Цзя Цзюньвэнь

аспирант, институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ verajourney01@163.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.5.70719

EDN:

BZGTCL

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2024

Аннотация: В русском, китайском и английском языках существует разнообразная лексика, связанная с вкусовыми ощущениями, которая часто обладает глубоким переносным значением. Предметом данного исследования является именно такая вкусовая лексика в упомянутых языках. Объектом исследования выступают когнитивные метафоры ключевых вкусовых слов, которые применяются в создании эмоциональных образов-схем. Цель исследования – изучить и сопоставить сходства и различия в использовании когнитивных метафор для важнейших вкусовых слов в эмоциональных образах-схемах, характерных для русского, китайского и английского языков. Основная задача исследования состоит в анализе способов метафорического представления вкусовой лексики в данных эмоциональных образах-схемах и выявлении уникальных особенностей каждого из языков в контексте данной тематики. Методами исследования являются сравнительный анализ и корпусный метод, который позволяет анализировать использование языка в больших текстовых коллекциях. Новизна данного исследования заключается в разработке методологии для анализа эмоциональных образов-схем, связанных с вкусовыми словами. Исследование показывает, что в русском, китайском и

английском языках существует высокая степень сходства в когнитивных схемах для вкусовых слов «кислый» и «сладкий», которые чаще всего имеют похожую эмоциональную образ-схему и находятся на противоположных концах образа-схемы «ЛИНИЯ». Однако в отношении слов «горький» и «острый» наблюдаются различия: в английском языке оба слова обычно имеют негативное значение, в русском «горький» в основном негативно окрашен, а «острый» может быть как негативным, так и позитивным. В китайском языке оба слова «горький» и «острый» могут иметь как позитивное, так и негативное значение. Метафорическое отображение вкусовых слов в эмоциональной образе-схеме помогает делать метафорический перенос абстрактных вкусовых слов более конкретным и визуальным, что позволяет лучше понять различия и сходства в переводе вкусовых ощущений в разных языках.

Ключевые слова:

переносное значение, образ-схема, эмоция, вкус, русский язык, китайский язык, английский язык, линия, метафора, образность

1. Введение

Лексика, связанная с вкусом, содержит богатые культурные особенности и является важным предметом исследований в области культурной лингвистики. В каждом языке слова, обозначающие вкус, несут в себе не только прямое значение, связанное с восприятием вкуса, но и множество переносных значений, которые выходят за рамки их первичной сенсорной функции. Вкусовая лексика в языке отражает не только непосредственные ощущения, но и сложные культурно-концептуальные ассоциации, которые различаются в разных языках.

Культурные различия в лексике, связанной с пищей, требуют анализа на когнитивном уровне. Язык, как средство коммуникации, играет ключевую роль в этом процессе, особенно через такие аспекты, как лексика, отражающая восприятие и когнитивные процессы человека. Метафорическое мышление ^[1] является одной из фундаментальных черт человеческого разума и играет важную роль в процессе познания мира. Оно позволяет осмысливать абстрактные понятия путём их проекции на более конкретные, знакомые образы, что делает их понятными и доступными для восприятия. В лингвистике это проявляется через использование метафор в языке, которые не только отражают культурные особенности восприятия, но и формируют способ мышления народа.

Одним из ключевых элементов метафорического мышления является образность ^[5], которая включает в себя визуализацию и восприятие пространственных отношений и объектов ^[4]. Этот процесс тесно связан с концепцией «образ-схема» ^[3] – базовых когнитивных структур, которые организуют наше восприятие, понимание и физическое взаимодействие с окружающим миром. Образы-схемы формируются на основе повседневного опыта взаимодействия с физическим миром и служат основой для более сложных когнитивных операций, таких как рассуждение и языковое кодирование.

Одной из основных схем в этой теории является схема «КОНТЕЙНЕР» (CONTAINER) ^[3], которая представляет собой концепцию включения одного объекта в другой и помогает структурировать понятия о пространственных границах и внутренних/внешних отношениях. Эта схема часто используется в языке для описания абстрактных отношений

и явлений, что позволяет нам «уместить» сложные идеи в понятные рамки [\[3\]](#).

Другой пример образ-схема – это «ЛИНИЯ» (LINE), которая представляет одномерные отношения и часто применяется для понимания последовательностей или степени. В отличие от двух- и трёхмерных схем, образ-схема «ЛИНИЯ» позволяет нам упорядочивать элементы, формируя линейное представление о мире.

В контексте вкусовых слов проявление образ-схемы «ЛИНИЯ» позволяет визуализировать абстрактные отношения и эмоции в структурированной, пространственно ориентированной форме. Например, различные слова, обозначающие вкус, могут быть расположены вдоль ЛИНИИ в зависимости от характера вызываемых ими ощущений. Это распределение связано с тем, что вкусовая лексика часто используется для описания более сложных и абстрактных понятий с помощью механизмов метафорического мышления, которые являются одними из основных инструментов человеческого когнитивного аппарата.

Исследовательские вопросы:

- 1) Как отображаются переносные значения слов со значением «вкус» в эмоционально-когнитивной схеме «ЛИНИЯ»?
- 2) Каковы сходства и различия переносных значений слов со значением «вкус» в русском, китайском и английском языках?

Задачи исследования:

- 1) Определение связи между когнитивной образ-схемой «ЛИНИЕЙ» и степенью эмоциональной окраски;
- 2) Анализ связи между переносным значением слов и местоположением в эмоционально-когнитивной схеме «ЛИНИИ»;
- 3) Уточнение сходств и различий вкусовых слов в эмоционально-когнитивной схеме «ЛИНИИ».

Значимость исследования:

Исследование имеет важное значение для развития культурной и когнитивной лингвистики и может быть использовано в учебниках и на семинарах по этой дисциплине. Понимание связи между образностью слов, переносных значений и их эмоциональной окраской, а также способами их когнитивного отображения помогает в глубоком изучении механизмов языкового восприятия и анализа полисемичных слов.

2. Методы

Для достижения поставленных задач данного исследования применяются следующие методологические подходы:

1) Сбор данных

Основным методом сбора данных является использование различных лингвистических корпусов и словарей для трех языков: русского, китайского и английского. Это позволяет обеспечить всесторонний и многоуровневый анализ лексики, связанной с вкусовыми ощущениями.

Русский язык: словарные данные из Большого Китайско-русского Словаря (БКРС),

доступны онлайн на сайте [kartaslov.ru] (<https://kartaslov.ru/>) и корпусные данные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), доступ на сайте [ruscorpora.ru] (<https://ruscorpora.ru/>).

Китайский язык: словарные данные из онлайн-словаря Han Ci, доступны на сайте [hydc.com] (<http://www.hydc.com/>) и корпусные данные из BLCU Corpus Center (BCC), доступ на сайте [bcc.blcu.edu.cn] (<http://bcc.blcu.edu.cn/>).

Английский язык: словарные данные из Collins Online Dictionary, доступные на сайте [collinsdictionary.com] (<https://www.collinsdictionary.com/us/>), данные из электронного словаря Youdao и корпусные данные из Corpus of Contemporary American English (COCA), доступ на сайте [english-corpora.org/coca] (<https://www.english-corpora.org/coca/>).

2) Анализ данных

Используется компаративный метод для анализа собранных данных по каждому из языков. Особое внимание уделяется тому, как вкусовые слова используются для выражения эмоций и как они отображаются в рамках эмоциональной образа-схемы «ЛИНИИ». Это включает в себя изучение переносных значений слов и их эмоциональной окраски в различных языковых контекстах.

3) Сравнительный анализ

Результаты анализа каждого языка затем сравниваются для выявления сходств и различий в использовании вкусовой лексики и её эмоциональной полярности.

3. Результаты и Обсуждение

Данное исследование позволяет глубоко исследовать как когнитивные, так и культурные аспекты использования вкусовой лексики в разных языковых системах и обеспечивает научно обоснованное понимание механизмов метафорического мышления.

3.1 Выражения со словами, обозначающими «вкус»

После сбора и анализа языковых корпусов выделяются следующие часто используемые выражения с вкусовыми словами:

1) кислый/sour/acid/酸:

1a: a situation turns **sour**; **sour** mood; a **sour** face; sb. said **sourly**.

1б: **кислая** жизнь; **кислый** толстяк; **кислый** смех; **кислое** лицо; **кислый** взгляд; **кислое** настроение; **кислые** слова

1в: 寒酸落魄的生活; 衣着寒酸; 穷酸的人; 酸楚; 心酸; 酸溜溜的话

2) сладкий/sweet/甜:

2a: **sweet** spot; a **sweet** man; **sweet** tooth; **sweet** smile

2б: **сладкая** жизнь; **сладкий** ребёнок; **сладкая** улыбка;

2в: 甜蜜的生活; 甜美的生活; 甜妹子; 心里甜滋滋的

3) горький/bitter/苦:

3a: a **bitter** pill (for sb) (to swallow); to/until the **bitter** end; **bitter** enemies; **bitter** tears

3б: **горький** опыт; **горькая** доля; **горькая** судьба; **горькие** сирота; **горькое** ощущение; **горький** смех

3в: 苦涩的生活; 艰苦奋斗的生活; 吃苦耐劳的人; 愁眉苦脸的人; 苦行僧; 愁眉苦脸; 苦恼; 痛苦; 吐苦水

4) острый/spicy/辣:

4а: **spicy** gossip;

4б: **острый** момент; **острое** положение; **острый** умом человек; **острый** ум; **острый** язык; острая шутка

4в: 心狠手辣的人; 毒辣的人; 心里热辣辣地; 辛辣的讽刺; 毒辣的话; 身材火辣的人;

3.2 Сравнительный анализ слов в эмоциональной образе-схеме

В данном исследовании мы анализируем четыре слова, обозначающие вкус (кислый, сладкий, горький, острый), в трех языках (английском, русском и китайском), чтобы исследовать их эмоциональную полярность и переносные значения в различных культурах. На основе представленных данных мы проецируем вкусовые слова в эмоционально-образную схему «ЛИНИЯ». Эмоциональная полярность этих слов в каждом языке отражается в образной схеме «ЛИНИЯ», что демонстрирует влияние культуры на восприятие и эмоции. В этой схеме чем правее расположено слово, тем более позитивное эмоциональное значение оно несет, и наоборот, чем левее — тем больше негативное. На основе полученных данных были созданы следующие схемы:

Рис.1. Степень позитивной эмоции слов, обозначающих «вкус», в русском языке

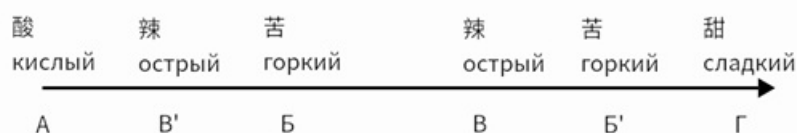

Рис.2. Степень позитивной эмоции слов, обозначающих «вкус», в китайском языке

Рис.3. Степень позитивной эмоции слов, обозначающих «вкус», в английском языке

Как показано на рисунках 1, 2 и 3, слово «кислый» (酸/sour) размещается на самом левом конце эмоционально-образной схемы «ЛИНИЯ», отражая негативную эмоциональную окраску. Это находит отражение в таких выражениях, как «**sour** mood» в английском языке, «кислая жизнь» в русском и «寒酸落魄的生活» в китайском. В противоположность этому, слово «сладкий» (甜/sweet) располагается на крайнем правом конце той же схемы, выражая позитивные эмоции, что иллюстрируется такими фразами, как «**sweet** smile» в английском, «сладкая жизнь» в русском и «甜蜜的生活» в китайском. Таким образом, в английском, русском и китайском языках вкусы «кислый» и

«сладкий» обычно ассоциируются соответственно с негативными и позитивными эмоциями. Это схожее значение указывает на то, что несмотря на культурные различия, эти базовые вкусы универсальны в экспрессии эмоций. Использование фраз «**сладкая** жизнь» и «**кислая** жизнь» в трех языках демонстрирует как положительную, так и отрицательную эмоциональную полярность. Человеческие ассоциации чувств и опыта, связанные с вкусовыми ощущениями, обладают как схожестью, так и разнообразием.

В отличие от слов «**сладкий**» и «**кислый**», слово «**горький**» (苦/*bitter*) занимает разные позиции в эмоционально-образной схеме «ЛИНИЯ» в китайском и других двух языках. Культурная специфика «горького» несет в себе национальные культурные особенности и опыт: в китайском языке оно часто ассоциируется с положительными качествами, в отличие от английского и русского языков, где «горький» обычно имеет негативное значение. Это различие отражает глубокое влияние конфуцианских и даосских учений в китайской культуре, в которой трудности и страдания рассматриваются как возможность для закаливания воли и характера. Выражения типа «терпеть трудности» (吃苦耐劳) и «героическая борьба» (艰苦奋斗) в китайском языке имеют явно положительный оттенок, тогда как в английском и русском языках фраза «**горький** опыт» часто ассоциируется с проблемами и горем. Ощущение «**горького**» как базового чувства у разных народов не имеет существенных различий, однако исторический опыт, пропагандирующий терпение к неприятным ощущениям, приводит к тому, что в китайском языке это слово ассоциируется иначе, чем в английском и русском.

Также наблюдается, что позиционирование слова «**острый**» в эмоционально-образной схеме «ЛИНИЯ» различается, отражая уникальное культурное влияние. В английском языке фразы, связанные с остротой, например, «*spicy gossip*» (острая сплетня), обычно несут в себе негативную окраску. В то же время в китайском и русском языках слово «**острый**» может быть окрашено в позитивные тона, как это видно в выражениях «身材火辣» (огненная фигура) на китайском и «**острый** ум» на русском. Тем не менее, в китайском языке «острый» традиционно может выражать и негативные коннотации, что контрастирует с умеренным китайским философским подходом к здоровому питанию. Однако под воздействием глобализации слова, которые традиционно имели отрицательное значение, начинают приобретать более позитивные интерпретации, что является проявлением влияния глобализации и культурной интеграции, а также процесса обогащения лексического значения слов.

Разнообразие переносных значений слов, связанных с вкусом, добавляет сложности их исследованию, и здесь когнитивные и визуальные методы могут стать ключом к пониманию. Используя образные схемы для анализа, мы исследуем разнообразие вкусовой лексики различных языков. Рассматривая эти слова в эмоционально-образной схеме, мы можем лучше осознать различия и сходства в одной и той же семантической области в разных языковых и культурных контекстах, что способствует глубокому пониманию межкультурных связей и облегчает коммуникацию между культурами.

Заключение

В ходе нашего исследования мы анализировали метафорическое значение и их различия и сходства в эмоциональной образной схеме в различных языках. Эмоциональная полярность таких слов может быть отображена в когнитивной схеме «ЛИНИИ», где каждое слово занимает определенную точку, отражающую степень его эмоциональной окраски. Это позволяет измерить не только основное значение слов, но и их переносное, метафорическое значение.

Сопоставление слов со значением «вкус» с их эмоциональной окраской показывает, как метафорическое использование вкусовых категорий может передавать эмоциональные нюансы в различных языках. В русском, китайском и английском языках существует значительное сходство в когнитивных схемах для слов «кислый» и «сладкий», которые часто ассоциируются с противоположными эмоциями и располагаются на разных концах когнитивной схемы «ЛИНИЯ». Однако в отношении слов «горький» и «острый» прослеживаются различия в эмоциональном восприятии. В английском языке оба эти слова чаще всего несут негативное значение. В русском языке слово «горький» в основном ассоциируется с негативными эмоциями, тогда как «острый» может восприниматься как в позитивном, так и в негативном ключе. В китайском языке как «горький», так и «острый» могут иметь как позитивное, так и негативное значение, отражая более широкий спектр эмоциональных ассоциаций.

Связь между местоположением вкусовых слов в эмоционально-образной схеме и их переносным значением помогает выявить, как различные культуры влияют переносное значение вкусовой лексики. Это открывает возможности для анализа культурных особенностей в интерпретации и использовании этих слов.

Однако исследование имеет свои ограничения. Для более полного понимания межкультурных различий необходимо расширить количество изучаемых языков и сравнить, как вкусовые слова размещаются в эмоционально-образных схемах в этих языках. Такое сравнение позволит более глубоко исследовать, как язык и культура взаимодействуют в процессе коммуникации.

Библиография

1. Лейкофф Г. Картографирование метафорических цепей мозга: метафорическое мышление в повседневном рассуждении // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2014. Том 8, № 958. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00958>
2. Лейкофф Г. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории раскрывают о разуме. Чикаго: Издательство Университета Чикаго, 1987.
3. Лейкофф Г., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Чикаго, Иллинойс; Лондон: Издательство Университета Чикаго, 2003.
4. Ландау Б., Джекендофф Р. "Что" и "где" в пространственном языке и пространственном мышлении // *Behavioral and Brain Sciences*. 1993. Том 16, № 2. С. 217–238.
5. Палмер Г.Б. К теории культурной лингвистики. Остин: Издательство Университета Техаса, 1999.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кашкарева А.П., Сафонова Н.Н. Этносемиотика цветообозначений в творчестве хантыйского поэта В. С. Волдина // Филология: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70665 EDN: BXNKDK
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70665

Этносемиотика цветообозначений в творчестве хантыйского поэта В. С. Волдина

Кашкарева Алена Петровна

ORCID: 0000-0002-5181-5539

кандидат филологических наук

доцент, кафедра филологического образования и журналистики; Сургутский государственный педагогический университет

628405, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ, г. Сургут, ул. 50 Лет Влксм, 10/2, ауд. 408

✉ alynochka_6@mail.ru

Сафонова Наталья Николаевна

ORCID: 0000-0001-7436-0285

кандидат филологических наук

доцент, кафедра филологического образования и журналистики, Бюджетное учреждение высшего образования ХМАО - Югры "Сургутский государственный педагогический университет"

628405, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ, г. Сургут, ул. Пролетарский Проспект, 3/1

✉ alynochka_6@mail.ru

[Статья из рубрики "Автор и поэзия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.5.70665

EDN:

BXNKDK

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2024

Аннотация: В статье описаны этносемиотические особенности использования цветообозначений в творчестве хантыйского поэта Владимира Семёновича Волдина. На материале произведений из сборника В. С. Волдина «Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках» (1998) доказывается зависимость выбранных художником

слова цветообозначений от констант национальной культуры, заключённых в образах Верхнего – Среднего – Нижнего миров и связанной с ними цветовой триады белого – красного – чёрного. В работе предпринята попытка осмыслить самобытность творчества Волдина – поэта Югры, в поэтических текстах которого символическая многозначность колоративов объясняется нормативно-ценностными ориентирами хантыйского народа вообще и мужчиной-ханты в частности; сугубо авторскими цветовыми ассоциациями; социально и культурно обусловленными факторами. В работе использованы историко-культурный, лингвокультурологический, сопоставительный, описательный методы, приёмы сплошной выборки, контекстуального анализа, сравнения, обобщения, классификации, систематизации материала, а также приём компонентного анализа цветообозначений. В.С. Волдин относится к художникам с удивительной судьбой и большим дарованием. Сама жизнь во всех своих проявлениях стала источником творческой активности и поэтического вдохновения автора. В лирическом пространстве Владимира Семёновича Волдина нашли отражение черты культуры и быта хантыйского народа, определён национальный колорит его жизни. Специальных исследований, которые были бы посвящены цветообозначениям в творчестве Владимира Волдина, на сегодняшний день не существует. Исключительно в отдельных научных материалах встречаются упоминания колоративов, функционирующих на страницах поэтического сборника автора. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые комплексно представлен этносемиотический анализ цветообозначений в поэзии В. С. Волдина. Проведённый анализ позволяет заключить, что лирический текст В. С. Волдина – маскулинный – иерархичен, с выраженным обыденным, монологическим сознанием, цветообозначения чаще обладают функциональной символикой. Цветообозначения у Волдина – это значимая часть мира, образа северной природы, образа мужчины-ханты, они составляют неотъемлемую часть концептосферы этноса.

Ключевые слова:

этносемиотика, цветообозначение, колоративная лексика, традиции народа ханты, Владимир Волдин, лирический текст, Югра, культурная самобытность, репрезентация цвета, цветовосприятие

Проблема региональной идентичности ХМАО – Югры, её поиск – современный тренд гуманитарных научных исследований (см. работы В. В. Гаврилова [\[7; 8\]](#), Т. А. Сироткиной [\[15; 16\]](#) и др.). Вслед за доктором филологических наук Д. В. Ларковичем считаем, что пространство региона – «место осуществления житнетворческого человеческого потенциала» [\[11, с. 44\]](#). Владимир Семёнович Волдин (1938–1971) – тот поэт хантыйской художественной словесности, творчество которого отражает с позиции этносемиотики определённый код картины мира народа ханты и представляет возможности для изучения и определения региональных особенностей художественных текстов.

Без философско-культурологического и этнологического осмысления многовековых этнических и религиозно-мифологических традиций освоения пространства, укоренённых в культуре народов Севера России, невозможно понимание этносемиотики текстов авторов хантыйской литературы. В этносемиотике – науке о знаках и знаковых системах различных этносов – в основе анализа лежит восприятие знака, прежде всего, как метафоры, аналогии и символа. Этносемиотика соприкасается с этнологией и геософией, базовыми элементами которых является связь духа, души и тела, что выражается в единстве религии, души и культуры в картине мира каждого народа.

Цвет неразрывно связан с национально-культурным контекстом. Языковая репрезентация цвета описана в научных трудах как зарубежных учёных [\[24; 25; 26; 27; 28 и др.\]](#), так и российских [\[1; 4; 6 и др.\]](#). Однако остаётся малоизученным лингвокультурологический аспект в цветообозначении и цветовосприятии.

Одним из первых описал некоторые способы цветообозначения у хантов этнограф В. М. Кулемзин. Достаточно подробно представлена символика цвета в исследовании В. И. Сподиной «Цвет и его место в геосимволике» [\[18\]](#). Цветовая классификация у хантов обозначена в исследованиях Н. М. Талигиной. Одна из её работ посвящена, в частности, традиционной цветовой триаде (белого – красного – чёрного) и цветовой символике в сфере священного у народа ханты [\[20\]](#). А. А. Шиянова провела структурно-семантический анализ цветообозначений в хантыйском языке и пришла к выводу: «Цветообозначения в хантыйском языке передают особую языковую картину мира, которая представляет собой совокупность знаний о мире, отражённых в семантике данного языка» [\[23, с. 752\]](#).

О символике, сакральности цвета и философии цветовосприятия в хантыйской культуре пишет в своих работах К. П. Черемисина [\[21; 22\]](#). Автор отмечает: «Критерии сакрального и профанного являются стержневыми при реконструкции модели мира в хантыйском мировоззрении» [\[21, с. 3\]](#). В статье «Философия цветовосприятия в мировоззрении ханты» исследователь определяет значения основных цветов: «Белый ассоциируется с добрым божественным началом, красотой, здоровьем, благополучием. Красный – с солнцем, огнём, кровью, силой, мужской сексуальной энергией, а чёрный означает старость, смерть, несчастья» [\[22, с. 61\]](#).

Выбор поэтом определённого цвета (цветового сочетания), сопровождающего тот или иной образ – способ трансляции статуса оцениваемого им события/явления, т. е. цветообозначения выполняют смыслопорождающую функцию в пространстве авторского литературного текста, в нашем случае – югорского текста. Этносемиотический ракурс нашего исследования позволяет прокомментировать идейное содержание и ментальную природу поэтического творчества представителя народа ханты – Владимира Волдина.

Изучение лирики В. С. Волдина проводилось на материале книги «Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках» [\[5\]](#). Это единственный сборник, в котором есть произведения, переведённые на русский язык поэтами В. Нечволодой, Л. Решетниковым, Н. Касьяновым, Э. Кияном, Г. Киселёвым. Сборник состоит из двух частей, в первой представлены стихи и поэма «Так Молупси» («Крепкая малица»), во второй – стихи на хантыйском языке.

В работе использованы историко-культурный, лингвокультурологический, сопоставительный, описательный методы, приёмы сплошной выборки, контекстуального анализа, сравнения, обобщения, классификации, систематизации материала, а также приём компонентного анализа цветообозначений.

Обратимся к творчеству хантыйского поэта, радиожурналиста, редактора национального вещания, собирателя и популяризатора фольклора Владимира Семёновича Волдина. На сайте «Югра литературная» Волдин-художник охарактеризован как самодеятельный автор, посмертно в 1999 году получивший Премию Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области литературы [\[10\]](#). Его жизнь трагически оборвалась в возрасте 33 лет, но за этот небольшой период он успел написать немало вдохновенных стихотворных произведений, проникнутых любовью к своему народу, природе Югры,

отражающих самобытность народа ханты.

Творчество В. С. Волдина изучается в нашей стране и за рубежом. Известны работы Т. В. Волдиной, Г. В. Захаровой, Е. П. Каргаполова, Н. А. Лысковой, Е. А. Нёмысовой, В. В. Огрызко. О значении Волдина-поэта в формировании хантыйской литературы писал венгерский литературовед Петер Домокош в монографии «Формирование литератур малых уральских народов» [\[9\]](#). В своём очерке «Песни возрождённого народа» Еремей Айпин назвал Владимира Волдина «одним из самых одарённых поэтов», художником «самобытным, требовательным к своему творчеству. <...> Он стремился постичь глубинное во всём, к чему бы не прикасался, – будь то музыка, устное народное творчество или поэзия. Всегда стремился к большим обобщениям» [\[2, с. 2\]](#).

В 2018 году была проведена I Региональная научно-практическая конференция, посвящённая 80-летию со дня рождения В. С. Волдина, по материалам которой был выпущен сборник. Благодаря этому научному событию пополнился фонд материалов, посвящённых анализу творчества поэта: статьи Р. Р. Асмандияровой [\[3\]](#), Л. Г. Пуртовой [\[13\]](#), А. Н. Семёнова [\[14\]](#), В. Л. Сязи [\[19\]](#). Специальных исследований, которые были бы посвящены цветообозначениям в творчестве Владимира Волдина, на сегодняшний день не существует. Исключительно в отдельных научных материалах встречаются упоминания колоративов, функционирующих на страницах поэтического сборника автора.

В исследовании колоративной лексики в поэзии В. С. Волдина мы делаем акцент на этносемиотическом аспекте цветообозначений, отражающем мироощущение мужчины народа ханты, – добытчика, защитника дома, охотника, рыболова, оленевода – человека, для которого этническая картина мира неразрывно связана с природой, с родными местами – Югрой.

В поэме «Так Молупси» В. С. Волдин пишет о том, что все ответы на вопросы о смысле жизни, о поиске счастья, о судьбе он находит в сказаньях и песнях своего народа. Это подтверждает то, что авторская языковая картина мира Владимира Волдина строится на принципах этнической картины мира народа ханты и отражает её концепты:

О людях, о судьбах я думаю часто.

В чем видели прадеды светлое счастье?

В сказаньях и песнях ищу я ответ. [\[5, с. 9\]](#)

Знает и описывает поэт народные приметы, основанные на мудрости своего этноса:

Выпала глубокая роса –

Это будет завтра добрый день.

Пляшет ошалело поплавок –

Значит, дождь почуяла река.

Будет ли грибов и ягод впрок –

Обо всем расскажет мне тайга [\[5, с. 26\]](#).

В стихотворении «Сорум Ов» Владимир Волдин обращается к религиозно-мифологической картине мира народа ханты, рассказывая о священных деревьях,

которым поклонялись предки:

На Казыме яр крутой.

Он легендами овеян.

Прадеды сюда с собой

Приносили дар деревьям:

Деньги, идолов своих,

Шкуры пойманного зверя [\[5, с. 28\]](#).

Мифологическое восприятие отражается в лексеме *светлый*, которая считается световой лексемой, имеющей значения «ясный, понятный, лучший, добрый, любимый». Лексема *светлый* символизирует добро, благополучие, радость, имеет божественную силу, связь с богом Верхнего мира Торумом. Таким символическим значением и силой Волдин наделяет *Слово* в стихотворении «Мелодии весенних песен»: «В древнем, словно Обь, мотиве / Струи новых, светлых слов» [\[5, с. 25\]](#). Об этом же в стихотворении «Лети, моя песня»: «Под небом хантыйским, над краем богатым / Звучи, моё слово, светло и крылато» [\[5, с. 34\]](#). Кроме того, лексема *светлый* представлена в следующих смыслопорождающих сочетаниях (поэма «Так Молупси»): светлое счастье, светлое утро, светлая мечта.

Слово в поэзии В. С. Волдина также обладает и символикой *красного* цвета – цвета Среднего мира, мира всего живого. Он ассоциируется в картине мира ханты и с красотой, и с опасностью. Красный цвет, кроме того, связан с огнём, силой. К. П. Черемисина отмечает, что «красный цвет – цвет крови и огня – является одним из любимых у хантов при декорировании одежды <...> и символизирует Средний мир – мир живых», он «познаётся как импульсивное, агрессивное начало <...> предметы красного цвета несут в себе негативную символику <...> если снится вещь красного цвета, то непременно нужно ждать беды – это, своего рода, предупреждение» [\[22, с. 60-61\]](#).

В стихотворении «Ханты» символика *Слова* в лирике В. С. Волдина передана световым глаголом «пылает» и дополнена ассоциативным образом северного сияния: «Это слово северным сияньем / Пусть пылает и в полярной мгле» [\[5, с. 26\]](#). Возникает образ яркого пламени на небе, каким бывает северное сияние. Этносемиотика восприятия *Слова* передана метафорой, включающей образ природного явления, характерного для северных регионов.

Красный (багряный, бурый) для Волдина-поэта – это и цвет крови (название красного цвета в хантыйском языке как раз и происходит от слова «кровь»): «Обрушило небо закат на траву, / Багряным окрасила кровь синеву...» [\[5, с. 10\]](#); «И гневно дрожит бурыйшрам на щеке...» [\[5, с. 11\]](#).

Метафорически переданы ощущения в восприятии цветообозначений во время нападения медведя на лирического героя: «багряным окрасила кровь синеву» [\[5, с. 10\]](#). Можно утверждать, что происходит наложение смыслов, заключённых в колоративах *красный* и *синий*: ощущение опасности на ощущение спокойствия. Эти цвета, сочетаясь в традиционной одежде народа ханты, противопоставлены по обозначаемым ими стихиям – огонь и вода. Такой колористический приём позволяет проследить читателю за сменой состояний лирического героя, почувствовать этот контраст.

Символично представлен в некоторых стихотворениях и *чёрный* цвет – цвет Нижнего мира, ассоциирующийся в философии цветовосприятия народа ханты со злом, смертью, страхом и горем. В описании нападения медведя на человека в поэме «Так Молупси» автор использует этот колоратив, включая его в структуру сравнительного оборота «чёрной туче подобен», для характеристики образа зверя. В этом же отрывке есть не менее значимый пример – сравнительный оборот «как угли горящие» в описании страшных глаз медведя. Цвет горящих углей – это сочетание *чёрного* и *красного* цвета, которые соединяют в семантике «зло, силу, опасность»:

Я знаю: медведь на такое способен.

Он туче лохматой и чёрной подобен...

Страшны его лапы, шерсть с рыжей подпалиной.

Как угли горящие, зверя глаза. [\[5, с. 9\]](#)

Согласно представлениям этноса, медведь – сын небесного бога Торума, представитель трёх миров. Культ медведя – характерная особенность мировоззрения народа ханты вообще и мужчины-ханты в частности, феномен обско-угорской культуры («медвежья присяга», «медвежий язык», «медвежий праздник»). Нужно признать, что с течением времени медведь из тотемного стал промысловым зверем, поэтому сформировались связанные с ним представления и обряды промыслового культа этноса, но страх перед хищником не ослабил суеверного к нему отношения, что и нашло отражение в лирическом сборнике автора.

Специфика деятельности мужчины-ханты во всех ключевых аспектах определена в поэзии Владимира Волдина. В лирическом пространстве автора представлен традиционный уклад хантыйского народа, базирующийся на рыболовном и охотничьем промысле. В стихотворениях «На охотничьих тропах» [\[5, с. 22\]](#), «Охотник» [\[5, с. 23\]](#) лирический герой называет охоту трудом и обозначает качества, которыми должен обладать мужчина-охотник (ловкость, терпение, смелость, сила, вдохновение, отвага, спокойствие, зоркость).

В описании процесса охоты и добычи пушного зверя встречаем колоративы, связанные с образами животных: *чёрный*, *красный*, *огнистый*, *рыжий*, *серебристый*. Эти цветообозначения не обладают символикой, они передают перцептивно цвет меха или цвет глаз, среди них встречаются колоративы-перифразы: красный зверь – рыжая лиса, чёрный зверь – чёрнобуря лиса: «Страшны его лапы, шерсть с рыжей подпалиной» [\[5, с. 9\]](#); «Красный зверь и чёрный зверь» [\[5, с. 16\]](#); «Он глуп и смешон, как глухарь красноглаз...» [\[5, с. 13\]](#); «Вот лиса в огнистой шкуре / Подползает из-за пня» [\[5, с. 22\]](#).

С любовью в лирике Волдина представлен образ женщины. Хантыйская женщина для лирического героя Волдина – искусная мастерица, трудолюбивая и заботливая хозяйка. Образ женщины в восприятии Волдина-поэта связан с колоративом *смуглый*.

Я тебя искал, тебя я ждал,

И, глазам не верю, повстречал!

Милая стройна и смуглолица,

Но боюсь к тебе я наклониться. [\[5, с. 33\]](#)

Смуглый оттенок кожи символизирует различные смысловые коннотации, но в культуре народа ханты ассоциативно связан с силой и здоровьем – возможностью женщины продолжить род.

Колоратив *радужный* отражает настроение лирического героя – доброе и радостное – перед скорой встречей с возлюбленной, для которой у него особенный подарок: «Я купил в подарок милой / Ткани радужной, красивой, / С расписным узором шаль» [\[5, с. 16\]](#).

В описании сосен в лирическом пространстве В. С. Волдина можно найти сравнение с девушкой в эпитете, содержащем колоратив «красный» – *краснолицые*. Как пишет Н. М. Талигина, «краснолицая девушка (женщина) считалась эталоном красоты» [\[21, с. 93\]](#) в традиционной культуре обских угров и самодийцев: «И от сосен краснолицых / Веет запахом смолистым» [\[5, с. 30\]](#).

Стихотворения поэта посвящены родным местам на реках Назым и Казым. В. Л. Сязи пишет: «Образ Родины в поэзии В. С. Волдина осмысливается концептуально. В творчестве поэта образ Родины немыслим без родной тайги, зверей, рыб, хантыйского народа и родного поэту хантыйского языка. Через образ неброской, но любимой северной природы поэт выражает любовь к Отчему краю» [\[19, с. 50\]](#). Например, в стихотворении «У рыбаков» [\[5, 31\]](#) или в стихотворении «Казым бежит вдоль древних чумов» [\[5, с. 28\]](#).

А. Н. Семёнов отмечает удивительную способность В. С. Волдина: «Способность слышать голоса окружающего мира и, прежде всего, голоса родной природы (тайга и бор, роща) и родной культуры («легенды», «сказки дедов», «песни»)» [\[14, с. 19\]](#). Эти места неразрывно связаны с образом дома в поэзии Владимира Волдина. С домом, в образе которого для лирического героя Волдина выступает весь Север, связаны колоративы, отражающие цвета природы. В их цветовосприятии проявляется индивидуальная картина мира поэта: *белый, светлый, синий/синева, зелёный, пёстрый, пятнистый, красный/рдеют, жёлтый*. В репрезентации цветообозначений используются метафора (солнца прозрачные руки), перифраза (синева – небо, синяя лента – река), сравнения (небо – пятнистая шкура оленя), олицетворения (травинки следят, глаза зелёные раскрыв).

Северная природа, в описании красоты и самобытности которой отражена авторская языковая картина мира поэта, представлена в каждом стихотворении. «Тема природы занимает одно из центральных мест в творчестве В. Волдина. Для него природа – это живое существо, которое живёт собственной жизнью. Лес у него “живёт, свистит, кричит”, бор “играет, смеётся”, листья что-то шепчут ветру, у солнца “жёлтый глаз”, лес для него “чудесный друг”» [\[3, с. 57\]](#).

Наиболее ярко и многообразно представлены колоративы в стихотворении «Летом», что объясняется красками этого времени года:

Мне под ноги стелет бор

*Пёстрый*ягельный ковёр,

И от сосен *краснолицых*

Веет запахом смолистым...

Вьются травы, *рдеют* кисти,

Смотрит солнца *жёлтый* глаз.

Я приду проведать вас. [\[5, 30\]](#)

«Поэт стремится показать нам неброскую красоту Севера в разное время года. И для него природа Севера прекрасна в любое время года. Летом она расстилает для него «пёстрый ягельный ковёр», а зимой – в меховой шубке» [\[3, с. 57\]](#). Сравним цветообозначения, характеризующие разные времена года: Лето (*пёстрый, краснолицый, рдеют, жёлтый*), осень (*золотой*), весна (*светлый*), зима (*седой*). Данные колористические особенности можно обнаружить в стихотворении «Север мой»: «Подожгло ли золотом леса – / Значит, час страды у деревень» [\[5, с. 26\]](#). В стихотворении «Весной»: «Есть время светлого веселья, / Когда, томясь, как вешний лёд. / Предчувствием грозы весенней / Таёжный полон небосвод» [\[5, с. 24\]](#). В поэме «Так Молупси»: «Сегодня я гость у них. / Кружатся песни / В морозном февральском седом поднебесье» [\[5, с. 13\]](#).

Функционирование цветообозначений в творчестве Владимира Семёновича Волдина – поэта, глубоко чувствующего и отражающего действительность через призму своего особого мировосприятия, – несомненно, является элементом поэтики его творчества и находится в тесной взаимосвязи с историей и культурой его народа. Выбор в своём роде уникального для каждого лирического сюжета цветового фона – несомненная черта стиля Волдина-художника, признак его колористического дарования.

Подводя итоги нашего исследования, важно отметить, что был проведён анализ произведений хантыйского поэта в переводе на русский язык, и данное обстоятельство не позволяет учесть тот факт, что оттенков цветов, обозначенных на хантыйском языке, могло быть гораздо больше, они не всегда поддаются переводу. Так, исследователь З. П. Соколова пишет, что «у хантов из 17 названий белого 16 – описательные, из 11 названий чёрного и красного по 10 – описательных» [\[17, с. 261\]](#). Поэтические тексты неизбежно имеют в воспроизведении на русском языке наложение смыслов в восприятии автора и переводчика. Об этом пишет и Н. Л. Лыскова, подчёркивая, например, что стихи В. Волдина и Н. Касьянова – «самостоятельные сочинения, их объединяет лишь общность темы. В буквальном переводе стихотворения В. Волдина с хантыйского языка на русский отражена специфика агглютинативного и поэтому более конкретного хантыйского языка, по сравнению с русским флективным языком, который является флективным, более абстрактным и потому более кратким» [\[12, с. 74\]](#). И это, действительно, так: при переводе утеряны, например, такие важные авторские цветообозначения, которые есть в дословном переводе, как «клюквой сердце моё засияло», «золотое и любимое по-хантыйски слово» (в переводе «это очень дорогое слово»), «золотые кедровые орехи» (в переводе «словно раскалённые орехи») [\[12, с. 74\]](#).

В любом случае, анализ переводной поэзии позволяет нам в той или иной степени понять и внутренний мир поэта, и отражение языковой картины мира народа ханты в его творчестве:

1. Триада белое – красное – чёрное, выступающая универсальным символом культуры хантыйского народа, проявляет себя в лирическом творчестве Владимира Семёновича

Волдина, репрезентируя семиотическое, ценностное и философско-мировоззренческое значения, передающиеся колоративной лексикой: белый/светлый – добро, благополучие, радость, божественная сила; красный – кровь, красота, сила, огонь, опасность; чёрный – смерть, зло, несчастье.

2. Цвета в описании природы имеют созерцательный, функционально-символический характер, связанный с индивидуально-авторской картиной мира; световая лексема «светлый» замещает значение колоратива «белый» в тексте перевода; символическую цветовую триаду народа ханты составляют лексемы «светлый (= белый)», «красный» и «чёрный», которые имеют этносемиотический характер, связанный с константами картины мира народа ханты (Верхний – Средний – Нижний мир); в индивидуально-авторской картине мира соединено перцептивное, общепринятое в мировой культуре и этносемиотическое восприятие цвета; в символическом плане соединение цветов в одном контексте рождает новое восприятие (например, контраст в соединении красного (огонь) и синего (вода) отражает резкое изменение состояния лирического героя, а в соединении чёрного (смерть) и красного (опасность, сила) – усиление ощущения опасности); в репрезентации цвета используются метафоры, сравнения, перифразы, эпитеты, олицетворения, эмоционально-окрашенная лексика.

3. Цветовые обозначения у Волдина – это значимая часть мира, образа северной природы, образа мужчины-ханты, они составляют неотъемлемую часть концептосферы этноса. Лирический герой поэта наделён голосом своего народа. В цветовой лексике и символике, избираемых колористических приёмах отражена культурно-хозяйственная диверсификация этноса.

Цветовые номинации в лирике В. С. Волдина являются источником знаний о культуре и традициях народа ханты; они же вовлечены в процесс авторского моделирования образа мира; в самобытном контекстуальном окружении способствуют реализации семантического потенциала национально-аксиологической парадигмы этноса.

Библиография

1. Абазова К. В. Языковая репрезентация в кабардино-черкесском, английском и русском языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. С. 27–30.
2. Айпин Е. Д. Песни возрождённого народа: [очерк о лит. дарованиях народностей ханты и манси] // Ленинская правда. 1982. От 29 апреля. С. 3.
3. Асмандиярова Р. Р. Образ природы в поэзии хантыйского поэта В. С. Волдина // Волдинские чтения. Материалы I Региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. С. Волдина (19–20 июня 2018 г., г. Ханты-Мансийск – п. Кышик Ханты-Мансийского района). Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2018. С. 57–59.
4. Болтина М. А., Шабашева Е. А. Символика цвета в русском и английском языках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2011. № 2. С. 7–12.
5. Волдин В. С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1998. 118 с.
6. Волкова М. Г. Способы пополнения лексико-семантической группы цвета в разноструктурных языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. С. 57–61.
7. Гаврилов В. В. «Югорский текст» как культурный феномен: к постановке проблемы // Филология: научные исследования. 2021. № 11. С. 67–77. DOI: 10.7256/2454-

0749.2021.11.36710 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_36710.html

8. Гаврилов В. В. Концептосфера регионального текста (на материале лирики Ю. Шесталова) // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (13). С. 57–65.
9. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1993. 288 с.
10. Информационно-справочный портал «Югра литературная». URL: <https://ugralit.okrlib.ru/authors/vagatova-voldina-mariya-kuzminichna> (дата обращения: 09.10.2023).
11. Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник угроведения. 2019. № 1. С. 40–52.
12. Лыскова Н. А. Филологический анализ произведений В. Волдина / Вестник Югорского государственного университета. 2010. Вып. 2(17). С. 72–80.
13. Пуртова Л. Г. Ономастическое пространство в творчестве Владимира Семёновича Волдина // Волдинские чтения. Материалы I Региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. С. Волдина (19–20 июня 2018 г., г. Ханты-Мансийск – п. Кышик Ханты-Мансийского района). Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2018. С. 54–57.
14. Семёнов А. Н. Концепт голос в лирике Владимира Волдина // Волдинские чтения. Материалы I Региональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. С. Волдина (19–20 июня 2018 г., г. Ханты-Мансийск – п. Кышик Ханты-Мансийского района). Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2018. С. 15–21.
15. Сироткина Т.А. Концепт Югра в языковой картине мира жителей региона // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54). С. 220–225.
16. Сироткина Т. А. Югорский текст как объект филологического анализа // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 130–136.
17. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. М.: Наука, 2009. 756 с.
18. Сподина В. И. Цвет и его место в геосимволике // Вестник угроведения. 2013. № 1 (12). С. 143–156.
19. Сязи В. Л. Образ леса в поэзии Владимира Семёновича Волдина // Волдинские чтения. Материалы I Региональной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения В. С. Волдина (19–20 июня 2018 г., г. Ханты-Мансийск – п. Кышик Ханты-Мансийского района). Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2018. С. 50–54.
20. Талигина Н. М. Цветовая триада хантов Нижнего Приобья // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Том. ун-т, 1999. Вып. 8. С. 92–96.
21. Черемисина К. П. Сферы сакрального и обыденного в традиционной хантыйской культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 20 с.
22. Черемисина К. П. Философия цветовосприятия в мировоззрении ханты // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 59–61.
23. Шиянова А. А. Обозначение цвета в диалектах хантыйского языка: структура и семантика лексических единиц // Вестник угроведения. 2019. № 4. С. 747–755.
24. Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley, CA: University of California Press, 1969. 210 p.
25. Kay P., Berlin B., Maffi L., Merrifield W.R., Cook R.S. The world color survey. Stanford, Calif: CSLI Publications, 2009. URL: <https://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/site/9781575864150.shtml> (дата обращения: 12.04.2019).

26. Regier T., Kay P. Language, thought and colour: Recent developments // Trends Cognitive Sciences. 2006. 10(2). Pp. 51–54.
27. Uusküla M., Bimler D. How Universal Are Focal Colors After All: A Different Methodology. Color Language and Color Categorization. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. Pp. 2–40.
28. Wierzbicka A. The Semantics of Colour: A New Paradigm // Progress in Colour Studies: Volume I. Language and Culture. N.J. Pitchford, C.P. Biggam (Eds.). Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. Pp. 1–24.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи является этносемиотика цветообозначений в творчестве хантыйского поэта В.С. Волдина. Автор работы обращает внимание на философско-культурологическое и этнологическое осмысление многовековых этнических и религиозно-мифологических традиций освоения пространства, укоренённых в культуре народов Севера России. Отмечает, что «цвет неразрывно связан с национально-культурным контекстом». Считаю, что тема исследования достаточно интересна, при этом она мало изучена в рамках творческого наследия В.С. Волдина. Суждения по ходу работы имеют аналитически выверенный вид: например, «В поэме «Так Молупси» В. С. Волдин пишет о том, что все ответы на вопросы о смысле жизни, о поиске счастья, о судьбе он находит в сказаньях и песнях своего народа. Это подтверждает то, что авторская языковая картина мира Владимира Волдина строится на принципах этнической картины мира народа ханты и отражает её концепты...», или «В стихотворении «Сорум Ов» Владимир Волдин обращается к религиозно-мифологической картине мира народа ханты, рассказывая о священных деревьях, которым поклонялись предки...», или «символично представлен в некоторых стихотворениях и чёрный цвет – цвет Нижнего мира, ассоциирующийся в философии цветовосприятия народа ханты со злом, смертью, страхом и горем. В описании нападения медведя на человека в поэме «Так Молупси» автор использует этот колоратив, включая его в структуру сравнительного оборота «чёрной туче подобен», для характеристики образа зверя» и т.д. В исследовании использованы историко-культурный, лингвокультурологический, сопоставительный, описательный методы; а также приемы сплошной выборки, контекстуального анализа, сравнения, обобщения, классификации, систематизации материала, а также приём компонентного анализа цветообозначений. Указанный синкретический набор, мне кажется допустимым. Цитации введены в работу верно, точечная правка излишня: «о символике, сакральности цвета и философии цветовосприятия в хантыйской культуре пишет в своих работах К. П. Черемисина [21; 22]. Автор отмечает: «Критерии сакрального и профанного являются стержневыми при реконструкции модели мира в хантыйском мировоззрении» [21, с. 3]. В статье «Философия цветовосприятия в мировоззрении ханты» исследователь определяет значения основных цветов: «Белый ассоциируется с добрым божественным началом, красотой, здоровьем, благополучием. Красный – с солнцем, огнём, кровью, силой, мужской сексуальной энергией, а чёрный означает старость, смерть, несчастья» [22, с. 61]». Вполне удачно сделан и обзор критических источников, систематизация дает возможность фактурно увидеть значение творчества В.С. Волдина, а также роли «цвета» в его текстах. Вариантная разверстка критических наблюдений верифицирована: «творчество В. С. Волдина изучается в нашей стране и за рубежом. Известны работы Т.

В. Волдиной, Г. В. Захаровой, Е. П. Каргаполова, Н. А. Лысковой, Е. А. Нёмысовой, В. В. Огрызко. О значении Волдина-поэта в формировании хантыйской литературы писал венгерский литературовед Петер Домокош в монографии «Формирование литератур малых уральских народов» [9]. В своём очерке «Песни возрождённого народа» Еремей Айпин назвал Владимира Волдина «одним из самых одарённых поэтов», художником «самобытным, требовательным к своему творчеству. <...> Он стремился постичь глубинное во всём, к чему бы не прикасался, – будь то музыка, устное народное творчество или поэзия. Всегда стремился к большим обобщениям». Считаю, что ряд моментов стоит доработать, нужна стилистическая правка: например, «В стихотворении «Ханты» символика Слова в лирике В. С. Волдина передана световым глаголом «пылает» и дополнена ассоциативным образом северного сияния...» и т.д. Стиль данного труда соотносится с собственно научным типом, структура сочинения органична, материал информативен. Практический характер сочинения заключается в действенной природе последующего его использование в рамках изучения культуры и литературы Севера России. Вывод по тексту соотносится с основной частью; в финале отмечено, что «цветовые номинации в лирике В. С. Волдина являются источником знаний о культуре и традициях народа ханты; они же вовлечены в процесс авторского моделирования образа мира; в самобытном контекстуальном окружении способствуют реализации семантического потенциала национально-аксиологической парадигмы этноса». Основные требования издания учтены; рекомендую статью «Этносемиотика цветообозначений в творчестве хантыйского поэта В.С. Волдина» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Транспозиция субстантивных словоформ в разряд наречий совокупности: степени, признаки, предел // Филология: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70720 EDN: BQSPVG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70720

Транспозиция субстантивных словоформ в разряд наречий совокупности: степени, признаки, предел

Шигуров Виктор Васильевич

ORCID: 0000-0002-0765-0482

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

✉ shigurov@mail.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна

ORCID: 0000-0001-5342-8471

доктор культурологии

профессор; кафедра культурологии и информационно-библиотечных ресурсов; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.5.70720

EDN:

BQSPVG

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2024

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа процесса и результата функциональной и функционально-семантической транспозиции языковых единиц из существительных в класс наречий, выявления его причин, предпосылок, и признаков. Цель работы – описание ступеней и предела

транспозиции форм творительного падежа существительных без предлогов в разряд определительных наречий совместности (совокупности). Новизна подхода заключается в использовании методики оппозиционного анализа, позволившего установить, что степень отхода разных словоформ и их групп от существительных и приближения к наречиям разная. В тех или иных условиях контекста одна и та же словоформа демонстрирует соответственно ядерное или периферийное существительное, гибридное и периферийное отсубстантивное наречие. Указанные этапы собственно грамматической транспозиции словоформы в разряд наречий с семантикой совокупности обнаруживаются в рамках семантической зоны исходной субстантивной лексики. Пределом такого типа транспозиции служит стадия периферийных наречий, представляющих грамматические омонимы исходных форм творительного падежа существительных. Выявлено, что случаи выхода словоформ за пределы семантической зоны исходной лексики при адвербиализации единичны. Чаще всего при функционально-семантической адвербиализации наблюдается метафоризация адвербиализующегося существительного, создающая благоприятную базу для его семантического отрыва от исходной лексики. Установлено несколько групп субстантивных словоформ, демонстрирующих в типовых контекстах разное количество этапов транспозиции в наречия совместности (совокупности). Каждая стадия адвербиализации обусловлена определенными синтаксическими условиями речи – синтагматическим окружением словоформы, ее функциональной нагрузкой. В зонах периферии и ядра наречий фиксируются собственно-морфологические изменения в структуре языковых единиц – на уровне их частеречной семантики, грамматических категорий и парадигм, морфемной структуры, лексико-грамматических разрядов и т.п. Результаты исследования могут быть полезны в дальнейшей разработке проблем частеречной транспозиции слов и словоформ, при создании транспозиционной грамматики русского языка, а также в преподавании русской грамматики в школе и вузе.

Ключевые слова:

русский язык, грамматика, транспозиция, адвербиализация, существительное, наречие, ядро, периферия, зона гибридности, стадия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

1. Вводные замечания

Проблема функциональной и функционально-семантической транспозиции беспредложных форм творительного падежа существительных *толпой, ватагой, гурьбой, хором, грудой* и т.п. в подкласс определительных наречий со значением совокупности относится к числу недостаточно изученных в теории транспозиционной грамматики русского языка. Не вполне ясна причина данного типа адвербиальной транспозиции, семантические предпосылки, лексическая база, стадии семантико-грамматического перерождения субстантивных словоформ в адвербиальный подкласс с семантикой совместности (или совокупности), признаки адвербиализации и предел. Не изучены в должной степени синтаксические условия, необходимые для поэтапного (ступенчатого) продвижения субстантивных словоформ от зоны ядра исходной части речи к ядерным

наречиям совместности (совокупности). Сказанным определяется актуальность работы.

Цель исследования – выявление причины, семантических предпосылок, признаков и ступеней функциональной и функционально-семантической транспозиции форм творительного падежа существительных в подкласс наречий со значением совместности (совокупности). Объектом анализа являются словоформы, демонстрирующие в типовых контекстах разные степени отхода от класса существительных и приближения к разряду определительных наречий совместности (совокупности). Предмет рассмотрения – этапы и признаки транспозиции форм творительного падежа существительных в разряд наречий совместности (совокупности). Материал исследования – предложения, извлеченные из Национального корпуса русского языка и отмеченные аббревиатурой [НКРЯ]^[7]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. Новизна работы обусловлена системно-языковым анализом ступеней, признаков и предела транспозиции форм творительного падежа в разряд наречий совместности (совокупности), а также синкретичных (периферийных и гибридных) образований, эксплицирующих многоаспектный характер передаваемой информации. Теоретической базой исследования послужили работы российских и западных ученых по проблеме транспозиции (переходности, трансформации, трансляции, конверсии, деривации) ^[1; 2; 14; 15, с. 57–71; 16; 21; 23, с. 25–38; 29, с. 13–26; 30; 31]. Решение поставленных в статье задач обеспечивалось применением методов оппозиционного, компонентного и дистрибутивного анализа, лингвистического эксперимента.

Исходной посылкой в исследовании транспозиции языковых единиц из существительных в наречия служит признание градуального характера адвербиализации. Как и другие типы межкатегориальной транспозиции, она может быть представлена на синхронном уровне в виде нескольких стадий (этапов), эксплицирующих постепенный отход от существительных и сближение с наречиями. Каждой стадии адвербиализации соответствует определенное звено на шкале переходности: **А / С(ущ)** (зона ядерных существительных) --> **Аб / С(ущ) н(ареч)** (зона периферийных существительных) **аб / с(ущ) н(ареч)** (зона промежуточных, субстантивно-адвербиальных образований) --> **аБ / с(ущ) Н(ареч)** (зона периферийных наречий) --> **Б / Н(ареч)** (зона ядерных наречий). В разных условиях речи субстантивная словоформа может эксплицировать те или иные стадии адвербиализации как в рамках семантической зоны исходной леммы, так и с выходом за ее пределы (см. также наши исследования в области ступенчатого и пересекающегося характера транспозиционных процессов предикативации, модалации, прономинализации и интеръективации: ^[25, с. 34–43; 26, с. 51–62; 27, с. 152–158; 28, с. 5972–5976; 32, с. 177–191]).

2. Результаты исследования и обсуждение

В результате исследования установлено, что причина процесса транспозиции существительных в наречия совокупности состоит в необходимости образования языковых средств для обозначения количества субъектов и объектов, задействованных в реализации какого-либо действия. Для определения действия по признаку «соучастия / несоучастия» (выражение В.Б. Евтюхина в работе ^[10, с. 514]) в нем субъектов или объектов используются разноструктурные типы наречий, соотносящиеся в основном с существительными и числительными; ср.: *сообща, вместе, поодиночке, в одиночку, одиночкой, один-на-один, наедине, поочередно, повзводно, попарно, поротно, порознь, вдвоем, впятером, скопом, оптом, гуртом, ватагой, толпой* и др.

Наречия со значением совместности, входящие традиционно в подкласс наречий образа и способа действия, рассматриваются иногда как отдельный адвербиальный разряд (см.,

напр.: [9, с. 170; 19, с. 705; 20, с. 189; 24, с. 573]). А. В. Исаченко включал наречия типа *вместе* в разряд обстоятельственных наречий, так как они не являются определениями по отношению к отдельно взятым словам и относятся ко всему предложению в целом (см.: [11, с. 254]). При анализе отдельных предложений типа *Отец и сын вместе отправились на охоту* трудно сказать, к чему относится наречие *вместе* – к сказуемому *отправились* или к подлежащему *отец и сын*.

Центральное место среди наречий со значением совместности, по мнению В.Б. Евтюхина, следует отвести словам, образованным из собирательных числительных типа *вдвоем*, *впятером*, которые обозначают точное количество субъектов / объектов; ср.: *совместно*, *вместе*, *сообща* (см.: [10, с. 515]). По наблюдениям В.Б. Евтюхина, производные наречия типа *втроем* характеризуют действия лиц (ср. проблематичность выражений: *Утята летели вдвоем*; *Сани ехали втроем*) и, в отличие от производящих числительных, не имеют ограничений на сочетаемость со словами, обозначающими лиц женского пола; ср. примеры автора: *?Пришло **трое** девушек и Сестрам Рутиловым неловко было идти **втроем*** [10, с. 515]).

Семантической предпосылкой для адвербиализации беспредложного творительного падежа служит группа существительных с общей семантикой совместности или совокупности. Согласно О. С. Орловой, при употреблении в адвербиальной функции значение собирательности, обобщенности у словоформ *ватагой*, *гурьбой*, *тучей* и т.п. оказывается благоприятной семантической базой для еще большего абстрагирования их значений. Однако, в отличие от словоформ с адвербиальными значениями времени (*весной*, *зимой*, *летом* и т.п.) и образа и способа действия (*шагом*, *рысью* и т.п.), степень абстрактности значений у словоформ типа *грудой*, *толпой*, *ватагой*, *артелью*, *стаей*, подверженных адвербиализации, меньше. По степени наречности формы типа *толпой*, с точки зрения О. С. Орловой, будут располагаться ниже в иерархической лестнице, чем *весной*, *осенью* и *шагом*, *рысью*, поскольку степень абстрактности у них, как уже сказано, меньше, к тому же, их значение совокупности сопряжено со значением сравнения, которое сдерживает адвербиализацию форм, содержа отсылку к сравниваемым объектам; ср.: *враги двигались ордою* ≈ 'как орда' (см.: [18, с. 194]).

В этом плане показательны следующие контексты употребления адвербиализованных субстантивных словоформ со значениями признака действия, охарактеризованного по совместности субъектов, участвующих в его реализации (1), или совокупности объектов действия (2):

(1) *С платформы Саванеевка все камуфляжные, кроме немного, направились **толпой** через пути – к поселку дорогих особняков* [А. Дмитриев. Призрак театра (2002-2003) // «Знамя», 2003] [НКРЯ]; *Можно по-прежнему... ходить по грибы или на язя, **ватагой** брать снежную крепость...* [П. Крусанов. Другой ветер // «Октябрь», 1999] [НКРЯ]; *Как только прозвенел звонок с последнего урока, все ребята **гурьбой** ринулись к дверям* [В. Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)] [НКРЯ];

(2) *За мясом ездили к доверенным гуцулам... овощи тоже брали **оптом**, а остальное покупали мелкими партиями в разных местах, чтобы не светиться крупными закупками* [А. Маринина. Иллюзия греха (1996)] [НКРЯ].

Некоторые отсубстантивные наречия, в частности *гуртом*, способны передавать оба указанных значения – совместности субъектов (3) и совокупности объектов (4) (см.: [3, с. 470]). Напр.:

(3) Хозяин обоза... может продать или **гуртом**, или в розницу все свои товары, фургоны и волов [К. Станюкович. Похождения одного матроса (1900)] [НКРЯ] (≈ 'большой партией; оптом');

(4) Когда все до мелочи обмозговали, собрались мастеровые **гуртом** и двинулись вместе со старостой к пану [А. Крамер. О скитальцах и странниках // «Сибирские огни», 2013] [НКРЯ] (≈ 'толпой, гурьбой').

Семантику признака действия по участию в нем лишь одного субъекта представляет, например, наречие на базе творительного падежа без предлога *одиночкой* (см.: [\[5, с. 470\]](#)):

(5) (а) И вот он живет **одиночкой** в этой похожей на захлопнувшуюся ловушку квартире, заперся в ней изнутри, будто заперт кем-то снаружи [О. Павлов. Асистолия // «Знамя», 2009] [НКРЯ] (≈ 'не общаясь ни с кем, отдельно от других');

(6) Я может быть буду бороться **одиночкой**, не знаю [Р. Гуль. Азэф (1958)] [НКРЯ]; Тот заболел, тот поотстал, того сняли, когда он **одиночкой** ехал с донесением, или просто бабахнули из-за угла при случае [А. Гайдар. В дни поражений и побед (1922-1925)] [НКРЯ] (≈ 'без других делать что-либо');

(в) Но я шел **одиночкой**, а не по линии организованного набора рабочей силы, и милиция сочла невозможным дать мне временную прописку [А. Ким. Мое прошлое (1990-1998) // «Октябрь», 1998] [НКРЯ] (≈ 'самостоятельно, по собственной инициативе').

Процесс адвербиальной транспозиции словоформ типа *толпой*, *ватагой*, *гурьбой*, *лавой*, *табором*, *стаей*, *артелью*, *хороводом* осуществляется при наличии определенных синтаксических условий, которые изменяются по мере продвижения существительных к классу ядерных наречий.

В результате исследования установлено, что количество стадий адвербиализации у субстантивных словоформы может быть разное.

Словоформы, эксплицирующие 4 стадии адвербиализации на пути к наречиям совокупности / совместности, покажем на примере типовых контекстов употребления словоформы *толпой*:

Контексты употребления ядерного существительного *толпой* в функции дополнения:

(6) «Гласность, господа, – вот главная сила любого общества! – с быстротой пулемета философствовал главный комментатор Болдер Гуизгулидж. – В условиях безгласности эти два удачливых парня давно были бы уже растерзаны **толпой** неудачников» [В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976] [НКРЯ]; Есть манипуляторы, которые умеют управлять **толпой** для достижения корыстных, как правило, целей [С. Вахитов. Разорванное сердце Адель // «Бельские просторы», 2013] [НКРЯ].

Контексты употребления периферийного существительного *толпой* в функции обстоятельства совместности в сочетании с зависимыми адъективными и субстантивными распространителями:

(7) Женщины **возбужденной толпой** явились к начальнику штаба дивизии и заявили, что на чердаке поселились бандиты [Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)] [НКРЯ]; Потом мы пошли в клуб и ввалились туда **всей толпой** – восемнадцать здоровенных рыбаков [В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961] [НКРЯ].

Контексты одиночного употребления гибрида, субстантивно-адвербиального образования *толпой* в синкретичной функции дополнения и обстоятельства способа действия (средства):

(8) *По всем волчьим понятиям, которые заведены в армейском коллективе, он будет прав. И можно будет метелить меня **толпой**. И даже если я буду отбиваться как черт – никто не поможет* [Д. Филиппов. Билет в Катманду (2009) // «Волга», 2012] [НКРЯ]; *...Я сразу почувствовал себя у двери как бы оттесненным **толпой*** [В. Слипечук. Зинзивер (2001)] [НКРЯ].

Контексты одиночного употребления периферийного (собственно грамматического) отсубстантивного наречия *толпой* в функции обстоятельства совместности:

(9) *Тут, как назло, подъезжает автобус, открываются двери, выпуская пассажиров, и они **толпой** движутся в мою сторону* [А. Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)] [НКРЯ].

Словоформы типа *ордой, кучей, грудой, тучей* эксплицируют в типовых контекстах 3 стадии адвербиализации, связанные с зонами ядра и периферии существительных, а также с зоной гибридных, субстантивно-адвербиальных структур. Покажем их на типовых контекстах употребления словоформы *ордой*.

Контекст употребления ядерного существительного *ордой* в функции дополнения:

(10) *Значит, дом твой **облюбован** этой татарской **ордой** и скоро она не отступится* [С. Залыгин. Комиссия (1976)] [НКРЯ].

Контекст употребления периферийного существительного *ордой* с зависимыми словами в функции обстоятельства совместности:

(11) *Мгновенно самые страшные мысли **озверевшей ордой** проносятся в голове. «Неотложка», ампулы ломают руками, спины людей закрывают что-то от глаз, тазики, лица, лица мелькают вокруг* [В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961] [НКРЯ].

Контекст одиночного употребления гибрида *ордой* в синкретичной обстоятельственной функции совместности и сравнения:

(12) *Запинаясь друг об друга, налетая на скамейки, теряя шмотки и размахивая незавязанными шнурками лыжных ботинок, отцы **ордой кинулись** к тамбуру* [А. Иванов. Географ глобус пропил (2002)] [НКРЯ].

Что касается лексикографической интерпретации словоформ типа *ордой, кучей, грудой, лавой, стайей, табором, артелью*, то она неоднозначна. Нередко можно встретить разнобой в категориальной интерпретации одних и тех же и речевых фактов. Так, в толковых словарях русского языка обычно отсутствуют при одиночно употребляемых словоформах типа *ордой* в значении обстоятельства совместности пометы «наречие» или «в значении наречия». *О р д о й* трактуется как существительное со значением 'беспорядочная, неорганизованная толпа; скопище людей', используемое в составе устойчивых оборотов вроде *идти, двигаться и т.п. ордой / ордою* (см.: [6, с. 96-97]). В рамках словарных статей на существительные толкуются и образования вроде *кучей, грудой* в функции обстоятельства совокупности (совместности) (см., напр.: [8]). В «Большом академическом словаре русского языка» [4, с. 833-834] словоформе *кучей* приписаны значения существительных 'Что-либо, сваленное грудой'; 'Толпа, скопление

(людей, животных)'; ср.: *лежать кучей / кучами; идти, валить кучей / кучами; тесниться, толпиться кучей / кучами* и т.п. У формы творительного падежа *грудой* в обстоятельственной функции совокупности в этом же словаре выделяется значение существительного 'Большое количество каких-либо предметов, нагроможденных в беспорядке один на другой'; ср.: *лежать, валяться грудой / грудами; свалить вещи грудой* (см.: [\[3, с. 430-431; 22, с. 173;\]](#)).

Иную ситуацию наблюдаем в специализированном «Словаре грамматических омонимов русского языка» О.М. Ким и И.Е. Островкиной [\[13, с. 295\]](#), где словоформы *кучей, кучами* истолковываются как наречия. См. выделяемые в указанном словаре грамматические омонимы:

(13) После камнепада дорога оказалась завалена **кучей** камней. Небольшое пространство позади торговых рядов занято **кучами** арбузов и дынь, лежащих на земле (существительные в форме творительного падежа единственного и множественного числа);

(14) Теснился **кучами** народ. Пушкин.; Живем мы **кучей** тесно и все друг о друга тремся. Куприн; Слодаты маршируют, простой народ валит **кучами**. Мельников-Печерский; На улице **кучами** валялись стружки, кора, лыко; лежали груды теса и необструганных кругляшей. Бирюков (отсубстантивные наречия).

Адвербиальный статус усматривается в данном словаре и у одиночно употребляемого отсубстантивного образования *грудami* в функции обстоятельства совокупности. Ср. приведенные в этом словаре контексты употребления омонимов [\[13, с. 152\]](#):

(15) Накануне в горах был камнепад, и дорога то тут, то там была перегорожена **грудami** камней (существительное);

(16) На не оврага **грудami** лежал песок. Тургенев; **Грудami** валяются колеса, рессоры, шпалы, рельсы – в хаотической разбросанности и беспорядке. Серафимович (наречия).

Наречие *грудой* в данном словаре не фиксируется. См. пример его употребления из Национального корпуса русского языка:

(17) В багажном отделении **грудой** лежали сумки, коробки и кофры [А. Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21-39 (2011)] [НКРЯ].

Как наречие трактуется в упомянутом словаре словоформа *тучей*; словоформа *тучами* как наречие, в отличие от *грудami*, здесь не приводится [\[13, с. 747-748\]](#); ср. омонимичные субстантивная и адвербиальная словоформы из рассматриваемого словаря:

(18) Огромной черной **тучей** заволокло солнце, и стало темно (существительное);

(19) Московская пыль **тучей** стояла над городом и застилала небо. Гл. Успенский (наречие).

Для сравнения приведем аналогичный тип употребления формы творительного падежа множественного числа *тучами*:

(20) К вечеру в лесу комары прямо-таки зверели, казалось, за каждым кустом поджидая человека, **тучами** вились над головами, то и дело жаля в лицо, шею, руки, в неумной жажде крови лезли в нос и глаза [В. Быков. Болото (2001)] [НКРЯ].

Семантика сравнения с каким-либо объектом у адвербиализующихся субстантивных словоформ в функции обстоятельства совместности / совокупности сдерживает, очевидно, дальнейшее продвижение одиночно употребляемых гибридов в сторону периферийных и ядерных наречий, позволяя рассматривать в качестве предела их адвербиализации лишь зону промежуточных, субстантивно-адвербиальных структур. Аналогичную ситуацию наблюдаем и с гибридами в значении сравнения типа *пулей (нестись)*, *стрелой (мчаться)*.

Словоформы типа *отрядом*, *взводом*, *полком*, *дивизией*, *группой* представляют в типовых контекстах 2 стадии адвербиализации, связанные с зонами ядра и периферии существительных. Они делают, условно говоря, лишь первый, синтаксический шаг в сторону наречий, выступая в одиночной позиции обстоятельства совместности / совокупности. В толковых словарях русского языка их обстоятельственная функция, связанная с движением по направлению к наречиям, не выделяется. Ср. контексты употребления словоформ *отрядом*, *группой* как типичных (21) и периферийных существительных (22):

(21) *Женщины мне кажутся тайным спасательным **отрядом**, до поры до времени дремлющим, чтобы вдруг однажды оказать человечеству решающую помощь милосердия* [А. Иличевский. Перс (2009)]; *Революция навалилась, гражданская война, на Дальний Восток меня занесло. **Отрядом** командовал, молокосос* [В. Михальский. Храм Согласия (2008)] [НКРЯ]; *... Супруга Ганчука, Юлия Михайловна Брюс работала у нас на кафедре языков, руководила **группой*** [Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)] [НКРЯ]; *Вилля всё своё основное время занимался **группой**, музыкой, аранжировками и репетициями* [С. Каминский. Судьба барабанщицы // «Ковчег», 2015] [НКРЯ];

(22) *Как ни ребячлива, как ни безрассудна такая мечта, но в иные минуты Борис действительно мечтает об этом: собрать бы их всех вместе, бывших пионеров, – они чудес понаделали бы всем **отрядом**!* [Л. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове (1962)] [НКРЯ]; *Тогда мы все решили ехать к Дроздовскому, чтобы пробиваться к Корнилову **отрядом**, а не одиночками, что было куда тяжелее* [А. Туркул, И. Лукаш. Дроздовцы в огне (1937-1948)] [НКРЯ]; *По улице селения шли **группой**, как на праздничной демонстрации: впереди шагал Иван Андреевич Быстрое* [Ю. Рытхэу. Самые красивые корабли (1997)] [НКРЯ]; *Он уходил от них, стоявших **группой**, и даже со спины было видно, что с ним сделал этот год, это пятимесячное лежание, а потом пятимесячное обучение тела* [Ю. Визбор. Альтернатива вершины Ключ (1981)] [НКРЯ].

Аналогично обстоит дело в случае функционального перемещения ядерных форм творительного падежа к периферии класса существительных при транспозиции, например, в пространственные наречия (*полем*, *лесом*, *берегом* и т.п.) (23) и определительные наречия способа действия (со значением средства передвижения) *поездом*, *электричкой*, *самолетом*, *трамваем* и т.п. (24).

(23) *Вот когда еще не обессилели, ходили **полем** к железной дороге, не на станцию, на станцию охрана не допускала, а прямо на пути* [В. Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989] [НКРЯ];

(24) *Мы оставались одни: полковник, Боря и я. На работу ездили **электричкой*** [Ю. Трифонов. Опрокинутый дом (1980)] [НКРЯ].

Следует отметить также единичные ядерные наречия с семантикой совместности / совокупности типа *скопом*, утратившие соотносительные формы существительных и представляющие в связи с этим лишь конечную стадию адвербиализации творительного

падежа:

(25) *Когда случалась опечатка или просто запарка, редакторов **скопом** гнали в типографию вклеивать вставки на последнюю страницу или одевать книги в супера* [С. Каледин. Аллея Руж // «Огонек», 2013] [НКРЯ] (≈ 'все вместе' сообща').

Некоторое оживление субстанциальной природы словоформы *скопом* можно усмотреть, на наш взгляд, лишь при ее употреблении с адъективными словами в составе устойчивых оборотов *всем / целым скопом* (см.: [\[7, с. 723–724\]](#)).

Необходимо разграничивать два типа транспозиции форм творительного падежа существительных в наречия совместности и совокупности – функциональный и функционально-семантический. При функциональной адвербиализации словоформы не нарушают смыслового тождества исходных лексем, представляя адвербиальный тип употребления. В толковых словарях при таких адвербиализованных словоформах дается иногда помета 'В знач. наречия'. Это периферийные, собственно грамматические наречия, функционирующие в семантической зоне исходных субстантивных лексем. Лексикографически они трактуются двояко: в отдельных словарных статьях (*толпой, гуртом, оптом* и др.) или словарных статьях на исходные существительные (*гурьбой, артелью, кучей* и др.). Такие наречия утратили категориальные свойства существительных, такие как субстанциальная семантика; грамматические категории рода, числа и падежа; парадигмы числа и падежа; флексии; функция дополнения; наличие адъективных и субстантивных распространителей, лексико-грамматические разряды существительных и т.п., приобретая свойства наречного класса – категориальную семантику признака признака, неизменяемость, функцию обстоятельства, примыкание как способ присловной подчинительной связи с главным компонентом словосочетания, суффиксальную морфему на базе флексии, разрядовое значение определительного наречия совместности (совокупности) и др.

В результате функционально-семантической адвербиализации, как и при функциональной, субстантивные словоформы лишаются частеречных признаков исходного класса существительных, однако степень семантического отхода от существительных в это случае более высокая, что позволяет усматривать в адвербиализованных словоформах не только грамматические, но и лексические омонимы существительных. Большой семантический отход от существительного наблюдается при метафоризации словоформ типа *хором*. Наличие смысловой коррдинации (согласования) с глаголом, т.е. общих сем в смысловой структуре, препятствует нарушению семантического тождества лексемы и смысловой изоляции ее формы творительного падежа (ср.: *хором петь, говорить* – глаголы речи). При употреблении же адвербиализата с иными смысловыми разрядами глагольной лексики наблюдается метафоризация его семантики и семантический отрыв от исходной лексемы (*хором писать, дружить* и т.п.). Функциональный и функционально-семантический типы адвербиализации творительного падежа можно проиллюстрировать на примере употребления языковых единиц, представляющих, с одной стороны, ядерные существительные (26), а с другой периферийные (собственно грамматические) (27) и ядерные наречия (28):

(26) *В конце концов ему дали место учителя пения в школе, где он заодно вел кружок танцев и **руководил хором*** [Ю. Буйда. У кошки девять смертей (2000) // «Новый Мир», 2005] [НКРЯ];

(27) *Весь класс под предводительством Японца **хором распевал** новую песню* [Г. Белых.

Лапти (1929)] [НКРЯ];

(28) *Дверь в его половину **хором заколотили** и прорубили новую с другой стороны, чтобы князю с епископом даже не встречаться* [А. Иванов. Сердце Пармы (2000)] [НКРЯ].

По мнению О.Н. Калякиной, в случаях типа *писать сердцем* (≈ 'искренне'), *петь фонограммой* (≈ 'не вживую') снимаются лексические ограничения на сочетаемость творительного падежа, что приводит к его метафоризации и выводит на путь адвербиализации (см.: [\[12, с. 74\]](#)).

Словоформы, подвергающиеся как функциональной, так и функционально-семантической адвербиализации единичны в современном русском языке. Однако именно они способны представлять пять стадий адвербиальной транспозиции. Примечательна в этом плане уже упомянутая выше словоформа *хором*, эксплицирующая в типовых контекстах все этапы транспозиции в наречия совокупности / совместности. Покажем их с небольшими комментариями.

Этап ядра существительных, реализующих первичную субстантивную функцию дополнения (способ подчинительной связи с главным словом – сильное управление; объектные отношения; чем?):

(29) *Через головы видно, как в глубине собора, перед алтарем, две монахини **дирижируют хором** девочек* [М. Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005] [НКРЯ]; *Сейчас он...**руководит** в местном клубе **хором** и оркестром народных инструментов...* [В. Шаров. Воскрешение Лазаря (1997-2002)] [НКРЯ].

Этап периферии существительных, употребляющихся с адъективными и / или субстантивными распространителями в функции обстоятельства совместности (способ связи с главным словом – падежное примыкание; обстоятельственные отношения; как? каким способом?):

(30) *«Ясно», – **пробормотали** нестройным **хором** Солнцева и Скворцов* [Т. Устинова. Персональный ангел (2002)] [НКРЯ]; *«За мир!» – **кричат** разноголосым **хором** и общажники, и кавказцы* [В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996-1997)] [НКРЯ].

Этап гибридных структур, совмещающих при употреблении без зависимых слов субстантивную функцию дополнения с адвербиальной функцией обстоятельства способа (средства) действия (способ связи с главным словом – слабое управление; объектно-обстоятельственные отношения; чем?; как?):

(31) *«Да-а-а!» – радостно кричат все хором, под шумок **хором** же **переделывая** слово рогожа под отличника Дерюгина – рагожа* [А. Эппель. Худо тут (1990-2000)] [НКРЯ]; *Под занавес ансамбль **исполнял хором** известную песню «Эх, хорошо в стране советской жить!..»* [Б. Окуджава. Упраздненный театр (1989-1993)] [НКРЯ].

Этап периферии наречий, употребляющихся в семантической зоне исходной субстантивной лексики в качестве обстоятельства совместности (способ связи с главным словом – примыкание; обстоятельственные отношения; как? каким способом?):

(32) *Весь класс под предводительством Японца **хором распевал** новую песню* [Г. Белых. Лапти (1929)]; *А это значит, что тысячи таких вот девочек и мальчиков отправились к Кремлю посмотреть концерт поп-звезд, устроенный в их честь, это значит*

– гитары, дружное, но нестройное **пение хором**, смех, тосты, шампанское [А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)] [НКРЯ].

Этап ядра наречий, образовавшихся в результате метафоризации и адвербиализации творительного падежа и функционирующих в качестве лексико-грамматических омонимов существительного – за пределами семантической зоны исходной лексемы (способ связи с главным словом – примыкание; обстоятельственные отношения; как? каким способом?):

(33) Текст **хором сочинили**: «Бэла, жду в следующий понедельник» [Г. Елин. Шуточка (2002)] [НКРЯ]; «Да вы меня еще **поцелуйте хором!**» – остудил молодчика Фома [С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс (1998)] [НКРЯ]; *Около гостиницы «Минск» им зачем-то попытался загородить дорогу джигит в адидасовском костюме, но Илья и Гусар **хором взглянули** на него и даже, кажется, зарычали – и джигит куда-то делся* [А. Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)] [НКРЯ]; *А местные жители то и дело **хором** чихали* [Е. Чеповецкий. Непоседа, Мякиш и Нетак (1989)] [НКРЯ].

На стадиях периферии существительных, гибридных структур и периферии наречий словоформа *хором* характеризуется тесной семантической связью с глаголами или отглагольными существительными, что подтверждается наличием в их смысловой структуре общих сем (говорения, звучания; ср.: *кричат хором; пение хором* и т.п.). На этапе периферийных наречий словоформа *х о р о м* демонстрирует собственно грамматический тип адвербиализации творительного падежа, т.е. образование функционального наречия в рамках исходной лексемы. В зоне ядерных наречий смысловая связь адвербиализованной словоформы с глаголами отсутствует, происходит метафоризация наречия, приводящая к нарушению лексемного тождества и формированию нового слова – лексического и грамматического омонима исходной формы творительного падежа существительного.

В зоне ядра существительных наиболее ярко проявляются категориальные свойства данной части речи – семантика предметности; грамматические категории рода, числа и падежа; словоизменительная парадигма, функция дополнения и проч. На этапах периферии и ядра наречий указанные субстанциальные признаки в словоформе *хором* отсутствуют. На смену им приходят признаки наречия – семантика вторичного признака (признака признака); неизменяемость; суффикс *-ом*; примыкание как способ связи с главным словом; функция обстоятельства совместности (проявляющаяся уже на стадии периферии существительных). В зоне гибридности наблюдаем синтез субстанциальных и адвербиальных свойств в структуре одиночно употребляемого образования *хором*; морфема *-ом* имеет у него гибридный, флексийно-суффиксальный характер. На стадии периферии наречий, как уже сказано, мы имеем собственно грамматический (функциональный) омоним (*петь **хором***), а на стадии ядра наречий – лексико-грамматический омоним (***хором** взглянуть*) творительного падежа существительного (*руководить **хором***).

При адвербиализации в функции обстоятельства совместности (совокупности) форма творительного падежа множественного числа приобретает дополнительный оттенок разделительности; ср.: *табунами, парами, рядами, косяками, грусами, ватагами, тучами, стадами, группами* и нек. др. Напр.:

(34) ...Они снова **кучами, толпами, табунами** и россыпью бежали, спешили неизвестно куда, к кому и зачем [В. Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)]

[НКРЯ]; Идёт рыба **табунами, косяками, стаями**; рыбы лезут, торопятся, толкаются, – видно, тяжело им: животы у них раздуты, полны икрой или молоками [Е. Чарушин. Медведь-рыбак (1930-1950)] [НКРЯ]; Иудей шел впереди, за ним, врасстяжку, поодиночке и **парами**, потянулись остальные [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000] [НКРЯ]; Поставят вот так много-много кроватей **рядами** на станции – мы и спим [Д. Бобылева. Тот, кто водится в метро // «Октябрь», 2013] [НКРЯ]; В комнате не было никакой мебели, лишь тряпье **грудами** валялось там и сям да несколько ящиков громоздились по углам, служа стульями, столами и шкафчиками [А. Слаповский. День денег (1998)] [НКРЯ]; Загудело людское сонмище, забродило, а самые ретивые двинулись **ватагами** к Мизгирь-озеру на боярский двор – копьеца попросить али кистенишка... [Е. Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)] [НКРЯ]; Еще он лазил по тальникам с казавшимся тяжеленным топором, и рубил подпоры, и было нестерпимо жарко и вилась **тучами** мошка, залезая под рукава, в штаны, и в глаза, и он брал у деда мазь из дегтя с рыбьим жиром и мазал изъеденное потом лицо [М. Тарковский. Стройка бани // «Роман-газета», 2018] [НКРЯ]; Публика млела от счастья в ложах, стонала от восторга в четырех ярусах, ревела **стадами** в проходах [Б. Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010] [НКРЯ]; **Группами** и поодиночке бродили туристы в курортных шапочках [С. Довлатов. Заповедник (1983)] [НКРЯ].

В разделительном значении могут быть употреблены и именные формы творительного падежа с количественной семантикой, в том числе числительные; ср.: *десятками, сотнями, тысячами*. Напр.:

(35) Мужики, в изорванных под мышками тулупах, отчаянно продирались сквозь толпу, наваливались **десятками** на телегу, запряженную лошадью... [И. Тургенев. Лебедянь (1848)] [НКРЯ]; И совсем, казалось бы, незначительные, мелкие сине-серые цветочки, они **сотнями** сидели на своем кусте, как брызги на полу после побелки, – маттиолы – удивили его [Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)] [НКРЯ]; И вот к нам ежедневно приводят детей **сотнями, тысячами**, но между ними – ни одного порочного! [А. Куприн. Гранатовый браслет (1911)] [НКРЯ].

Степень адвербиализации форм множественного числа с семантикой разделительности неодинакова. Функциональный характер адвербиальной транспозиции таких словоформ проявляется, прежде всего, в их перемещении к зонам периферии существительных и гибридных структур.

Ср., например, *стадами* как ядерную (36) и периферийную субстантивную словоформы (37), а также как гибрид (38):

(36) Взялся **править стадами** оленей Александр Дьячковский, и машины с забитыми тушами пошли крепко накатанным зимником во все стороны [Л. Сермягин. Расстрел // «Дальний Восток», 2019] [НКРЯ];

(37) *Косяками* губили маралов, **выбивали их целыми стадами** [Ч. Айтматов. Белый пароход (1970)] [НКРЯ];

(38) *Козлы, мне было известно, стадами ходят* очень редко и не свистят [В. Правдухин. Годы, тропы, ружье (1930)] [НКРЯ].

Адвербиализации могут подвергаться и формы единственного числа существительных в разделительном значении; ср.:

(39) На улицу выходили **толпой** человек по пятнадцать [А. Киров. Ушаны // «Октябрь»,

2013] [НКРЯ] (\approx 'толпами').

3. Заключение

Проведенное исследование показало, что процесс транспозиции форм творительного падежа существительных в разряд наречий совместности / совокупности имеет ступенчатый характер. Степень отхода от существительных и приближения к наречиям в разных условиях речи может быть разной, что позволяет говорить о существовании нескольких стадий их адвербиальной транспозиции, связанных с зонами ядерных и периферийных существительных и наречий, а также с зоной гибридных, промежуточных образований. Функциональный тип адвербиализации имеет пределом зону периферии наречий, представляющих адвербиальный тип употребления словоформ в пределах семантической зоны исходных лексем. Это чисто грамматический процесс, не связанный со словообразованием. Функционально-семантическая адвербиализация приводит к образованию не только грамматических, но и лексических омонимов, давая основание говорить о нарушении смыслового тождества исходных лексем. В этом случае происходит образование новой языковой единицы, входящей в подкласс определительных наречий со значением совместности (совокупности). Адвербиализация как грамматический процесс порождения наречия сопряжен здесь с морфолого-синтаксическим способом словообразования.

Благодарность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта №24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Библиография

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; гл. ред. К.С. Горбачевич. М.; СПб.: Наука. Т. 4. 2006. 678 с.
4. Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; гл. ред. К.С. Горбачевич. М.; СПб.: Наука, Т. 8. 2007. 839 с.
5. Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; гл. ред. А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, Т. 13. 2009. 770 с.
6. Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; гл. ред. А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, Т. 14. 2010. 655 с.
7. Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; гл. ред. А.С. Герд. М.; СПб.: Наука, Т. 25. 2019. 728 с.
8. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвистических исследований [авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов]. СПб.: Норинт, 2007. 959 с.
9. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение, 1976. 208 с.
10. Евтюхин В.Б. Наречие // Морфология современного русского языка: Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С.И. Богданов, В.Б. Евтюхин, Ю.П. Князев и др. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2013. С. 499–538.
11. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Изд. 2-е. Братислава: Изд-во Словацкой Академии наук, 1965. Ч. 1. 302 с.
12. Калякина О.Н. Процесс адвербиализации в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2007. 173 с.

13. Ким О.М. Словарь грамматических омонимов русского языка / О.М. Ким, И.Е. Островкина. М.: Астрель; АСТ; Ермак, 2004. 842 с.
14. Кравцов С.М. Конверсия в словообразовании: узус иokkaциональность / С.М. Кравцов, А.Ю. Голубева. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2016. 170 с.
15. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–71.
16. Мельчук И. Русский язык в модели «Смысл – Текст». Москва – Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.
17. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 11.05.2024).
18. Орлова О.С. Формирование наречий, соотносительных с творительным падежом имени в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Рязань, 1961. 272 с.
19. Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
20. Современный русский язык. Часть II (Морфология. Синтаксис) / Под ред. Е.М. Галкиной Федорук. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1964. 339 с.
21. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
22. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.
23. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.
24. Шелякин М.А. Лексико-грамматические разряды наречий // Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. 3-е изд. / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др.; Под общ. ред. Л.А. Новикова. СПб.: Изд-во «Лань», 2001. С. 572–573.
25. Шигуров В.В. Местоименно-числительный тип употребления глаголов: лексика и грамматика // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 2. С. 34–43.
26. Шигуров В.В. Функциональная транспозиция пространственных наречий в императивно-эмотивные междометия (на материале образований *вон, прочь, долой*) // Филологические науки. 2006. № 3. С. 51–62.
27. Шигуров В.В. Два вектора развития русского причастия в контексте предикативации и / или адъективации: семантика и грамматика // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2012. № 3. С. 152–158.
28. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Модальность деепричастных форм глаголов в русском языке: форма, причина, предпосылки // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-26. С. 5972–5976.
29. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. Т. 3. № 1. Pp. 13–26.
30. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.
31. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
32. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man in India, 2017, Vol. 97. No 25. Pp. 177–191.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Точечная оценка языковых явлений последнее время находит отражение в ряде научных изысканий. Авторы обращают внимание на функциональность языка, что, собственно, и правильно. Автор рецензируемой работы констатирует: «проблема функциональной и функционально-семантической транспозиции беспредложных форм творительного падежа существительных толпой, ватагой, гурьбой, хором, грудой и т.п. в подкласс определительных наречий со значением совокупности относится к числу недостаточно изученных в теории транспозиционной грамматики русского языка. Не вполне ясна причина данного типа адвербиальной транспозиции, семантические предпосылки, лексическая база, стадии семантико-грамматического перерождения субстантивных словоформ в адвербиальный подкласс с семантикой совместности (или совокупности), признаки адвербиализации и предел. Не изучены в должной степени синтаксические условия, необходимые для поэтапного (ступенчатого) продвижения субстантивных словоформ от зоны ядра исходной части речи к ядерным наречиям совместности (совокупности). Сказанным определяется актуальность работы». В данном случае сложно не согласиться с манифестированным утверждением. Следовательно, данная работа имеет ряд актуальных примет, она интересна и научно значима. Конкретика цели исследования не вызывает сомнений, обозначено, что «цель исследования – выявление причины, семантических предпосылок, признаков и ступеней функциональной и функционально-семантической транспозиции форм творительного падежа существительных в подкласс наречий со значением совместности (совокупности)». Объект и предмет исследования также уточнен; «новизна работы обусловлена системно-языковым анализом ступеней, признаков и предела транспозиции форм творительного падежа в разряд наречий совместности (совокупности), а также синкретичных (периферийных и гибридных) образований, эксплицирующих многоаспектный характер передаваемой информации». Считаю, что статья имеет должный научный вид, формат изысканий полновесен и точен. Методология исследования ориентирована на актуальные принципы, противоречия в данном случае нивелированы: «каждой стадии адвербиализации соответствует определенное звено на шкале переходности: А / С(ущ) (зона ядерных существительных) --> Аб / С(ущ) н(ареч) (зона периферийных существительных) аб / с(ущ) н(ареч) (зона промежуточных, субстантивно-адвербиальных образований) --> аБ / с(ущ) Н(ареч) (зона периферийных наречий) --> Б / Н(ареч) (зона ядерных наречий). В разных условиях речи субстантивная словоформа может эксплицировать те или иные стадии адвербиализации как в рамках семантической зоны исходной лексемы, так и с выходом за ее пределы (см. также наши исследования в области ступенчатого и пересекающегося характера транспозиционных процессов предикативации, модалации, прономинализации и интеръективации...». Блочный формат статьи соотносится с типологической фракцией степеней, это позволяет следить за развитием научной мысли, становлением и аргументацией авторской точки зрения. Фактических примеров, на мой взгляд, достаточно: «Центральное место среди наречий со значением совместности, по мнению В.Б. Евтюхина, следует отвести словам, образованным из собирательных числительных типа вдвоем, впятером, которые обозначают точное количество субъектов / объектов; ср.: совместно, вместе, сообща (см.: [10, с. 515]). По наблюдениям В.Б. Евтюхина, производные наречия типа втроем характеризуют действия лиц (ср. проблематичность выражений: Утята летели вдвоем; Сани ехали втроем) и, в отличие от производящих числительных, не имеют ограничений на сочетаемость со словами, обозначающими лиц женского пола; ср. примеры автора: ?Пришло трое девушек и Сестрам Рутиловым неловко было идти втроем [10, с. 515])». Ссылочный блок выровнен, условия / требования издания учтены. Например, «(1) С платформы Саванеевка все камуфляжные,

кроме немого, направились толпой через пути – к поселку дорогих особняков [А. Дмитриев. Призрак театра (2002-2003) // «Знамя», 2003] [НКРЯ]; Можно по-прежнему... ходить по грибы или на язя, ватагой брать снежную крепость... [П. Крусанов. Другой ветер // «Октябрь», 1999] [НКРЯ]; Как только прозвенел звонок с последнего урока, все ребята гурьбой ринулись к дверям [В. Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)] [НКРЯ]...» и т.д. Рамка научного стиля объективна: «Что касается лексикографической интерпретации словоформ типа ордой, кучей, грудой, лавой, стаей, табором, артелью, то она неоднозначна. Нередко можно встретить разноречивую в категориальной интерпретации одних и тех же и речевых фактов. Так, в толковых словарях русского языка обычно отсутствуют при одиночно употребляемых словоформах типа ордой в значении обстоятельства совместности пометы «наречие» или «в значении наречия». Ордой трактуется как существительное со значением ‘беспорядочная, неорганизованная толпа; скопище людей’, используемое в составе устойчивых оборотов вроде идти, двигаться и т.п. ордой / ордою». Суждения по ходу работы последовательны, доминантой становится ценз аналитики, а не эмпирики. Логика переходов, промежуточных суждений адекватна: «Семантика сравнения с каким-либо объектом у адвербиализующихся субстантивных словоформ в функции обстоятельства совместности / совокупности сдерживает, очевидно, дальнейшее продвижение одиночно употребляемых гибридов в сторону периферийных и ядерных наречий, позволяя рассматривать в качестве предела их адвербиализации лишь зону промежуточных, субстантивно-адвербиальных структур. Аналогичную ситуацию наблюдаем и с гибридами в значении сравнения типа пулей (нестись), стрелой (мчаться)». Работа имеет ярко выраженный практический характер, материал целесообразно использовать в режиме освоения лингвистических дисциплин. Ссылки оформлены верно, текст не нуждается в серьезной правке, коррективе. Термины, понятия введены в тело статьи с учетом унификации; фактические разночтения минимальны. Наличного текста достаточно для раскрытия темы; цель работы достигнута, задачи решены. Считаю, что и заключение соотносится с основной частью, выводы правомерны, буквальны, значимы: «Проведенное исследование показало, что процесс транспозиции форм творительного падежа существительных в разряд наречий совместности / совокупности имеет ступенчатый характер. Степень отхода от существительных и приближения к наречиям в разных условиях речи может быть разной, что позволяет говорить о существовании нескольких стадий их адвербиальной транспозиции, связанных с зонами ядерных и периферийных существительных и наречий, а также с зоной гибридных, промежуточных образований. Функциональный тип адвербиализации имеет пределом зону периферии наречий, представляющих адвербиальный тип употребления словоформ в пределах семантической зоны исходных лексем». Статья «Транспозиция субстантивных словоформ в разряд наречий совокупности: ступени, признаки, предел» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД «Nota Bene».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Юрковская Е.А. Дискурсивная стратегия иррационализации восприятия англоязычной статьи, выражающей мнение // Филология: научные исследования. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70656 EDN: CCZCKS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70656

Дискурсивная стратегия иррационализации восприятия англоязычной статьи, выражающей мнение

Юрковская Елена Александровна

ORCID: 0000-0002-3325-4491

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Иностранные языки"; Иркутский государственный университет путей сообщения

664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15

✉ eyayur@mail.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.5.70656

EDN:

CCZCKS

Дата направления статьи в редакцию:

04-05-2024

Аннотация: Предметом исследования является дискурсивная стратегия иррационализации восприятия англоязычной статьи, выражающей мнение (opinion article). Было выдвинуто предположение о том, что ведущей интенцией автора является попытка оказать воздействие на мнение и поведение читателей, что противоречит конвенционально признанной цели данного жанра средств массовой информации – выражению авторского мнения. Стратегической целью автора становится подбор наиболее эффективных языковых средств убеждения читателя в необходимости принятия определенного решения или совершения поступка, активизирующих преимущественно иррациональные формы человеческого мышления. Эффективность исследуемой дискурсивной стратегии обусловлена тем фактом, что читатель не осознает, что в содержание статьи заложены субъективные смыслы и манипулятивные интенции автора. Задачей лингвиста в подобных случаях становится объяснить читателю, каким образом на него пытаются оказать языковое воздействие, тем самым способствовать развитию навыков критического мышления широкой общественности. Теоретико-

методологической базой исследования послужила теория критического дискурс-анализа, занимающаяся выявлением и «разоблачением» манипулятивных дискурсивных стратегий. Под дискурсивной стратегией понимается порождение дискурса как взаимосвязанной последовательности речевых актов, направленных на поэтапную реализацию интенции продуцента дискурса. Анализ речевых актов, образующих дискурс статьи проведен с применением методики исчисления речевых актов Дж. Серля. Предпринята попытка продемонстрировать псевдоассертивный характер статьи, выражающей мнение. Конвенциональная коммуникативная цель данного медиажанра не позволяет эксплицировать директивные высказывания, необходимые для реализации интенции автора. Наиболее эффективным способом достичь желаемого эффекта становится стратегическая иррационализация восприятия статьи за счет маскировки директивности макропропозиции статьи под ассертивное высказывание и ее многократное проговаривание с целью выстраивания ощущения безальтернативности высказываемого мнения, а также подбор языковых средств, актуализирующих иррациональные формы мышления читательской аудитории (образное, стереотипное, ассоциативное). Использование стилистических приемов возрастающей градации и антитезы позволяет автору стимулировать у читателей такие иррациональные характеристики массового сознания как алармизм, выстраивание положительного образа «своего» на основе противопоставления образу «чужого». Обосновывается эффективность иррациональных приемов убеждения посредством стереотипизации восприятия по модели метафорического переноса, ссылки на авторитет исторического факта.

Ключевые слова:

критический дискурс-анализ, статья-мнение, иррационализация, косвенный директив, дискурсивная стратегия, стереотип, критическое мышление, антитеза, возрастающая градация, манипулирование общественным мнением

Вступление

Одной из ведущих тенденций в развитии современной мировой науки является ее практико-ориентированность. В лингвистике она проявляется в направленности научного анализа на решение задач, имеющих социально значимое, прикладное значение. Таким образом, фокус внимания лингвистического исследования зачастую смещается от поиска ответа на вопрос «Что происходит в языке?» к попытке понять, как современные языковые практики влияют на жизнь человеческого общества. Следствием данного процесса является активная «дискурсизация» лингвистической науки, а также интерес к стратегическому использованию языка.

Предметом исследования в данной статье является дискурсивная стратегия, реализуемая в англоязычной статье, выражающей мнение (opinion article). Было выдвинуто предположение, о том, что ведущей интенцией автора статьи-мнения является попытка оказать воздействие на мировоззрение и поведение читателей, что противоречит конвенционально признанной цели данного жанра средств массовой информации (СМИ), а именно выражению точки зрения автора. Стратегической целью автора статьи становится подбор наиболее эффективных языковых средств убеждения читателя в необходимости принятия определенного решения или совершения поступка, активизирующих преимущественно иррациональные формы человеческого мышления.

Методологические основы и базовые понятия исследования

Теоретико-методологической базой исследования послужила теория критического дискурс-анализа (КДА) [\[1, 2\]](#), которая постулирует, что дискурс неотделим от социального контекста его порождения и интерпретации. КДА обособляет микро- и макроуровни общественного порядка. На первом уровне мы обнаруживаем дискурс, трактуемый как использование языка (language use), на втором уровне — власть, идеологию, доминирование, неравенство между социальными группами [\[3\]](#). Критический анализ дискурса нацелен на выявление и демонстрацию того, каким образом посредством языка осуществляется социальная, политическая и другие формы власти.

Понятие «власть» в теории КДА определяется в терминах контроля. Властью обладают доминантные (dominant) социальные группы, имеющие возможность контролировать действия (acts) и сознание (mind) членов других социальных групп, что предопределено возможностью их доступа к определенным «дефицитным» (scarce) социальным ресурсам, к которым относятся не только деньги, статус, слава, но также и знания, информация, культура и различные источники общественного дискурса и коммуникации [\[1, с. 469\]](#).

В современной русскоязычной лингвистике методы критического дискурс-анализа эффективно применяются для исследования социальных языковых практик, так как они дают возможность изучать «язык как социальное явление, а не только как набор отдельных слов и правил грамматики, что позволяет более глубоко понимать, как язык используется в конкретных контекстах и как он формирует и поддерживает социальные отношения и структуры» [\[4, с. 83\]](#). В задачи КДА входит выявление и «разоблачение» дискурсивных стратегий, делающих возможным осуществление языковых манипуляций с человеческим сознанием. Объектом исследования КДА становятся дискурсы доминантных групп, посредством которых реализуется воздействие на сознание людей, а предметом — стратегии реализации данного воздействия.

Понятие стратегии можно трактовать, вслед за Т.А. ван Дейком, как «свойство когнитивных планов», которые «представляют собой общую организацию некоторой последовательности действий и включают цель или цели взаимодействий» [\[3, с. 272\]](#). Если данные цели достигаются с привлечением языка, речь идет о дискурсивной стратегии, которую можно кратко охарактеризовать как «план, который осуществляется при помощи дискурса» [\[5, с. 570\]](#). Основным критерием отбора языковых средств в рамках определенной дискурсивной стратегии является степень их эффективности. «Дискурсивная стратегия означает, как выбирать и использовать языковые ресурсы для достижения коммуникативных целей наиболее эффективным способом» [\[6, с. 8\]](#). Таким образом, реализация определенной стратегии в дискурсе связана с целенаправленным выбором языковых средств, который обусловлен внешними по отношению к языковой системе факторами, определяющими и конкретное содержание порождаемого высказывания, и форму, в которую оно облекается.

В данном исследовании под дискурсивной стратегией понимается стратегия порождения дискурса как взаимосвязанной последовательности речевых актов, направленных на поэтапную реализацию интенции продуцента дискурса, либо достижение коммуникативной цели жанра. Анализ речевых актов, образующих дискурс статьи, выражающей мнение, проведен с применением методики исчисления речевых актов Дж. Серля [\[7\]](#), согласно которой речевой акт представляет собой симбиоз локуции — языковой оболочки высказывания, иллокуции — коммуникативного намерения и

перлокуции — коммуникативной цели продуцента высказывания. Инструментарий теории речевых актов позволяет задействовать при анализе дискурса внеязыковые факторы иллокутивного и перлокутивного уровня, которые являются определяющими при выборе дискурсивной стратегии.

Анализ дискурса статьи, выражающей мнение, представлен в работах Т. А. ван Дейка. Автор определяет мнение, высказанное в СМИ, как «оценочное суждение» (evaluative belief), которое, в свою очередь, противопоставляется «суждениям, основанным на фактах» (factual beliefs). Суждение, основанное на фактах, должно базироваться, исключительно, на фактуальной, рациональной основе, например, данных научных исследований, не ставших предметом авторской интерпретации и оценки. Однако доля подобных суждений в исследуемом типе дискурса ничтожно мала. Мнение, выражаемое в СМИ, всегда опирается на ценностный компонент (value), авторскую картину мира, широкий спектр его установок, убеждений, стереотипов и других форм иррационального мышления, а также имеет идеологическую подоплеку, если затрагивает взаимоотношения социальных групп или конфликтующих интересов [3, с. 29-30].

В рамках данной статьи предпринята попытка продемонстрировать, что суждения, высказываемые автором в анализируемом типе дискурса, получают преимущественно иррациональное обоснование, что позволяет сделать вывод об осознанном использовании дискурсивной стратегии иррационализации восприятия статьи. Под дискурсивной стратегией иррационализации восприятия статьи, выражающей мнение, понимается целенаправленный выбор автором исключительно или преимущественно языковых средств, вербализующих иррационально-аргументируемые оценочные суждения.

Специфика иррациональной аргументации заключается в том, что она «обращена к чувствам человека, его эмоциям и страстям и допускает любые приемы и способы “убеждения”» [8, с. 28], основана не на логических выводах, а носит характер внушения, свойственный иррациональным формам социального взаимодействия, таким как миф и различные типы пропагандистского дискурса. Дискурс пропагандистского типа репрезентирует мнение как суждение, не имеющее альтернативы. Более того, обоснование выражаемого мнения носит преимущественно иррациональный или псевдоаргументативный характер, при котором иррациональное маскируется под рациональное (например, вырванные из контекста цитаты, ссылки на авторитет) [9]. Тексты СМИ закономерно несут пропагандистскую нагрузку, их стратегической целью являются целенаправленное манипулирование общественным мнением и призыв к действию.

Косвенная директивность англоязычной статьи, выражающей мнение

На примере статьи *It's un-British to roll out the red carpet for Donald Trump* британского издания *The Guardian* от 2 июня 2019 года проиллюстрируем языковые приемы, с помощью которых автор, мэр Лондона Садик Хан, реализует дискурсивную стратегию иррационализации восприятия статьи. Мнение, выраженное в данной статье, репрезентировано в заглавии. Автор считает, что «встречать Дональда Трампа “со всеми почестями” во время его официального визита в Великобританию — не по-британски». Данное мнение является оценочным суждением, что проявляется в употреблении прилагательного *un-British*. Можно предположить, что все «*un-British*» — плохо для британцев. Факты, демонстрирующие попытку дать иррациональное обоснование данному суждению, прослеживаются и при анализе его языковой репрезентации, и на глубинном

функционально-прагматическом уровне. Более того, выражаемое мнение выступает в данной статье в качестве «ширмы», за которой скрывается истинная цель автора — вызвать негативную общественную реакцию на визит Дональда Трампа в Великобританию.

На глубинном функционально-прагматическом уровне исследуется авторская интенция (иллокуция) и способ ее вербализации в дискурсе с целью достижения желаемого перлокутивного эффекта. Конвенциональной коммуникативной целью изучаемого типа статьи как жанра СМИ является выражение мнения. Закономерным речевым актом, выражающим мнение, должен быть ассертив. Макропропозиция исследуемой статьи на локутивном уровне представлена ассертивом «Не по-британски встречать Дональда Трампа "со всеми почестями" во время его официального визита в Великобританию». Однако, согласно теории речевых актов, на глубинном иллокутивном уровне данный речевой акт является косвенным директивом (Ass(Dir)): «Не встречайте Дональда Трампа "со всеми почестями" во время его официального визита в Великобританию».

В теории речевых актов выделяется шесть групп ассертивов, выражающих косвенную директивность. Наиболее типичным для дискурса статьи-мнения является Ass(Dir) 5-й группы, в котором посредством употребления модальных глаголов *ought / should*, фраз с модальным значением *had better / why not*, а также другими лексическими средствами заявляется причина для выполнения действия. В тексте данной статьи встречаются пять Ass(Dir) 5-й группы, при этом вербализующий макропропозицию статьи Ass(Dir) «That's why it's so un-British to be rolling out the red carpet this week for a formal state visit ...» предваряется пятью абзацами, представляющими негативную характеристику политических взглядов Дональда Трампа, которая должна стать весомой причиной для исполнения директива.

Таким образом, дискурс статьи, выражающей мнение, как макроречевой акт представляет собой «ассертив суть косвенный директив». Являясь ассертивом по форме выражения, на уровне иллокуции данный дискурс демонстрирует характеристики директива. Косвенная директивность является скрытой попыткой оказать давление на читателя, подталкивающее его к принятию решения или совершению поступка, основанного не на разумном обдумывании с учетом многих факторов, а вследствие скрытого внедрения в сознание.

Последовательный анализ языковой репрезентации содержания статьи позволил выявить признаки «слоистой структуры» К. Леви-Стросса [\[10\]](#), которая характерна для дискурса мифологического типа и выражается в повторении одного и того же смысла рядом означающих. Ярким примером «витка спирали» мифологического дискурса является корреляция заголовка «It's un-British to roll out the red carpet for Donald Trump» и высказываний:

- 1) «That's why it's so un-British to be rolling out the red carpet...» в пятом абзаце;
- 2) «Rather than bestowing Trump with a grand platform of acceptability to the world, we should be speaking out and saying that this behaviour is unacceptable» в седьмом абзаце;
- 3) «It's too late to stop the red-carpet treatment, but it's not too late for the prime minister to do the right thing. Theresa May should issue a powerful rejection...» в десятом абзаце статьи.

Макропропозиция статьи, определенная ранее как «Не встречайте Дональда Трампа "со всеми почестями" во время его официального визита в Великобританию», неоднократно

повторяется, тем самым обеспечивается ее внушение, внедрение в сознание читателей.

Языковые средства иррационализации восприятия статьи, выражающей мнение

Анализ языковых приемов обоснования мнения автора статьи выявил исключительно иррациональные приемы убеждения. На всем протяжении текста политическая позиция Трампа характеризуется крайне негативно, однако высказанные критические замечания являются по сути декларативными суждениями, которые базируются на противопоставлении Трампа, «a figurehead of this global far-right movement», и представителей «a healthy democracy», к которым очевидно причисляет себя автор. Все вменяемые Трампу политические «грехи» являются таковыми только с либерально-демократических позиций, которые, в свою очередь, представлены в статье как безальтернативно правильные. В этом проявляется иррациональный, мифологический характер обоснования авторского суждения, которое релятивизировано к мировоззрению автора и предлагает лишь один из способов возможного описания мира, наиболее выгодный для эффективной реализации его интенции.

Перечень неправильных политических поступков Трампа выстраивается по принципу возрастающей градации и начинается достаточно сдержанно с одобрения обеих сторон антирасистских маршей: «Praising the “very fine people on both sides”», а заканчивается обвинением во лжи широкой общественности: «Lying deliberately and repeatedly to the public». Структуризация списка по степени нарастания негативного характера поступков позволяет автору довести сознание читателя до нужного эмоционального состояния резкого неприятия позиции Трампа, ведь «логично», что далее от него следует ожидать еще более плохих деяний. Возможным эффектом данного стилистического приема является стимуляция одной из наиболее иррациональных черт массового сознания – алармизма, которая определяется как «повышенная тревожность, вызванная ожиданием глобальной катастрофы, апокалипсиса, конца света» [\[11, с. 58\]](#).

Следующий абзац начинается с перечисления политических лидеров, от которых подобные поступки, с точки зрения автора статьи, могли бы быть ожидаемы; в их числе «European dictators of the 1930s and 40s, Vladimir Putin or Kim Jong-un». Посредством стилистического приема антитезы автор актуализирует одну из базовых мифологем – оппозицию «свой – чужой». Более того, «чужие», в данном случае крайне-правые, представляют экзистенциальную угрозу: «... threatening our hard-won rights and freedoms and the values that have defined our liberal, democratic societies for more than seventy years». Автор выражает искреннее удивление тем, что к данному лагерю «чужих» примкнул «the leader of our closest ally». «Свой» стал «чужим», что должно на подсознательном уровне вызвать резко негативную реакцию, закономерно ожидаемую от акта предательства. Используя антитезу, автор задействует эффективный способ иррационального внушения – выстраивание положительного образа «своего» на основе противопоставления образу «чужого», изначально, на пред-рассудочном уровне, воспринимаемому резко отрицательно. Статья выстраивается на основе поляризации положительных характеристик собственной группы (ingroup) и отрицательных характеристик противостоящей группы (outgroup) [\[3\]](#). Были отмечены противопоставления:

1) по национальному признаку: Unbritish *versus* British;

2) по политическим убеждениям: European dictators of the 1930s and 40s, the military juntas of the 1970s and 80s, Vladimir Putin or Kim Jong-un *versus* our closest ally; the far right (they) *versus* liberal, democratic societies (we);

3) по ценностным убеждениям: Trump's views *versus* with British values.

С целью усиления эффекта негативизации образ Трампа как политика преподносится через сопоставление с другими, крайне непопулярными в Великобритании политическими деятелями: «Viktor Orbán in Hungary, Matteo Salvini in Italy, Marine Le Pen in France and Nigel Farage here in the UK», которые, по словам автора, используют приемы «of the fascists of the 20th century». Образ фашиста является одним из наиболее устойчивых негативных образов-стереотипов современности. Метафорическое представление политики Трампа в терминах фашизма является действенным приемом иррациональной аргументации в статье.

Цель метафоры — «вызвать представление». Метафора способна преподносить информацию в виде простых для восприятия наглядных образов. Эмоционально-образное восприятие мира, осуществляемое посредством механизма метафоры, позволяет не говорить, а именно сказать о явлении. «Сказать и говорить не одно и то же. Человек может говорить, говорить без конца, но так ничего и не сказать... С-сказать — значит показать, об-явить, дать видеть, слышать» [\[12, с. 265\]](#). Метафора, в зависимости от интенции продуцента дискурса, способна представить свой референт в определенном ракурсе, она «высвечивает» (highlighting) или «затемняет» (hiding) те или иные его качества [\[13, с. 61\]](#). Сравнение поступков Трампа с приемами фашистов нивелирует любые попытки найти объяснением его политическим шагам.

В завершении статьи автор обращается с Ass(Dir)-призывом не забывать уроки истории: «History teaches us of the danger of being afraid to speak truth to power and the risk of failing to defend our values from the rise of the far right. At this challenging time in global politics, it's more important than ever that we remember that lesson». Автор явно не высказывает, но, несомненно, снова актуализирует тему фашизма, а, следовательно, и связанные с ней болезненные исторические ассоциации в сознании современного человека. Тем самым автор подытоживает свой призыв не оказывать Трампу встречу «со всеми почестями» еще одним популярным иррациональным приемом убеждения – ссылкой на авторитет, в данном случае, авторитет исторического факта.

В ходе анализа статьи были выявлены исключительно иррациональные приемы убеждения читателей. Это подтверждает предположение о том, что, несмотря на ожидаемое от статьи-мнения представление авторской точки зрения как одного из возможных взглядов на событие, истинными намерениями автора являются попытка сформировать негативную общественную реакцию на визит Дональда Трампа в Великобританию и призыв оказать ему соответствующий прием.

Заключение

В результате проведенного анализа становится очевидным, что мнение автора исследуемого типа статьи носит псевдоассертивный характер, так как подлинной интенцией является манипулирование сознанием читательской аудитории. Однако конвенциональная коммуникативная цель жанра статьи, выражающей мнение, не позволяет эксплицитно сформулировать данную интенцию в форме директивного высказывания. Эффективными способами достичь желаемого эффекта становятся стратегическая иррационализация восприятия статьи за счет маскировки директивности макропропозиции под ассертивное высказывание и ее многократное проговаривание с целью выстраивания ощущения безальтернативности выражаемого мнения, а также подбор языковых средств, актуализирующих иррациональные формы мышления читательской аудитории (образное, стереотипное, ассоциативное). Эффективными

иррациональными приемами убеждения являются оппозиционирование групп «свой» — «чужой», стереотипизация восприятия по модели метафорического переноса, ссылка на авторитет исторического факта.

Исследуемая дискурсивная стратегия имеет шансы стать успешной, и позиция автора может быть воспринята заданным образом при условии, что читатель явно не просматривает, что в содержание статьи заложены субъективные смыслы и манипулятивные интенции автора, то есть не настроен на ее критическое восприятие. Задачей лингвиста в подобных случаях становится объяснить читателю, каким образом на него пытаются оказать языковое воздействие, тем самым способствовать развитию навыков критического мышления широкой общественности.

Библиография

1. Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis. Chichester: Wiley Blackwell, 2015. Vol. 1. P. 466-485.
2. Methods of Critical Discourse Analysis / Ed. by R. Wodak & M. Meyer. London: Sage, 2015.
3. Van Dijk T. A. Opinions and ideologies in the press. Paper Round Table on Media Discourse. Cardiff. July 8–10. 1995 // Approaches to Media Discourse. Oxford: Blackwell, 1998. P. 21-63. URL: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-1998-Opinions-and-Ideologies-in-the-press.pdf> (дата обращения: 10.04.24).
4. Усов С. С., Уланова К. Л., Марциновская В. А., Дмитриева Е. В., Мелентьев А. А. Критический дискурс-анализ как маркер проявления социальной практики в языке // Современный ученый. 2023. № 3. С. 82-87.
5. Осокин А. А., Цзинь Х. Позиционирование как дискурсивная стратегия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. № 27 (3). С. 567-572.
6. Борисенко В. А. Прагматическая неопределенность как дискурсивная стратегия адресата в политическом интервью // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования: Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции, Астрахань, 12–13 октября 2023 года. Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2023. С. 7-10.
7. Searle J. R. Expression and meaning. Studies in the theory of speech acts. Cambridge, London, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1979.
8. Яшин Б. Л. Философия науки. Курс лекций. Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2017.
9. Юрковская Е. А. Псевдоаргументация пропагандистского дискурса (на материале дискурса редакторской статьи) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2003. № 2. С. 196-203.
10. Леви-Стросс К. Структура мифов // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 152-164.
11. Антипов М. А. Иррационализация сознания как атрибут «нового Средневековья» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 34. С. 56-59.
12. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Биbihина. М.: Республика, 1993.
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Изучение различных типов и текстовых жанров позволяет регулировать действенный процесс их организации. В принципе серьезных, фундаментальных исследований достаточно, но ряд дополнений может выражаться в частных, точечных работах. Как отмечено в начале рецензируемого труда, «предметом исследования является дискурсивная стратегия, реализуемая в англоязычной статье, выражающей мнение (opinion article)». Автор выдвигает предположение, «что ведущей интенцией автора статьи-мнения является попытка оказать воздействие на мнение и поведение читателей, что противоречит конвенционально признанной цели данного жанра средств массовой информации — выражению авторского мнения». Вектор исследования, считаю, выверен, он научно обоснован. Методология анализа современна, актуальна: «теоретико-методологической базой исследования послужила теория критического дискурс-анализа (КДА), которая постулирует, что дискурс неотделим от социального контекста его порождения и интерпретации. КДА обособляет микро- и макроуровни общественного порядка. На первом уровне мы обнаруживаем дискурс, трактуемый как использование языка (language use), на втором уровне — власть, идеологию, доминирование, неравенство между социальными группами. Критический анализ дискурса нацелен на выявление и демонстрацию того, каким образом посредством языка осуществляется социальная, политическая и другие формы власти». Думаю, данный принцип рассмотрение дискурсивной практики целесообразно использовать далее при формировании новых работ научной направленности. Отсылки / цитации к авторитетным именам и исследования показывают системный характер обобщения данных: например, «понятие стратегии можно трактовать, вслед за Т.А. ван Дейком, как «свойство когнитивных планов», которые «представляют собой общую организацию некоторой последовательности действий и включают цель или цели взаимодействий» [3, с. 272]. Если данные цели достигаются с привлечением языка, речь идет о дискурсивной стратегии, которую можно кратко охарактеризовать как «план, который осуществляется при помощи дискурса» [5, с. 570]. Основным критерием отбора языковых средств в рамках определенной дискурсивной стратегии является их эффективность». Ссылки по ходу статьи унифицированы, серьезная правка излишня. Не мешает автору вычитать еще раз текст полностью, чтобы убрать «изъяны», «грамматические и лексические неточности», типа – «В данном исследовании...» и т.д. Встречается в тексте и тавтологические вариации, они не мешают буквально, понятно, что автор следит за логикой научной наррации, но и их можно устранить: «в данной статье предпринята попытка продемонстрировать, что суждения, высказываемые автором в анализируемом типе статьи, получают преимущественно иррациональное обоснование, что позволяет сделать вывод об осознанном использовании дискурсивной стратегии иррационализации восприятия статьи. Под дискурсивной стратегией иррационализации восприятия статьи, выражающей мнение, будем понимать целенаправленный выбор автором исключительно или преимущественно языковых средств, вербализующих иррационально-аргументируемые оценочные суждения». Статья дробится на т.н. смысловые блоки, данный принцип закономерен. Критическая оценка, должная аналитика, на мой взгляд, выдержана полномерно: в частности, «на примере статьи It's un-British to roll out the red carpet for Donald Trump британского издания The Guardian от 2 июня 2019 года проиллюстрируем языковые приемы, с помощью которых автор, мэр Лондона Садик Хан, реализует дискурсивную стратегию иррационализации восприятия статьи. Мнение, выраженное в данной статье, репрезентировано в заглавии. Автор считает, что «встречать Дональда Трампа "со всеми почестями" во время его официального визита в Великобританию — не по-британски». Данное мнение является оценочным суждением, что проявляется в употреблении прилагательного un-British. Можно предположить, что

все, что «un-British» — плохо для британцев» и т.д. Некоторые позиции, думаю, можно расширить / проанализировать точнее далее (в новых исследованиях): например, «Перечень неправильных политических поступков Трампа выстраивается по принципу возрастающей градации и начинается достаточно сдержанно с одобрения обеих сторон антирасистских маршей: «Praising the “very fine people on both sides”», а заканчивается обвинением во лжи широкой общественности: «Lying deliberately and repeatedly to the public». Структуризация списка по степени нарастания негативного характера поступков позволяет автору довести сознание читателя до нужного эмоционального состояния резкого неприятия позиции Трампа, ведь неизвестно, какие еще поступки можно ожидать от него» и т.д. Основной набор терминов, который используется автором, унифицирован, серьезных разночтений не выявлено. Выводы по тексту логичны, соотношение с основной частью налицо. Небольшая правка необходима в библиографическом блоке, единый принцип оформления стоит все же соблюсти. После указанных доработок статья «Дискурсивная стратегия иррационализации восприятия англоязычной статьи, выражающей мнение» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Дискурсивная стратегия иррационализации восприятия англоязычной статьи, выражающей мнение», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению особенностей англоязычного дискурса. Актуальность данного исследования обуславливается важностью изучения наиболее эффективных языковых средств убеждения читателя в необходимости принятия определенного решения или совершения поступка, активизирующих преимущественно иррациональные формы человеческого мышления.

Предметом исследования в данной статье является дискурсивная стратегия, реализуемая в англоязычной статье, выражающей мнение (opinion article).

Работа выполнена на материале английского языка. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Практическим материалом данного исследования явились текст статьи It's un-British to roll out the red carpet for Donald Trump британского издания The Guardian от 2 июня 2019 года. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Для решения исследовательских задач в статье использовались как общенаучные методы, так лингвистические. В данной работе используются такие методы исследования, как концептуальный анализ, сопоставительный анализ и корпусное исследование. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены

выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 13 источников, среди которых представлены труды как отечественных ученых, так и зарубежных лингвистов. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. Считаем, что большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по стилистике, теории дискурса, а также в практике преподавания курса английского языка. Статья «Дискурсивная стратегия иррационализации восприятия англоязычной статьи, выражающей мнение» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

The name of educational institutions in the pedagogical discourse of F. A. Vigdorova (based on the works of 1950-1960)

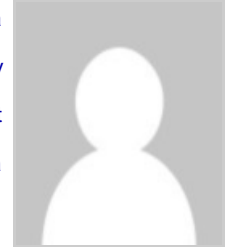
Kulicheva Evgeniya Vyacheslavovna

PhD in Philology

State University of Enlightenment

24 Vera Voloshina str., Mytishchi, Moscow region, 141014, Russia

✉ evgeniyao_86@mail.ru

Abstract. The object is the prose of 1950-1960 by F. A. Vigdorova. The subject is the words representing the concept of "EDUCATIONAL INSTITUTIONS". The aim is to identify the role of the names of educational institutions in the pedagogical discourse of F. A. Vigdorova (based on the material of the prose of 1950-1960). Methods: linguistic observation, description, interpretation, statistical calculation, elements of component analysis. It is established that the lexical and semantic field of the concept "EDUCATIONAL INSTITUTIONS" consists of lexical and semantic groups (LSG): LSG "Secondary educational institutions", LSG "Secondary specialized educational institutions", LSG "Higher educational institutions". The first LSG is the most frequent, which indicates its special importance in the mental and linguistic complex of the linguistic personality of F. A. Vigdorova, broadcasting the pedagogical views of the writer, in particular, about the key role of school in the formation of a child's personality. However, no less important are the second and third LSGs, expressing the pragmatic, moral, ideological, and social attitudes of F. A. Vigdorova. The relevance of the article is due to the interest of scientists in considering the concept of "EDUCATION"; referring to the role of the names of educational institutions in the pedagogical discourse of the writer in forming ideas about the peculiarities of a certain fragment of the linguistic picture of the world by F. A. Vigdorova; researching the language of works F. A. Vigdorova from the point of view of the anthropocentric approach, its lack of study, makes the novelty of the work. The results of allow us to expand our understanding of the specifics of F. A. Vigdorova's worldview, the features of her conceptual sphere, and identify the leading features of the writer's idiosyncrasy in prose of the 1950s and 1960s.

Keywords: idiostyle, The linguistic of the world, Pedagogical discourse, University, College, School, Education, Polysemant, Lexeme, Concept

References (transliterated)

1. Bazhenova E. A., Shenkman V. I. Nominativnoe pole kontsepta ShKOLA // Vestnik Permskogo universiteta. Vyp. 4(24). 2013. S. 91-97.
2. Vigdorova F. A. «Doroga v zhizn'» [Elektronnyi resurs]. URL: <https://litmir.club/br/?b=29505> (data obrashcheniya: 05.02.2024).
3. Vigdorova F. A. «Lyubimaya ulitsa» [Elektronnyi resurs]. URL: <https://litmir.club/bd/?b=250197> (data obrashcheniya: 05.02.2024).
4. Vigdorova F. A. «Semeinoe schast'e» [Elektronnyi resurs]. URL: <https://litmir.club/bd/?b=55152> (data obrashcheniya: 05.02.2024).
5. Vigdorova F. A. «Chernigovka» [Elektronnyi resurs]. URL: <https://litmir.club/bd/?>

- b=29504 (data obrashcheniya: 05.02.2024).
6. Vigdorova F. A. «Eto moi dom» [Elektronnyi resurs]. URL: <https://litmir.club/bd/?b=29507> (data obrashcheniya: 05.02.2024).
 7. Voloshina S. V. Kontsept «OBRAZOVANIE» v rechevom zhanre avtobiografii // Kommunikativnye issledovaniya. 2021. T. 8. № 4. S. 734-750.
 8. Evgen'eva A. P. Malyi akademicheskii slovar'. M.: Institut russkogo yazyka Akademii nauk SSSR, 1957–1984. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas> (data obrashcheniya: 05.02.2024).
 9. Evgen'eva A. P. Malyi akademicheskii slovar'. M.: Institut russkogo yazyka Akademii nauk SSSR, 1957–1984. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/mas> (data obrashcheniya: 05.02.2024).
 10. Koltakova S. V., Nerovnaya N. A. Makrostruktura kontsepta «ShKOLA» v yazykovom soznanii shkol'nikov nachal'nogo i srednego zvena // Sopostavitel'nye issledovaniya 2022. Voronezh, 2022. S. 83-87.
 11. Kuznetsova N. A. Struktura kontsepta Shkola v tvorchestve L. N. Tolstogo // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2011. № 2. S. 487-491.
 12. Ledeneva V. V. Kraski predikatnoi leksiki v opisani (V. M. Peskov «Zhar-ptitsa») // Problemy kontseptualizatsii deistvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoi kartiny mira [Elektronnyi resurs]: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 10. Moskva; Severodvinsk; Kirov: Izd-vo MTsITO, 2021. S. 282-287.
 13. Minibaeva S. V., Timofeeva E. V. Tekstovoe predstavlenie kontsepta «ShKOLA» v russkoi literature XX–XXI vekov // Kazanskaya nauka. 2021. № 2. S. 51-53.
 14. Orlova O. G. Lingvokul'turnyi kontsept «OBRAZOVANIE» i ego tsennostnaya sostavlyayushchaya // Upravlenie kachestvom obrazovaniya: teoriya i praktika effektivnogo administrirovaniya. 2023. № 2. S. 58-69.
 15. Tolochko O. V. Obraz kak sostavlyayushchaya kontsepta Shkola // Yazykovaya lichnost': problemy lingvokul'turologii i funktsional'noi semantiki. Volgograd: Peremena, 1999. S. 178-181.
 16. Uchaikina E. V. Leksiko-frazeologicheskaya reprezentatsiya kontsepta Universitet v tekstakh vospominanii: dis. k. filol. n. Mytishchi: FGBOU VO «Gosudarstvennyi universitet prosveshcheniya», 2023. S. 182.
 17. Ushakov D.N. Tolkovy slovar' [Elektronnyi resurs]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (data obrashcheniya: 05.02.2024).

Metaphorical image “star” and its varied conceptual interpretation (based on the material of the Russian and French languages)

Todosienko Zarrina Vladislavovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages of Humanitarian Faculties, Ufa University of Science and Technology

450076, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32, room 338

✉ venusjupiter@mail.ru

Bryleva Roza Filaritovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages of Humanitarian Faculties, Ufa University of Science and Technology

450076, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi str., 32, room 338

✉ rozabryleva@yandex.ru

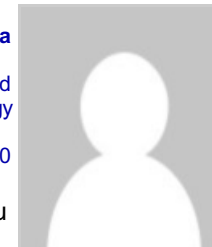

Vorob'yova Ol'ga Vladimirovna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages of Humanities Faculties; Ufa University of Science and Technology

450096, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Komsomolskaya str., 153, sq. 10

✉ olga_vorob2@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the metaphorical image of a star in Russian and French language pictures of the world. The material for the study was Russian and French fiction, as well as religious texts, in order to identify its various conceptual interpretations. Using the analysis of sources from both cultures, the differences and similarities in the semantics of this metaphorical image are compared and analyzed. The scientific novelty of the study lies in the fact that during the comparative analysis it was discovered that the metaphorical image of a star in different texts is transformed through various concepts (the sphere of physiological state, religious, existential, animate spheres). Such a comparison allows us to more deeply understand the specifics of the formation of metaphorical transference in general in different cultures.

The purpose of this study is to study the manifestation and behavior of the metaphorical image of a star in texts of various origins within the framework of a cultural context in the Russian and French languages. The relevance of this work lies in the fact that the study of the rich metaphorical image of a star is significant for understanding cultural, literary and ethnic aspects.

This study examines in detail the metaphorical image of "star" and its conceptual interpretation in various cultural contexts. During the analysis, comparative research, corpus analysis method, continuous sampling method, and cognitive analysis are used. Particular attention is paid to the method of comparative study of metaphorical transfers of the image "star" in the Russian and French languages. The research methodology is based on the theory of conceptual metaphor and on the analysis of texts of various origins: religious texts of Orthodox akathists, canons, texts of Russian and French fiction.

Keywords: semantics, cognitive linguistics, national cultural specifics, linguistic picture of the world, metaphorical transfer, conceptual sphere, concept, metaphor, metaphorical image, cultural approach

References (transliterated)

1. Akafistnik «Vsyakoe dykhanie da khvalit Gospoda». – M.: ООО «Dukhovnoe preobrazhenie», 2016. – 864 s.
2. Bakirova A. A. Simvolicheskie priznaki kontsepta zvezda v sovremennoi russkoi poezii / A. A. Bakirova, M. V. Pimenova // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2020. – № 1(144). – S. 152-159.
3. Bil' O. N. Metaforicheskoe ispol'zovanie kosmicheskikh obrazov v poeticheskom slove K. Bal'monta, V. Bryusova, M. Voloshina, N. Gumileva / O. N. Bil' // Sovremennaya

filologiya: sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya : monografiya. – Petrozavodsk : Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka» (IP Ivanovskaya Irina Igorevna), 2020. – S. 108-122.

4. Kiseleva L. A., Todosienko Z. V., Lukmanova R. R., Kuular E. M. Metafora kak sredstvo vizualizatsii ob"ekta naimenovaniya v mediatekstakh (na materiale russkogo, angliiskogo, tatarskogo i tuvinskogo yazykov) // Novye issledovaniya Tuvy. 2022. No 4. S. 243-256. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.4.18>
5. Latypova Yu.A. Kontseptual'naya metafora v politicheskom diskurse Dzho Baidena // «Teoriya i praktika sovremennoi nauki» mezhd.nauchn.-prakt. zhurnal №12 (66) 2020 Institut upravleniya i sotsial'no-ekonomicheskogo. 2020. URL: https://f5f7e10c-a5dd-471b-96cb-d1595326738e.filesusr.com/ugd/b06fdc_80767b868f084a4ab24e0c485881c773.pdf?index=true
6. Moskvina V.P. Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoi teorii. Izd. 2-e M.: LENAND, 2006. – 184 s.
7. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <https://ruscorpora.ru/>
8. Natsional'nyi korpus frantsuzskogo yazyka. URL: <https://www.cnrtl.fr/>
9. Pirogova M.N. Kontsept «zvezda» v russkom fol'klore i literature (na materiale tekstov zagovorno-zaklinatel'noi poezii i proizvedenii I. A. Bunina): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.09 / Mariya Nikolaevna Pirogova. Ul'yanovsk, 2011. 20 s.
10. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / pod red. V. I. Chernysheva, S. P. Obnorskogo, V. V. Vinogradova. Tom 4. M.-L.: izd-vo A N SSSR. 1955. – S. 1133-1136.
11. Bralic V. M. The Detour of Metaphor: Metaphor, Concept, and Strategy in Althusser and Derrida // Derrida Today. – 2022. – Vol. 15, No. 1. – P. 48-66. – DOI: 10.3366/drt.2022.0275.
12. Cienki A. Analysing metaphor in gesture: A set of metaphor identification guidelines for gesture (MIG-G) // The Routledge Handbook of Metaphor and Language, 2016. – P. 131-147. – DOI: 10.4324/9781315672953.
13. Coll-Florit M. Metaphor repositories: the case of the mental health metaphor dictionary / M. Coll-Florit, S. Climent // Digital Scholarship in the Humanities. – 2023. – Vol. 38, No. 4. – P. 1440-1452. – DOI: 10.1093/llc/fqad058.
14. Le Petit Robert [elektronnyi resurs]: entsiklopedicheskii slovar' frantsuzskogo yazyka onlain. URL: <https://www.lerobert.com/dictionnaires>

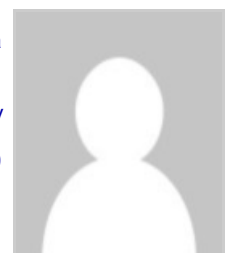
Lexical pragmatic indicators of conflictogenicity in the light of the manifestation of national communication style (based on Mexican and US mass media)

Davyants Irina Igorevna

Senior Lecturer; Department of Ibero-American Studies in the Field of Language, Translation and Intercultural Communication; Southern Federal University

344037, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42, office 310

✉ 4283953@gmail.com

Abstract. The lexical pragmatic indicators of conflictogenicity peculiar to Mexican and US media discourse were selected by means of a continuous sampling method from the articles

published in 2021-2024 in American (CNN, The Fox News, The New York Times, The New York Post, Los Angeles Times - 100 articles) and Mexican (La Jornada, La Opinion, Excélsior, El Universal, El Milenio - 100 articles) online newspapers. All the analyzed articles are devoted to the migration crisis, which is a common problem of these countries. For the first time, the correlation between the conflict potential index of the text, the density of linguoconflictogens used and the peculiarities of the linguoculture of the ethnic group was established. According to the results, Mexican mass media is characterized by a significantly lower conflict potential index of the text compared to US publications: the density of the lexical pragmatic indicators of the conflict potential is not only lower but in fact lexical units with strong negative semantics are rarely used. The authors of Mexican online publications avoid using such stylistic means of "situation pumping" as hyperbolisation which is so common for US mass media. Metaphors are practically not used in Mexican press either. It is important to note that while the American media discourse is dominated by the extremely negative image of migrants as criminals and terrorists, the Mexican media presents two different types of migrants: the rich arrogant white-skinned trouble-provoking alien and the Latino brother who needs help and protection. The study's perspectives include a comparison of the conflict potential index of user-generated content in these countries and the compilation of a typology of the lexical pragmatic indicators of the conflict potential used.

Keywords: media discourse, lexical pragmatic indicators, migrant, international migration, we-they opposition, migration crisis, linguoconflictogenes density, conflict potential index, linguoconflictogenes, national communication style

References (transliterated)

1. Abkadyrova I. R. Slova-realii i ikh rol' v protsesse aktualizatsii i modelirovaniya meksikanskogo natsional'nogo kommunikativnogo stilya (na materiale sovremennoi prozy): avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.00. Voronezh. 2017.
2. Belous N. A., Oskolkova N. V. Konfliktnyi diskurs vs konfliktnyi tekst // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2007. № 4-2. S. 96-107.
3. Gryaznova Yu. G. Konfliktogennost' mezhpokolennogo vzaimodeistviya v kul'ture sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2011. № 2. S. 42-47.
4. Gudina O. A. Osobennosti amerikanskoi delovoi kommunikatsii // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2010. № 8. S. 196-199.
5. Guseva I. V. Natsional'no-obuslovlennaya leksika kak kul'turoobrazuyushchii faktor formirovaniya meksikanskoi yazykovoi lichnosti: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. M. 2013.
6. Ivanova E. V. Arkhetipicheskii kontsept v yazyke i tekste // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 6. S. 181-190.
7. Komalova L. R. Yazyk vrazhdy v publichnom diskurse Interneta // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyi zhurnal. 2021. № 2. S. 92-118.
8. Kostyaev A. P. Diskursivnye markery verbal'noi agressii v professional'noi kommunikatsii // Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Mir lingvistiki i kommunikatsii». Tver': TGSKhA, TIPLiMK, 2010. № 2(19). Rezhim dostupa: <http://www.tverlingua.ru>
9. Kramkova O. V. Yazykovye i pragmaticheskie faktory konfliktogennosti // Vestnik

- Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2011. № 6-2. S. 332-335.
10. Leonov N. I. Konfliktologiya: Ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta. 2006.
 11. Lippman U. Obshchestvennoe mnenie / Per. s angl. T. V. Barchunovoi. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie». 2004.
 12. Mirimanova M. S. Konfliktologiya. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 2004.
 13. Mishchenko V. I. Konfliktogennost' lichnosti kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya // Vestnik Taganrofskogo instituta imeni A.P. Chekhova. 2020. № 1. S. 89-93.
 14. Perov E. V. Perova M. B. Kontseptsiya konfliktogennosti obshchestva // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2014. № 12(72). S. 43.
 15. Putina O. N. Lingvokonfliktogennost' kak parametr natsional'nogo stilya verbal'noi kommunikatsii (na primere diskursivnykh markerov) // Migratsionnaya lingvistika. 2020. № 2. S. 70-78.
 16. Rezhuk Z. V. Shiryayeva-Shiring O. V. K voprosu o konfliktogennom potentsiale zhargonnoi leksiki v sovremennom mediadiskurse // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. 2023. T. 14. № 1.
 17. Tret'yakova V. S. Rechevaya konfliktologiya: problemy, zadachi, perspektivy // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1(292). S. 279-282.
 18. Tubalova I. V. Emer Yu. A. Konfliktnyi tekst v ustnoi i virtual'noi povsednevnoi kommunikatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 377. S. 30-35.
 19. Chesnokova O. S. Otrazhenie yazykovoi kartiny mira v razvitii leksicheskoi sistemy meksikanskogo natsional'nogo varianta ispanskogo yazyka: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. M., 2006.
 20. Al-Hafizh M. Faruk F. Juliasih J. Modern racism: binary opposition of black and white in the novels of Jacqueline Woodson // Lingua Didaktika: Jurnal Bahasa Dan Pembelajaran Bahasa. 2016. №10 (1).
 21. Dijk T. A. van. Discourse and Racism. Discourse & Society. 1999. Rezhim dostupa: https://www.academia.edu/19984991/Discourse_and_Racism
 22. Hall E. Beyond Culture. 1976. Rezhim dostupa: https://monoskop.org/images/6/60/Hall_Edward_T_Beyond_Culture.pdf
 23. Hall E. The Hidden Dimension. 1960. Rezhim dostupa: https://www.academia.edu/5668023/Edward_T._Hall-_The_Hidden_Dimension
 24. Hall S. Critcher Ch. Jefferson T., Clarke J., Roberts B. Policing the Crisis: Mugging, the State, and Law and Order (Critical Social Studies). Palgrave. 1978.
 25. Llorca C. M. El discurso que construye al "Otro": prensa e interculturalidad en la España actual // "Problemas actuales de la Filología en el espacio Hispano-Ruso del Conocimiento": actas oficiales de la Conferencia Científico-Practica Internacional 22-24 septiembre de 2011. Cádiz: Universidad de Cádiz. 2014. Pp. 353-362.
 26. Narváez J. H. Vicinity violence, social tension as humanitarian crisis // Revista Tesis Psicológica. 2013. №8 (1).
 27. Scheu-Lottgen U. D. Hernandez-Campoy J. M. An analysis of sociocultural miscommunication: English, Spanish and German // International Journal of Intercultural Relations. 1998. 22 (4). Pp. 375-394.
 28. Smith J. Reputation, social identity and social conflict, Working papers. Department of Economics. Rutgers. The State University of New Jersey. 2007. №09.

29. Varona F. Vaahterikko-Mejia P., Perez M. Diferencias en el estilo de comunicación entre empleados finlandeses y mexicanos cuando se comunican con sus jefes: un estudio comparativo // *Organicom*. June 2007.
30. Wieviorka M. Social conflict // *Current Sociology Review*. 2013.

The pragmalinguistic nature of the grammatical unification of lexico-semantic groups

Matveeva Galina Grigor'evna

Doctor of Philology

Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

34000, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Gagarin str., 1

✉ gegemat2337633@rambler.ru

Myasisheva Marina Alekseevna

Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

34000, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Gagarin str., 1, office 8603a

✉ myasisheva.marine@yandex.ru

Belanova Fotina Mihailovna

Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

34000, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Gagarin str., 1

✉ tina-rostov@mail.ru

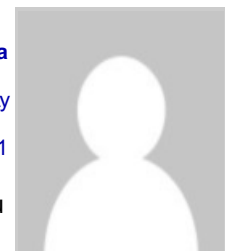

Alyeva Marina Yul'evna

Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

34000, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Gagarin str., 1

✉ maryna.alyaeva@yandex.ru

Abstract. The article examines from the standpoint of pragmalinguistics the phenomenon of grammatical unification of final morphemes based on the material of lexico-semantic groups of various languages, which is the subject of this study. The authors conduct a comparative study of lexico-semantic groups by professional activity, lexico-semantic groups combining verbs from the field of computer vocabulary, etc. The main purpose of the study is to confirm the pragmatic nature of the grammatical unification of lexico-semantic groups given in the collective experience of native speakers of national languages. The purpose defines the objectives of the study: to explore the experience of studying the topic of this study, to explore the possibility of an intuitive choice of final morphemes by the speaker by analogy with the model existing in collective speech experience, as well as to prove this on the basis of comparative analysis. Comparative study of the finitive elements of lexico-semantic groups is complemented by pragmalinguistic methods. The methods suggest identifying the personal meaning of a statement obtained using groups by comparing different levels of meaning and identifying common to collective thinking, i.e. national models. The contextual meaning, in this case, is revealed as a semiotic model of the entire group. The study addresses the issue

of internationalization of the mechanism of formation of lexical and semantic models from the perspective of collective experience of using units, which is new for linguistic pragmatics. The analysis of cultural and linguistic models of the formation of the names of the days of the week is carried out. The results of the study using the comparative method within the framework of the pragmlinguistic approach allow the authors to assume the universality of the tendency to use word-formation morphemes existing in the language when new lexemes appear in lexico-semantic groups. The examples of lexico-semantic groups considered on various national linguistic material, analyzed within the framework of a pragmatic-functional approach using a comparative method, allow us to determine the universal tendency of using word-formation models in the language when new lexemes appear in lexico-semantic groups, regardless of the specifics of the cultural code.

Keywords: pragmatics of linguistic units, semiotics, cultural code, Romance languages, word morpheme, grammatical unification, lexico-semantic group, comparative method, pragmlinguistics, hidden pragmlinguistics

References (transliterated)

1. Matveeva G. G., Samarina I. V., Seliverstova L. N. Dva napravleniya v sovremennoi pragmlingvistike // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. 2009. № 1-2.
2. Sakharova E.E. Strategii v rechevom povedenii otpravatelya soobshcheniya // Russian Linguistic Bulletin. 2021. №2 (26).
3. Khristianova N.V., Katsitadze I.M., Dzyubenko A.I. Issledovanie prichinnykh vyskazyvaniy s pozitsii funktsional'noi i skrytoi pragmlingvistiki // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. №3.
4. Bagdasaryan T. M. Pragmlingvistika (rechevoe povedenie) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. №3-3 (69).
5. Ivlieva E. A. Osobennosti affiksalykh sposobov slovoobrazovaniya v ispanskoi komp'yuternoi terminologii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. №2-2 (56).
6. Tsutahara, R. Los nombres en-dor y-nte y causatividad. // Estudios Interlingüísticos. – 2014 – №2. – P. 149-161.
7. Petrova G.V. Nazvaniya dnei nedeli v portugal'skom yazyke. Kul'turnyi shok? // Romanskie yazyki i kul'tury: ot antichnosti do sovremennosti. VI mezhdunarodnaya konferentsiya romanistov. 30.11-1.12.2011g. Moskva. Sbornik materialov. – M.: 2011.
8. Tuichieva, M. Ch. Leksiko-semanticheskie osobennosti sovremennogo ispanskogo yazyka v latinskoj amerike // ORIENSS. 2022. №6.
9. Kravtsova K.I. Osobennosti leksiki sovremennogo ispanskogo yazyka s uchetom natsional'no-kul'turnoi spetsifiki // Vestnik nauki. 2023. №5 (62).
10. Kravchenko E.V. Leksiko-semanticheskie sposoby formirovaniya terminov v sfere meditsiny na materiale ispanskikh SMI // Vestnik nauki. 2023. №7 (64).
11. Ekonomova A. D. Pragmlingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie potentsialy pragmatonimikona // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2024. №1.
12. Bogdanova E. A., Kotenyatkina I. B. O meste i roli lokalizmov v sisteme natsional'nogo yazyka // Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika. 2024. №1.
13. Gornostaeva Yu.A., Kolesnikova Yu.S. Mul'timodal'nye markery perezhivaniya gendernogo neravenstva v ustnom ispanoyazychnom diskurse // Vestnik VGU. Seriya:

- Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2024. №1.
14. Il'ina M. G. Pragmaticheskie i strukturno-organizuyushchie funktsii vvodnykh komponentov (na materiale frantsuzskogo yazyka) // SibSkript. 2013. №2 (54).
 15. Bocharov E. V. Rechevye taktiki strategii samoreprezentatsii v institutsional'noi kommunikatsii (na materiale vystuplenii na 73-i sessii General'noi Assamblei OON) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2024. №2 (883).
 16. Tunitskaya E. L. Kategoriya litsa v akte rechi: sopostavlenie frantsuzskogo i russkogo yazykov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2024. №1 (882).
 17. Chervonyi A. M. Tipy semanticheskogo sub"ekta i ego formal'nye transformatsii // Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki. 2012. №10.
 18. Guseva O. A., Popova E. A. Stanovlenie semantiki glagolov placha v angliiskom i ispanskoy yazykakh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. №7 (875).
 19. Titarenko N. V. Osnovnye yavleniya v grammatike sovremennogo ispanskogo yazyka // Izvestiya VGPU. 2022. №9 (172).
 20. Zelikov M. V., Ivanova A. V. Paradigma modeli s glagolami obladaniya v iberoromanskikh yazykakh na materiale korpusnykh dannykh // Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura. 2023. №1.

Regional news media discourse: the experience of communicative and pragmatic analysis of text chains

Rogaleva Olga Sergeevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Journalism and Media Linguistics, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

55a Mira str., office 116, Omsk region, 644077, Russia

✉ olga_rogaleva78@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the peculiarities of the structure of the regional news discourse – the discourse of Omsk and the Omsk region. The text-centric approach made it possible to identify in the regional news discourse a structural unit larger than the text – the text chain. The architecture of the regional news media discourse is considered as a set of continuous messages, or chains of texts. A number of chronologically ordered events fit into discursive plots, "discursive fragments" combined semantically and functionally. At the same time, "in the development of each information story, it is important to trace the degree of its unfoldment: this will manifest its discoursogenicity (the ability to generate discourse). These text associations – chains – reflect both the specifics of the regional agenda and the communicative and pragmatic features of the news discourse of a particular region. Monitoring of regional Internet news resources made it possible to identify information causes that gave rise to chains of news texts, represented in the regional media discourse in the winter of 2023-2024. The analysis of the regional media space involves relying on a number of methods of discursive and linguistic analysis. The analysis technique is based on a structural approach to the analysis of a "discrete text stream" and involves the allocation of fragments in discourse, "quanta" – larger than the text. Content analysis allows us to identify discourse-forming plots and episodes, characters of the regional media discourse. The discursive plots

and episodes represented in the news discourse of the Omsk region in the winter of 2024 are highlighted. Using the example of the analysis of two discursive plots, it is revealed that the chains of regional news texts are built around information occasions that have gained wide public resonance. As a result of the analysis of empirical material, it was found that the actions and statements of the authorities – the governor and the mayor – can be attributed to the nuclear composite block of news text chains in the regional media discourse. They are inscribed into the journalistic narrative as heroes, actors, and characters. Text chains may vary in volume and intensity. Being open-ended structures, text chains can be extended through collections of readers' comments. Grouping texts by information source made it possible to see the degree of variability in the communicative and pragmatic presentation of the event by news agencies.

Keywords: discursiveness of news, discursive plot, hypertext news, text chain, informational occasion, news, agenda, news discourse, regional media discourse, media regional studies

References (transliterated)

1. Nim E.G. Mediaprostranstvo: osnovnye napravleniya issledovaniy // *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 2013. № 14. S. 31-41.
2. Svitich L.G., Smirnova O.V., Shiryayeva A.A., Shkondin M.V. Funktsional'naya i problemno-tematicheskaya modeli gorodskoi gazety (po itogam oprosa redaktorov i zhurnalistov malykh i srednikh gorodov RF) // *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*. 2014. № 5.
3. Novgorodskoe mediapole: opyty lingvisticheskikh issledovaniy: kollektivnaya monografiya / pod red. T.V. Shmelevoi. Velikii Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, kaf. zhurn., 2015. 223 s.
4. Kaminskaya T.L. Regional'noe mediapole: vektory razvitiya // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 73. T. 1. S. 20-23.
5. Dement'eva K.V. Spetsifika funktsionirovaniya regional'nykh SMI v sovremennykh kommunikativnykh usloviyakh (na primere media Respubliki Mordovii) // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2021. T. 13, vyp.3. S. 118-128. doi:10.17072/2073-6681-2021-3-118-128.
6. Livanova M.V. Regional'nye «gazety vlasti» v mediaprostranstve // *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 2013. № 14. S. 42-49.
7. Egorova L.G. Spetsifika sovremennogo regional'nogo diskursa SMI (na primere pechatnoi pressy Respubliki Krym) // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2018. № 4. S. 615-628. doi: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).615-628
8. Fokina O.A. Regional'naya povestka dnya v obshcherossiiskikh pechatnykh SMI: dis. ... kand. filolog. nauk. Moskva, 2013. 250 s.
9. Novak A.A. Povestka dnya v gosudarstvennykh i chastnykh izdaniyakh gorodov-millionnikov // *Mediascope*. 2018. Vyp. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2424>.
10. Petrova S.S. Tematicheskie dominanty regional'nogo mediapolya // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* 2013. № 73. T. 1. S. 31-33.
11. Parushkina V.B. Informatsionnaya povestka dnya sovremennykh obshchestvenno-politicheskikh gazetnykh izdaniy Stavropol'skogo kraia // *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*. 2010. № 68. S. 122-128.
12. Krasovskaya E.V. Tematicheskie dominanty belorusskikh SMI: pandemiya koronavirusa i politicheskie protesty // *Regional'naya zhurnalistika v novoi kommunikatsionnoi srede: uroki pandemii COVID-19: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-*

- prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Ekaterinburg, 19–20 aprelya 2021 g.). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2021. С. 130-132.
13. Gorchakova O.Yu., Larionova A.V., Aleksandrova Yu.K., Petrov E.Yu. Osobennosti novostnogo diskursa sotsial'no-politicheskoi tematiki na primere regional'nykh novostnykh pablikov v sotsial'noi seti «VKontakte» // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2021. № 3. S. 1-17. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.3.35234 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_35234.html
 14. Dijk van T. A. News as Discourse. Hillsdale: Erlbaum, 1988. 200 s.
 15. Bednarek M., Caple H. News Discourse. London: Continuum International Publishing Group, 2012. 288 s.
 16. Dobrosklonskaya T.G. Novostnoi diskurs kak ob'ekt medialingvisticheskogo analiza // Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noi praktiki i obrazovaniya; aktual'nye problemy sovremennoi medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom. II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya i II Mezhdunarodnyi nauchnyi seminar: sbornik nauchnykh rabot. Pod redaktsiei E.A. Kozhemyakina, A.V. Polonskogo. Belgorod: ID «Belgorod», 2016. S. 13-22.
 17. Kolesnichenko A.V. Kriterii otbora novostei v sovremennykh rossiiskikh SMI // Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Mediascope». 2018. № 3. Rezhim dostupa: <http://www.mediascope.ru/2467>. DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.5 (data obrashcheniya 16.06.2023).
 18. Remchukova E.N., Apostolidi A.A. Maloformatnye mediateksty "novostnogo potoka" v fokuse lingvistiki: zhanrovye i yazykovye osobennosti // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. № 3. С. 651-668.
 19. Vorontsova T.A., Koval'chukova M.A. Obraz sobytiya v novostnom Internet-diskurse // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2015. № 3. S. 102-108.
 20. Dobrosklonskaya T.G. Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya. 2020. 180 s.
 21. Negryshev A.A. Dostovernost' novostnogo mediateksta: opyt makrostrukturnogo analiza // Medialingvistika. 2021. № 8 (1). S. 4-22. DOI: 10.21638/spbu22.2021.101
 22. Duskaeva L.R. Lingvisticheskaya arkhitektura giperteksta novosti // Slavyanskii mir i natsional'naya rechevaya kul'tura v sovremennoi kommunikatsii: sb. nauch. tr. Grodno: GrGU, 2018. S. 49-53.
 23. Bolotnov A.V. Informatsionnye volny i ikh tipy v sovremennom mediadiskurse: k postanovke problemy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 6 (159). S. 102-106.
 24. Basovskaya E.N. Diskursivnaya glubina kak tipologicheskii priznak mediateksta // Diskurs-Pi. 2020. № 1 (38). S. 21-33. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10102
 25. Shmeleva T.V. Diskurs i issledovatel'skii instrumentarii medialingvistiki // Nauchnye vedomosti. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2012. № 18 (137). Vyp. 15. S. 157-163.
 26. Lashchuk O.R. «Tsepnoi» metod osveshcheniya dlyashchikhsya sobytii v novostnykh materialakh agentstva LENTA.RU // Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii. 2013. № 6.

Peculiarities of Functioning of Macaronisms in the Light of Language Integration (on the Example of German Publicistic Texts)

Abstract. The subject of this article is the peculiarities of the contextual use of Anglo-American loanwords in German journalistic texts. The aim of this article is to identify and analyse their specificity of functioning in word-formation, grammatical-morphological and thematic-conceptual aspects on the material of publications in the German-language magazine and Internet portal "Der Spiegel" in the period of 2022-2023. The study uses contextual analysis, descriptive method and classification method in typologising foreign language borrowings. The method of structural semantic analysis served to investigate lexical units in the issues of the magazine. The method of component analysis was applied in the work to study individual morphemes of the card index units, and the method of quantitative analysis – to establish the ratio within the borrowed material. The novelty of the study lies in the confirmation of the fact that the peculiarities of the use of hybrid anglicisms in German described in the article from the point of view of their word-formation models, grammatical-morphological and thematic-conceptual aspects clarify the existing ideas about the current state of the vocabulary of native speakers of this language, the systematisation of which is of particular importance for the further study of German lexicology, the linguistic landscape of Germany and the theory of language interaction. On the basis of the obtained results it was possible to reveal that the introduction of Anglo-American words into German and the emergence of such a linguistic phenomenon as "Denglisch", their use in speech is ambiguous and is accompanied by different ways of assimilation, namely by likening them to word-formation models and grammatical rules of the new language system. The vocabulary borrowed from English has its wide distribution in different spheres of life: from sports to economic.

Keywords: thematic and conceptual aspect, grammatical and morphological features, word-formation models, assimilation, German language, publicistic texts, Denglisch, hybrid anglicisms, macaronisms, functioning

References (transliterated)

1. Pugina K. A. Osobennosti assimilyatsii anglitsizmov v nemetskom i russkom yazykakh (na materiale zhurnal'nykh statei) // Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: sbornik materialov VIII (XXII) Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh (15–17 aprelya 2021 g.). Tomsk, 2021. №. 22. S. 232–235.
2. Shchelok T. I. Anglitsizmy v nemetskoyazychnykh molodezhnykh zhurnalakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 2. S. 218–222.
3. Nos N. I. Ispol'zovanie anglitsizmov i ital'yanizmov v yazyke nemetskoj reklamy // Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal. 2017. № 8. S. 17–21.
4. Muhr R., Kettemann B. (2002) Der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende. Peter Lang Verlag. Wien u.a. 2002. 236 S.
5. Shilintsev A. Yu., Abakumova M. V. Denglisch kak rezul'tat anglo-amerikanizatsii nemetskogo yazyka: perevodcheskii aspekt (na materiale perevodov angloyazychnykh tekstov) / A. Yu. Shilintsev, M. V. Abakumova // Obshchestvo. Kommunikatsiya.

- Obrazovanie. 2021. № 1. S. 33–45.
6. Shatilova L. M. Stilisticheskie funktsii anglitsizmov v nemetskoj i russkoj presse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 6(72). С. 175–179.
 7. Mikhalk N. Kh. Anglitsizmy v yazyke nemetskikh press-tekstov (na materiale korpusa zhurnala Spiegel): Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / N.Kh. Mikhalk. Ufa, 2015. 223 s.
 8. Karpova N. A. Segmenty psevozaimstvovaniy v sovremennom nemetskom literaturnom yazyke: istoriko-sotsiolingvisticheskie i sistemno-funktsional'nyi aspekty // Nauchnyi zhurnal «Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya». 2020. № 2. S. 18–34.
 9. Nefedova L. A. Aktivnye protsessy v leksike nemetskogo yazyka 2020-2021 gg. // Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk. 2021, № 3. [Elektronnyi resurs] URL: <http://if-mstuca.ru/CE/index.php/100000/linguistics/s12252> (data obrashcheniya 21.09.2023)
 10. De Smet H., Shaw M. Missing link: code-switches, borrowings, and accommodation biases (2024) LINGUISTICS VANGUARD, 25. doi: 10. 1515/lingvan-2023-0088
 11. Bhaskar Harish S. (2023) Conway, in pari delicto, and the adverse interest exception: borrowing from the English. COLUMBIA LAW REVIEW, 123 (2), pp. 435-474.
 12. Zhilyuk S. A. Ispol'zovanie zaimstvovaniy v sisteme nemetskogo slovoobrazovaniya: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / S. A. Zhilyuk. Sankt-Peterburg, 2015. 231 s.
 13. Omel'chenko M. S. Grammaticheskie aspekty assilyatsii anglo-amerikanskikh substantivnykh zaimstvovaniy v nemetskom yazyke // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2010. № 3 (12). S. 112–116.
 14. Schroeter M. The wanderlust of German words and their pragmatic adaptation in English (2021). JOURNAL OF PRAGMATICS, 182, pp. 63-75. doi: 10.1016/j.pragma.2021.06.005
 15. Hilmisdottir H., Huhtamaki M., Karlsson S. Pragmatic borrowing from English (2023). NORDIC JOURNAL OF LINGUISTICS, 46 (3), pp. 1-2. doi: 10. 1017/S0332586523000185
 16. Schaefer Sarah J. Anglicisms in German media: Exploring catachrestic and non-catachrestic innovations in radio station imaging (2019). LINGUA, 221, pp. 72-88. doi: 10.1016/j.lingua.2019.01.002.
 17. Volkova T. I. Tendentsii v protsesse assilyatsii inoyazychnoi leksiki v sovremennom nemetskom yazyke // Uchenye zapiski zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. №2(55). S. 75–83.
 18. Rodriguez Gonzalez F., Knospe S. The variation of calques in European languages, with particular reference to Spanish and German: Main patterns and trends (2019). FOLIA LINGUISTICA, 53 (1), pp. 233-276. doi: 10. 1515/flin-2019-2009
 19. Treffers-Daller J. The Simple View of borrowing and code-switching (2023). International journal of bilingualism, 9. doi: 10.1177/13670069231168535
 20. Krashennikova N. A. Ispol'zovanie sistem mashinnogo perevoda pri rabote s yazykom Denglish // Simbirskii gosudarstvennyi vestnik. 2010. № 2(2). S. 189–194.
 21. Seregina M. A. Denglish: angliiskie zaimstvovaniya v nemetskom yazyke / M. A. Seregina, I. S. Chakhoyan // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2015. № (4–2)35. S. 98–99.
 22. Khromykh A. A. Makaronizmy kak raznovidnost' inoyazychnykh vkraplenii // Vestnik magistratury. 2016. № 9(60). S. 19–21.
 23. Morozova O. N. Angliiskie zaimstvovaniya v sovremennom nemetskom yazyke: lingvodidakticheskii aspekt // Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi

Comparing words with the meaning of "taste" in an emotional image-scheme in Russian, Chinese and English

Jia Junwen

Postgraduate student, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ verajourney01@163.com

Abstract. In Russian, Chinese and English, there is a variety of vocabulary related to taste sensations, which often has a deep figurative meaning. The subject of this study is precisely such a taste vocabulary in the mentioned languages. The object of the research is cognitive metaphors of key taste words, which are used in creating emotional images-schemes. The aim of the study is to study and compare the similarities and differences in the use of cognitive metaphors for the most important taste words in emotional images—schemes typical of Russian, Chinese and English languages. The main task of the study is to analyze the ways of metaphorical representation of taste vocabulary in these emotional images-schemes and identify the unique features of each language in the context of this topic. The research methods are comparative analysis and the corpus method, which allows you to analyze the use of language in large text collections. The novelty of this study lies in the development of a methodology for the analysis of emotional images-schemes associated with taste words. The study shows that in Russian, Chinese and English there is a high degree of similarity in cognitive schemas for the taste words "sour" and "sweet", which most often have a similar emotional image-scheme and are located at opposite ends of the image-scheme "LINE". However, there are differences in the words "bitter" and "acute": in English, both words usually have a negative meaning, in Russian "bitter" is mostly negatively colored, and "acute" can be both negative and positive. In Chinese, both the words "bitter" and "spicy" can have both positive and negative meanings. The metaphorical representation of taste words in an emotional image-scheme helps to make the metaphorical transfer of abstract taste words more concrete and visual, which makes it possible to better understand the differences and similarities in the translation of taste sensations in different languages.

Keywords: line, English, Chinese, Russian, taste, emotion, image-scheme, figurative meaning, metaphor, imagery

References (transliterated)

1. Leikoff G. Kartografirovaniye metaforicheskikh tsepei mozga: metaforicheskoe myshlenie v povsednevnom rassuzhdenii // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2014. Tom 8, № 958. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00958>
2. Leikoff G. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii raskryvayut o razume. Chikago: Izdatel'stvo Universiteta Chikago, 1987.
3. Leikoff G., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. Chikago, Illinois; London: Izdatel'stvo Universiteta Chikago, 2003.
4. Landau B., Dzhekendoff R. "Chto" i "gde" v prostranstvennom yazyke i prostranstvennom myshlenii // *Behavioral and Brain Sciences*. 1993. Tom 16, № 2. S. 217–238.

5. Palmer G.B. K teorii kul'turnoi lingvistiki. Ostin: Izdatel'stvo Universiteta Tekhasa, 1999.

Ethnosemiotics of color meanings in the work of the Khanty poet V. S. Voldin

Kashkareva Alena Petrovna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University

628405, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, Surgut, ul. 50 Let Vksm, 10/2, room 408

✉ alynochka_6@mail.ru

Safonova Natalia Nikolaevna

PhD in Philology

Ph.D. (Philology), Academic Title of Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University

3/1 Proletarsky Prospekt str., Surgut, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, 628405, Russia

✉ alynochka_6@mail.ru

Abstract. The article describes the ethnosemiotic features of the use of color meanings in the work of the Khanty poet Vladimir Semyonovich Voldin. Based on the material of works from the collection of V. S. Voldin "So Molupsi: poems in Khanty and Russian languages" (1998), the dependence of the color meanings chosen by the artist on the constants of national culture contained in the images of the Upper – Middle – Lower worlds and the associated color triad of white – red – black is proved. The paper attempts to comprehend the originality of the work of Voldin, the poet of Ugra, in whose poetic texts the symbolic ambiguity of coloratives is explained by the normative and value orientations of the Khanty people in general and the Khanty man in particular; purely author's color associations; socially and culturally determined factors. The work uses historical-cultural, linguistic-cultural, comparative, descriptive methods, techniques of continuous sampling, contextual analysis, comparison, generalization, classification, systematization of material, as well as the technique of component analysis of color values.

V.S. Voldin refers to artists with an amazing fate and great talent. Life itself in all its manifestations has become a source of creative activity and poetic inspiration for the author. The lyrical space of Vladimir Semyonovich Voldin reflects the features of the culture and way of life of the Khanty people, the national flavor of his life is determined. To date, there are no special studies devoted to color values in the works of Vladimir Voldin. Only in some scientific materials mentions the color functioning on the pages of the author's poetry. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the ethnosemiotic analysis of color meanings in V. S. Voldin's poetry is comprehensively presented. The analysis allows us to conclude that V. S. Voldin's lyrical text is hierarchical, with a pronounced everyday, monological consciousness, color meanings more often have functional symbolism. Voldin's color designations are a significant part of the world, the image of northern nature, the image of the Khanty man, they form an integral part of the conceptual sphere of the ethnos.

Keywords: color representation, cultural identity, Yugra, Vladimir Voldin, lyrical text, traditions of the Khanty people, colorative vocabulary, color designation, ethnosemiotics, colour perception

References (transliterated)

1. Abazova K. V. Yazykovaya reprezentatsiya v kabardino-cherkesskom, angliiskom i russkom yazykakh // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2013. S. 27–30.
2. Aipin E. D. Pesni vozrozhdenного naroda: [oчерk o lit. darovaniyakh narodnostei khanty i mansi] // Leninskaya pravda. 1982. Ot 29 aprelya. S. 3.
3. Asmandiyarova R. R. Obraz prirody v poezii khantyiskogo poeta V. S. Voldina // Voldinskie chteniya. Materialy I Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. S. Voldina (19–20 iyunya 2018 g., g. Khanty-Mansiisk – p. Kyshik Khanty-Mansiiskogo raiona). Khanty-Mansiisk: Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk, 2018. S. 57–59.
4. Boltina M. A., Shabasheva E.A. Simvolika tsveta v russkom i angliiskom yazykakh // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2011. № 2. S. 7–12.
5. Voldin B. C. Tak Molupsi: poemы i stikhi na khantyiskom i russkom yazykakh. Khanty-Mansiisk: Poligrafist, 1998. 118 s.
6. Volkova M. G. Sposoby popolneniya leksiko-semanticheskoi gruppy tsveta v raznostrukturnykh yazykakh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. S. 57–61.
7. Gavrilov V.V. «Yugorskii tekst» kak kul'turnyi fenomen: k postanovke problemy // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2021. № 11. S. 67–77. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.11.36710 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_36710.html
8. Gavrilov V. V. Kontseptosfera regional'nogo teksta (na materiale liriki Yu. Shestalova) // Filologicheskii vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. № 1 (13). S. 57–65.
9. Domokosh P. Formirovanie literatur malykh ural'skikh narodov. Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1993. 288 s.
10. Informatsionno-spravochnyi portal «Yugra literaturnaya». URL: <https://ugralit.okrlib.ru/authors/vagatova-voldina-mariya-kuzminichna> (data obrashcheniya: 09.10.2023).
11. Larkovich D. V. «Yugorskii tekst» kak literaturnaya real'nost': k postanovke problemy // Vestnik ugrovedeniya. 2019. № 1. C. 40–52.
12. Lyskova N. A. Filologicheskii analiz proizvedenii V. Voldina / Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. Vyp. 2(17). S. 72–80.
13. Purtova L. G. Onomasticheskoe prostranstvo v tvorchestve Vladimira Semenovicha Voldina // Voldinskie chteniya. Materialy I Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. S. Voldina (19–20 iyunya 2018 g., g. Khanty-Mansiisk – p. Kyshik Khanty-Mansiiskogo raiona). Khanty-Mansiisk: Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk, 2018. S. 54–57.
14. Semenov A. N. Kontsept golos v lirike Vladimira Voldina // Voldinskie chteniya. Materialy I Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. S. Voldina (19–20 iyunya 2018 g., g. Khanty-Mansiisk – p. Kyshik Khanty-Mansiiskogo raiona). Khanty-Mansiisk: Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk, 2018. S. 15–21.
15. Sirotkina T.A. Kontsept Yugra v yazykovoi kartine mira zhitelei regiona // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2023. № 3-2 (54). S. 220–225.

16. Sirotkina T. A. Yugorskii tekst kak ob"ekt filologicheskogo analiza // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2022. № 1. S. 130–136.
17. Sokolova Z. P. Khanty i mansi: vzglyad iz XXI veka. M.: Nauka, 2009. 756 s.
18. Spodina V. I. Tsvet i ego mesto v geosimvolike // Vestnik ugrovedeniya. 2013. № 1 (12). S. 143–156.
19. Syazi V. L. Obraz lesa v poezii Vladimira Semenovicha Voldina // Voldinskie chteniya. Materialy I Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. S. Voldina (19–20 iyunya 2018 g., g. Khanty-Mansiisk – p. Kyshik Khanty-Mansiiskogo raiona). Khanty-Mansiisk: Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk, 2018. S. 50–54.
20. Taligina N. M. Tsvetovaya triada khantov Nizhnego Priob'ya // Narody Severo-Zapadnoi Sibiri. Tomsk: Tom. un-t, 1999. Vyp. 8. S. 92–96.
21. Cheremisina K. P. Sfery sakral'nogo i obyden'nogo v traditsionnoi khantyiskoi kul'ture: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2010. 20 s.
22. Cheremisina K. P. Filosofiya tsvetovospriyatiya v mirovozzrenii khanty // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 328. S. 59–61.
23. Shiyanova A. A. Oboznachenie tsveta v dialektakh khantyiskogo yazyka: struktura i semantika leksicheskikh edinit // Vestnik ugrovedeniya. 2019. № 4. S. 747–755.
24. Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley, CA: University of California Press, 1969. 210 p.
25. Kay P., Berlin B., Maffi L., Merrifield W.R., Cook R.S. The world color survey. Stanford, Calif: CSLI Publications, 2009. URL: <https://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/site/9781575864150.shtml> (data obrashcheniya: 12.04.2019).
26. Regier T., Kay P. Language, thought and colour: Recent developments // Trends Cognitive Sciences. 2006. 10(2). Pp. 51–54.
27. Uusküla M., Bimler D. How Universal Are Focal Colors After All: A Different Methodology. Color Language and Color Categorization. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. Pp. 2–40.
28. Wierzbicka A. The Semantics of Colour: A New Paradigm // Progress in Colour Studies: Volume I. Language and Culture. N.J. Pitchford, C.P. Biggam (Eds.). Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. Pp. 1–24.

Transposition of substantive word forms into the category of adverbs of a collection: steps, signs, limits

Shigurov Viktor Vasil'evich

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

✉ shigurov@mail.ru

Shigurova Tat'yana Alekseevna

Doctor of Cultural Studies

Professor, Department of Culturology and Library and Information Resources, N. P. Ogarev's Mordovia State University

Abstract. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive analysis of the process and result of the functional and functional-semantic transposition of linguistic units from nouns to the class of adverbs. The purpose of the work is to describe the stages and limits of transposition of instrumental case forms of nouns into the category of adverbs of compatibility/collection. The novelty of the approach lies in the use of the technique of oppositional analysis, which made it possible to establish that the degree of departure of different word forms and their groups from nouns and approach to adverbs is different. In certain contextual conditions, the same word form demonstrates, respectively, a core or peripheral noun, a hybrid and a peripheral non-substantive adverb. The indicated stages of the actual grammatical transposition of a word form into the category of adverbs with the semantics of a collection are found within the semantic zone of the original substantive lexeme. The limit of this type of transposition is the stage of peripheral adverbs, representing grammatical homonyms of the original forms of the instrumental case of nouns. It has been revealed that cases of word forms going beyond the semantic zone of the original lexeme during adverbialization are rare. Most often, with functional-semantic adverbialization, metaphorization of the adverbialized noun is observed, creating a favorable basis for its semantic separation from the original lexeme. Groups of nouns have been identified that demonstrate, in typical contexts, different numbers of stages of transposition into adverbs of compatibility. Each stage of adverbialization is determined by the syntactic conditions of speech – the syntagmatic environment of the word form, its functional load. In the zones of the periphery and core of adverbs, proper morphological changes in the structure of linguistic units are recorded.

Keywords: periphery, core, adverb, noun, adverbialization, transposition, grammar, Russian language, zone of hybridity, stage

References (transliterated)

1. Babaitseva V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka. M.: Drofa, 2000. 640 s.
2. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1955. 416 s.
3. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka / RAN, In-t lingv. issled.; gl. red. K.S. Gorbachevich. M.; SPb.: Nauka. T. 4. 2006. 678 s.
4. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka / RAN, In-t lingv. issled.; gl. red. K.S. Gorbachevich. M.; SPb.: Nauka, T. 8. 2007. 839 s.
5. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka / RAN, In-t lingv. issled.; gl. red. A.S. Gerd. M.; SPb.: Nauka, T. 13. 2009. 770 s.
6. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka / RAN, In-t lingv. issled.; gl. red. A.S. Gerd. M.; SPb.: Nauka, T. 14. 2010. 655 s.
7. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka / RAN, In-t lingv. issled.; gl. red. A.S. Gerd. M.; SPb.: Nauka, T. 25. 2019. 728 s.
8. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Ros. akad. nauk, In-t lingvisticheskikh issledovaniy [avt. i ruk. proekta, gl. red. S.A. Kuznetsov]. SPb.: Norint, 2007. 959 s.
9. Bulanin L.L. Trudnye voprosy morfologii. M.: Prosveshchenie, 1976. 208 s.

10. Evtyukhin V.B. Narechie // Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka: Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii Rossiiskoi Federatsii / S.I. Bogdanov, V.B. Evtyukhin, Yu.P. Knyazev i dr. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2013. S. 499–538.
11. Isachenko A.V. Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya. Izd. 2-e. Bratislava: Izd-vo Slovatskoi Akademii nauk, 1965. Ch. 1. 302 s.
12. Kalyakina O.N. Protsess adverbializatsii v sovremennom russkom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. M., 2007. 173 s.
13. Kim O.M. Slovar' grammaticheskikh omonimov russkogo yazyka / O.M. Kim, I.E. Ostrovkina. M.: Astrel'; AST; Ermak, 2004. 842 s.
14. Kravtsov S.M. Konversiya v slovoobrazovanii: uzus i okkazional'nost' / S.M. Kravtsov, A.Yu. Golubeva. Rostov-na-Donu : Izd-vo YuFU, 2016. 170 s.
15. Kurilovich E. Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya // Kurilovich E. Ocherki po lingvistike. M., 1962. S. 57–71.
16. Mel'chuk I. Russkii yazyk v modeli «Smysl – Tekst». Moskva – Vena: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», Venskii slavisticheskii al'manakh, 1995. 682 s.
17. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya 11.05.2024).
18. Orlova O.S. Formirovanie narechii, sootnositel'nykh s tvoritel'nykh padezhom imeni v russkom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ryazan', 1961. 272 s.
19. Russkaya grammatika: V 2 t. M.: Nauka, 1980. T. 1. 783 s.
20. Sovremennyyi russkii yazyk. Chast' II (Morfologiya. Sintaksis) / Pod red. E.M. Galkinai Fedoruk. M.: Izd-vo Moskov. un-ta, 1964. 339 s.
21. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. M.: Progress, 1988. 656 s.
22. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov / RAN. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Otv. red. N.Yu. Shvedova. M.: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», 2007. 1175 s.
23. Uryson E.V. Sintaksicheskaya derivatsiya i «naivnaya» kartina mira // Voprosy yazykoznaniya. 1996. № 4. S. 25–38.
24. Shelyakin M.A. Leksiko-grammaticheskie razryady narechii // Sovremennyyi russkii yazyk: Uchebnik: Fonetika. Leksikologiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Sintaksis. 3-e izd. / L.A. Novikov, L.G. Zubkova, V.V. Ivanov i dr.; Pod obshch. red. L.A. Novikova. SPb.: Izd-vo «Lan'», 2001. S. 572–573.
25. Shigurov V.V. Mestoimenno-chislitel'nyi tip upotrebleniya glagolov: leksika i grammatika // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2002. T. 61. № 2. S. 34–43.
26. Shigurov V.V. Funktsional'naya transpozitsiya prostranstvennykh narechii v imperativno-emotivnye mezhdometiya (na materiale obrazovanii *von*, *proch'*, *doloi*) // Filologicheskie nauki. 2006. № 3. S. 51–62.
27. Shigurov V.V. Dva vektora razvitiya russkogo prichastiya v kontekste predikativatsii i / ili ad'ektivatsii: semantika i grammatika // Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya. 2012. № 3. S. 152–158.
28. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Modalyatsiya deeprichastnykh form glagolov v russkom yazyke: forma, prichina, predposylki // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 2-26. S. 5972–5976.
29. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. T. 3. № 1. Pp. 13–26.
30. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die

Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.

31. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
32. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man in India, 2017, Vol. 97. No 25. Pp. 177–191.

The discourse strategy of irrationalizing the perception of an English-language opinion article

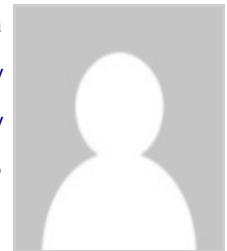
Iurkovskaia Elena Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor, Foreign Languages Department, Irkutsk State Transport University

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Chernyshevsky str., 15

✉ eayur@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the discourse strategy of irrationalizing the perception of an English-language opinion article. It was suggested that the leading intention of the author is an attempt to influence the readers' opinions and behaviour, which contradicts the conventionally recognized purpose of this media genre to express the author's opinion. The author's strategic goal is to select the most effective linguistic means to convince the reader of the need to make a certain decision or perform an action that activates predominantly irrational forms of human thinking. The effectiveness of this strategy depends on the fact that the reader does not realize the author's manipulative intentions. The task of a linguist is to explain this to the readers, thereby developing their critical thinking skills. The study is based on the theory of Critical Discourse Analysis, aimed at identifying and "exposing" manipulative discourse strategies. A discourse strategy means generating discourse as an interconnected sequence of speech acts gradually implementing the discourse producer's intention. The analysis of speech acts forming the opinion article discourse was carried out using the method of calculating speech acts by J. Searle. An attempt has been made to demonstrate the pseudo-assertive and indirectly directive nature of the opinion article. The most effective way to achieve the desired effect is to strategically irrationalize the perception of the article by disguising its directive macro-proposition under an assertive statement and repeating it to create a "no-alternatives opinion" feeling, as well as selecting certain linguistic means actualizing irrational forms of human thinking such as figurative, stereotypical, associative.

Keywords: increasing gradation, antithesis, critical thinking, stereotype, discourse strategy, indirect directive, irrationalization, opinion article, Critical Discourse Analysis, manipulating public opinion

References (transliterated)

1. Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis. Chichester: Wiley Blackwell, 2015. Vol. 1. P. 466-485.
2. Methods of Critical Discourse Analysis / Ed. by R. Wodak & M. Meyer. London: Sage, 2015.
3. Van Dijk T. A. Opinions and ideologies in the press. Paper Round Table on Media Discourse. Cardiff. July 8–10. 1995 // Approaches to Media Discourse. Oxford: Blackwell, 1998. P. 21-63. URL: <https://discourses.org/wp->

content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-1998-Opinions-and-Ideologies-in-the-press.pdf (data obrashcheniya: 10.04.24).

4. Usov S. S., Ulanova K. L., Martsinovskaya V. A., Dmitrieva E. V., Melent'ev A. A. Kriticheskii diskurs-analiz kak marker proyavleniya sotsial'noi praktiki v yazyke // *Sovremennyyi uchenyi*. 2023. № 3. S. 82-87.
5. Osokin A. A., Tszin' Kh. Pozitsionirovanie kak diskursivnaya strategiya // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 2022. № 27 (3). S. 567-572.
6. Borisenko V. A. Pragmaticheskaya neopredelennost' kak diskursivnaya strategiya adresata v politicheskom interv'yu // *Vektory razvitiya rusistiki i lingvodidaktiki v kontekste sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya: Sbornik nauchnykh statei po materialam III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Astrakhan', 12-13 oktyabrya 2023 goda*. Astrakhan': Astrakhanskii gosudarstvennyi universitet imeni V. N. Tatishcheva, 2023. S. 7-10.
7. Searle J. R. Expression and meaning. Studies in the theory of speech acts. Cambridge, London, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1979.
8. Yashin B. L. Filosofiya nauki. Kurs lektsii. Moskva, Berlin: Direkt-Media, 2017.
9. Yurkovskaya E. A. Psevdoargumentatsiya propagandistskogo diskursa (na materiale diskursa redaktorskoj stat'i) // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2003. № 2. S. 196-203.
10. Levi-Stross K. Struktura mifov // *Voprosy filosofii*. 1970. № 7. S. 152-164.
11. Antipov M. A. Irratsionalizatsiya soznaniya kak atribut «novogo Srednevekov'ya» // *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera*. 2012. № 34. S. 56-59.
12. Khaidegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya / Per. s nem. V. V. Bibikhina. M.: Respublika, 1993.
13. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980.